

С. В. ПОПОВ

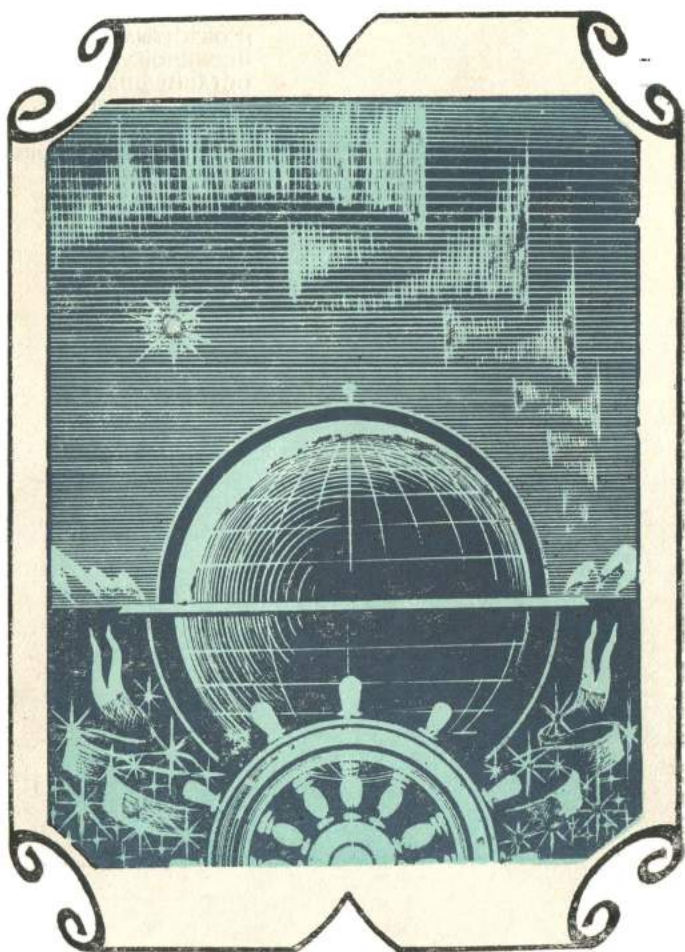

АРХАНГЕЛЬСКИЙ
ПОЛЯРНЫЙ
МЕМОРИАЛ

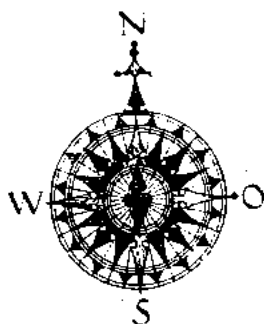

...ЕСЛИ КРАЙ НЕ ГУСТО
НАСЕЛЕН ЛЮДЬМИ, ТО
ОН НАСЕЛЕН
ЧЕЛОВЕЧЬИМИ
ИМЕНАМИ И ОТТОГО
КАЖЕТСЯ МЕНЕЕ
ПУСТЫННЫМ
И ОБЖИТЫМ. ХВАЛА
ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ,
ОСТАВИВШИМ СВОИ
ИМЕНА НА КАРТЕ!

*Борис Горбатов.
Полеты в Арктику*

С. В. ПОПОВ

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПОЛЯРНЫЙ МЕМОРИАЛ

АРХАНГЕЛЬСК
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

Попов С. В.

П58 Архангельский полярный мемориал [Худож. С. Сюхин]. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. — 207 с., ил., 16 л. ил.

Алф. указ.: с. 196—206.

В книге почетного полярника С. В. Попова рассказывается о том, как возникали географические названия самых северных архипелагов Архангельской области — Новой Земли и Земля Франца-Иосифа, за которыми стоят конкретные люди, суда, события. Чаще — известные и прославленные, реже — малоизвестные и даже случайные. В комплексе они достаточно полно отображают историю исследования этих мест. Многие материалы публикуются впервые.

Алфавитный указатель географических названий позволяет использовать книгу как региональный топонимический справочник.

Книга адресована всем, кто интересуется историей, географией и особенно топонимией Арктики и Архангельской области.

П 1905020000 37—85
М 157(03)—85

4
ББК 81

Оформление художника С. Сюхина
На форзацах гравюры Н. Каразина

ОТ АВТОРА

Архангельскую область на севере венчают два больших арктических архипелага — Новая Земля (с островом Вайгач) и Земля Франца-Иосифа. Первый является западными воротами Северного морского пути, второй — ближайшей к Северному полюсу сушей в Советском секторе Арктики.

В топонимическом отношении оба архипелага мемориальны. Здесь, да еще разве на Северной Земле и Таймыре, выдерживается старая арктическая традиция давать географическим объектам названия главным образом в честь людей, судов, городов, событий.

Иногда у топонимистов и особенно у лингвистов, ищущих в географических названиях следы языков ушедших народов, сквозит пренебрежение к мемориальной топонимии*. Что изучать в этих искусственно и даже случайно созданных названиях? — спрашивают они.

Изучать есть что. Хотя молода мемориальная топонимия — в три века в основном укладывается возраст географических названий Новой Земли, и чуть больше ста лет топонимам Земли Франца-Иосифа, — но сколько помещенных на их картах имен забыты и даже безвозвратно утеряны! Разве не обидно: еще не прошло время жизни одного поколения, а люди уже не помнят, кто был тот, чьим именем первопроходец назвал открытый им остров, бухту. Иногда в мыслях об этом человеке черпал он силы и вдохновение, иногда просто отдавал долг памяти и уважения. Разве может быть безразлично нам, потомкам, о ком думал первооткрыватель, плативший за каждый шаг в неизведанное лишениями, страданиями, а иногда и жизнью? Пусть за этим именем стоит, с нашей точки

* Топонимикой называют научную дисциплину, изучающую географические названия. Топонимией — совокупность географических имен (топонимов) какой-либо местности.

зрения, малозначащий для истории открытия и освоения Заполярья человек. Но знать-то его мы должны, раз он попал на карту?!

В ходе истории меняется отношение людей к каким-то событиям, к их участникам. И это естественно. Карта же, как отпечаток давно вымерших растений, сохраняет следы минувших дней, ушедших эпох. Случайных имен, как правило, на ней бывает мало. Но даже их хранит карта. Английский географ Теренс Армстронг заметил, как мало переименований в Арктике произошло за советское время: исчезли имена царя и его родственников-захребетников, врагов и изменников да у имен немногочисленных «святых» ликвидировали приставку «Св.» При желании и умении слушать этот заповедник имен на карте может многое рассказать о славных событиях из прошлого нашей Родины.

Интерес для изучения представляют не только увековеченные в географических названиях имена, но и сам процесс номинации, личности называвших. Роль именователя не такая уж простая, как может показаться на первый взгляд, и не всегда совпадает с его географическим вкладом. П. К. Пахтусов дал много названий, но сделал и великое географическое открытие, подарив миру карту восточных берегов Новой Земли. А вот А. И. Варнек, по сути, новых открытий не совершил, но увековечил на карте немногим меньше своих сподвижников, чем Пахтусов.

Названия характеризуют и людей, их давших. Русский мореплаватель Ф. Литке как именователь был независим, не очень-то стремился угодить сильному мира сего. П. Пахтусов, признавая роль начальства в своих исследованиях, с необыкновенным для тех времен демократизмом и теплотой относился к сослуживцам, но отнюдь не стремился возвысить рядовых моряков. А. Циволька при выборе имен был непоследователен, Г. Седов больше всего почитал ученых. А вот австриец Ю. Пайер и англичанин Ф. Джексон помимо шовинизма были заражены культом царствующих особ. «Демократичные» американцы в совершенно непомерных количествах помещали на свои карты имена президентов, сенаторов, конгрессменов и просто толстосумов.

В то время как иностранцы широко вводили на свои карты разного рода святых, особенно когда их дни совпадали с датой географического открытия, русские поморы и мореплаватели почти не пользовались таким средством номинации. Так, из полутора сотен названий Пахтусова лишь два даны по имени святых: Лахта Св. Мирона и мыс Св. Елены. Ныне это *бухта Лахта Мирона* и *мыс Елены* у юго-западного побережья Южного острова Новой Земли. Не очень-то жаловали наши соотечественники и царей и богатеев. Русская карта всегда была по названиям много демократичнее иностранной.

Так как книга предназначена широкому кругу читателей, то автор не хотел рассказ о людях замыкать в узкий круг их специальности. Ведь о профессиональной деятельности океанолога В. А. Березкина или геодезиста Ф. Н. Красовского, например, читатель может при нужде узнать из справочников, специальных статей. Несложно найти жизнеописания популярных на Севере профессора В. Ю. Визе, капитана В. И. Воронина, геолога В. А. Русанова, гидрографа Г. Я. Седова. Поэтому автор, говоря о них, ограничился информацией, только имеющей прямое отношение к процессу номинации. Зато попытался более обстоятельно рассказать о малоизвестных и незаслуженно, по его мнению, забытых людях.

Арктическая мемориальная топонимия не просто совокупность географических названий. Это летопись полярных событий и в то же время — жизнеутверждающий гимн человеческому духу и разуму, достойный реквием павшим в борьбе со стихией и призывный марш для потомков, зовущий их быть сильными, мужественными и благородными.

Топонимику считают прикладной наукой. Она только помогает лингвистам, историкам, географам. Поэтому настоящая книга — не история и не география архангельских архипелагов. Не надо сетовать, если окажется неупомянутым кто-то из известных исследователей.

Географические названия, как фольклорные произведения, создавались разными людьми на протяжении длительного времени. И расшифровка их дело порой нелегкое. Автор не стеснялся показать свои сомнения и даже незнание в отдельных случаях, втайне надеясь на читательскую помощь. Весь материал в книге по возможности изложен в хронологическом порядке. Сохранившиеся названия, где о них ведется основной рассказ в тексте, выделены шрифтом. Именно на это место дана ссылка в алфавитном указателе географических названий в конце книги.

Все даты приведены к новому стилю, исключая даты в цитатах. Транскрипция топонимов принята с морских карт, никакие исправления в нее не вносились, лишь оговаривались встречающиеся искажения. Очень небольшое число маловыразительных названий, объяснение которых не вызывает труда, или повторяющихся имен опущено сознательно, чтобы не перегружать книгу.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке рукописи К. А. Богданову, Ю. П. Бородину, К. В. Бураковскому, Б. П. Водопьянову, Б. В. Елисееву, А. К. Жилинскому, Б. И. Кузнецову, В. И. Пересыпкину, Ю. П. Чернокальцеву, Л. М. Щипко и другим товарищам, сообщившим ценные сведения по исследованию описываемого района.

ПОМОРСКАЯ СТАРИНА НОВОЙ ЗЕМЛИ

Нет единого мнения, когда была открыта *Новая Земля*. Но все ученые единодушны в том, что сделали это русские люди. «Одни,— пишет доктор исторических наук В. М. Пасецкий,—осторожно предполагают, что это произошло в XI в., другие более уверенно называют XIII в., наконец, третьи утверждают, что Новая Земля обретена русскими людьми не позже конца XV столетия. [...] Тот факт, что столь важное событие не нашло отражения в первых русских летописях, можно объяснить тем, что в этом веке (XI или XII.—С. П.) центр летописания находился в Киеве. Естественно, что в летописях находили отражение прежде всего события, происходившие в южнорусских землях»*.

Думается, дело даже не только в этом. Вряд ли можно серьезно говорить, что одно стремление заглянуть за горизонт влекло человека XI века в Северный Ледовитый океан, в Сибирь. «Побуждения, заставлявшие выбирать такие пути,—считал известный моревед Н. Н. Зубов,—были одинаковы и у новгородцев, и у сибирских землепроходцев—это поиски промысловых угодий, поиски новых племен, с которыми можно было бы вести меновую торговлю и которых можно было бы облагать податью»**.

* Пасецкий В. М. Первооткрыватели Новой Земли. М.: На-ука, 1980, с. 8—10.

** Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954, с. 14—15.

Обычно географические открытия запоминались, если они сопровождались многолюдными и дорогостоящими походами, кровавыми стычками, значительными материальными выгодами. Большинство же древних плаваний были негосударственными, малолюдными, предпринятыми на свой страх и риск — «ради собственного прокорму». Поэтому и не находили они отражения в летописях. Безвестно уходили «на полуношник», безвестно гибли, безвестно возвращались.

Вспомните, с какой бесшабашной удалей, а с точки зрения современного человека даже легкомыслием, в XVII веке северо-восточные мореходы совершали свои походы, в результате которых за весьма короткий срок были открыты все великие реки Сибири! Большинство из них были выходцами из Поморья или широко пользовались многовековым опытом морских походов поморов, приобретенным не только в «домашнем» Белом море. Даже ученым «птенцам Петровым» из хорошо оснащенной государственной Великой Северной экспедиции, несмотря на небывалые лишения и самоотверженность, далеко не все удавалось из того, что удавалось древним поморам.

Говоря о дате открытия Новой Земли, уходящей в глубь веков, следует учесть не только редкое в те времена умение «летописать», но и тот факт, что многие древние документы, а тем более устные предания, до нас не дошли. Вот почему каждая новая археологическая находка имеет громадное значение. Топонимика тоже вносит свой вклад в решение этого вопроса.

Еще в 1828 году Ф. П. Литке писал о Новой Земле: «...первыми открывателями этой земли были, без сомнения, россияне, обитатели Двинской области. Настоящее ее название, которого никогда и никто у ней не оспаривал, достаточно то доказывает. Замечательно, что ни одному из мореплавателей XVI и XVII веков, имевших особую страсть давать свои имена землям и местам, уже прежде открытым и названным (что они доказали на материке и островах, прилежащих к Новой Земле), не пришло в мысль переименовать по-своему и эту последнюю. Самые первые из них говорят о ней, как о такой земле, о которой они уже слыхивали. Они находили на отдаленнейших к северу берегах ее кресты со славянскими надписями, развалины жилищ и про-

чее. Русские мореходцы, им встречавшиеся, указывали им путь, давали наставления» *.

В топонимии случается, что словом «новый» называется давно известный объект. Например, древнейший Новый Город — Новгород. В данном случае древнейшее географическое название Арктики — Новая Земля. Долгое время существовало представление, что Новая Земля тянется вдоль всего северного побережья Азии и даже соединяется с Америкой. Правда, у архипелага было и другое название. В словаре А. Подвысоцкого читаем: «Матка, название острова Новая Земля по говору поморов (не оттого ли, что в такое дальнее плавание, как к Новой Земле, опасно плавать без матки)». Так в старину называли деревянный компас.

Разделяющий Северный и Южный острова Новой Земли пролив *Маточкин Шар*, который показывается на иностранных картах XVI века, означает «Пролив, пересекающий Матку», или «Новоземельский пролив». Дialectное слово «шар» — пролив заимствовано из языка коми, а не от русского «шарить», то есть искать путь, как раньше объясняли его происхождение. На карте Исаака Массы 1609 года, составленной по русским источникам, видим «Matsei of tsag». Это дало основание некоторым исследователям толковать, правда совершенно бездоказательно, происхождение от именного «Матвеев, Матюшин Шар».

Очень древним является название *остров Вайгач*. Какие только предположения не выдвигались о его происхождении! Одни, относя это имя к Вайгачскому, или Вайгатскому, проливу (современный Югорский Шар), производили его от голландских *waaien* — дуть и *gat* — ворота, другие — от немецкого *weihen* — святить. Хотя известно, что голландцы в 1594 году именовали пролив Нассавским в честь Морица Оранского, а остров Енкгейзенским в честь города, где снаряжалось судно. Автор изданной в 1784 году книги «История открытий и путешествий на Севере» Иоганн Фостер, памятуя, что голландский адмирал Най назвал юго-западную оконечность Вайгача мысом Идолов (здесь находилось ненецкое святилище со множеством деревянных идолов), пытался дать русскую кальку этого названия —

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 годах. М.: Географиз, 1948, с. 31.

Ваятный Нос, от слова «ваять» — делать идолов. А вот голландский картограф Н. Витсен утверждал, что остров носит имя некоего Ивана, или Яна, Вайгача. Интересно, что эта совершенно бездоказательная версия почему-то повторяется многими современными топонимистами.

Ближе всех к истине оказался родоначальник новоземельской топонимии Ф. П. Литке. «Откуда же слово Вайгач происходит? — спрашивает он и тут же отвечает: — Вопрос этот решить столь же трудно, как и подобные о словах Колгуев, Нокуев, Кильдин, Варандей и множестве других названий, которые есть, вероятно, остатки языков, истребившихся вместе с народами, которые говорили ими» *.

Чаще других народов бывавшие здесь ненцы именовали остров Хаюдейя — Святая Земля, что совершенно не созвучно с русским названием. Может быть, особо и мудрствовать-то не следовало, а давно надо было обратиться к русским северным говорам? В. И. Даль в своем словаре, правда не очень уверенно, со знаком вопроса, пишет: «Вайгач? наносный, намывной, нижний (по течению) конец острова; наносная мель, коса, кошка».

Пролив Югорский Шар и полуостров Югорский названы в древности по хантским и мансийским племенам, которые обложившие их данью новгородцы называли югрой или угрой. Они населяли Угорию — предгорья Северного Урала.

Древним является и название *пролива Карские Ворота*, отделяющего Новую Землю от острова Вайгач. Конечно, не в современной форме, потому что Карский залив появился лишь в XVIII веке — так по *реке Каре*** называли современную Байдарацкую губу, а затем и всю юго-западную часть *Карского моря*. Само же море в современных границах стали показывать на картах лишь после плавания Норденшельда.

Некоторые исследователи считают, что раньше пролив назывался Железные Ворота, ссылаясь на запись в Никоновской летописи, где под 1032 годом значится: «Того же лета Улеб иде на Железные врата из Новго-

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 50.

** Одни считают, что название реки происходит от ненецкого слова «хара» — извилистая, другие — от «хоре (коре)» — торосистый лед.

рода и вспять мало их возвратишася, но мнози тамо погибоша». Такому мнению возражают, что Карские Ворота до XVI века назывались просто Ворота — в смысле «фарватер, проход». В летописи же, вероятно, имелись в виду Железные Ворота — пролив у острова Мудьюгский или в Соловецких островах в Белом море. Это название поморы действительно позже перенесли на Новую Землю, но только на пролив (теперь Железный), отделяющий остров Ярцева от острова Междошарского. Нынешний же пролив Железные Ворота, отделяющий от южного побережья Новой Земли остров Б. Логинов, именован в 1832 году П. К. Пахтусовым «по причине быстрого в нем течения».

И еще четыре русских названия встречаются на иностранных картах добаренцевской поры: Гусиная река, Подрезов остров, пролив Костин Шар и Мутная губа. Современный полуостров Гусиная Земля одно время на некоторых из них назывался Землей Виллоуби в честь Гуго Виллоуби, который возглавлял английскую экспедицию, 14 августа 1553 года усмотревшую эту землю. «Мы думали пристать к этой земле и спустили шлюпку, — пишет в дневнике Виллоуби, — но подойти к берегу не удалось вследствие мелководья. Здесь находилось много льда. Земля казалась необитаемой. Она лежит в широте 72°»*.

Однако ошибка в определении широты в те времена вполне возможна, поэтому твердой уверенности в том, что это была Гусиная Земля, нет. Норденшельд, например, убежден, что экспедиция обнаружила остров Колгуев. Экипажи двух судов экспедиции во главе с Виллоуби погибли во время зимовки в устье реки Варсины на Кольском полуострове. Капитан же третьего судна Р. Ченслер достиг устья Северной Двины и по вызову Ивана Грозного посетил Москву.

К сожалению, до нас почти не дошли русские источники со старинными новоземельскими названиями. Самая ранняя такая запись была сделана членом-корреспондентом Российской академии наук Василием Васильевичем Крестининым со слов мезенских мореходов Федора Ипполитовича Рахманина, Алексея Ивановича Откупщикова и Ивана Шухобова и опубликована в

* Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М.; Л.: Главсевморпути, 1939, с. 26.

1788 и 1789 годах в его труде «Географическое известие о Новой Земле полуночного края». Выполнявший анализ этих названий в наши дни профессор В. Ю. Визе установил: «Из 112 названий, известных в XVIII веке и уточненных нами, до нас дошло только 55» *.

Одни из этих названий, например *Большой и Малый Бритвины острова*, *губа Широкиха*, *река Сивучиха*, *лагуна Обманый Шар*, не требуют пояснений. Другие, образованные от местных поморских слов, не всегда понятны для жителей иных районов. Так, *губа Грибовая* названа не за обилие грибов, а за подводные наносы песка уступом — грибы. *Обседья губа* — значит Обжитая губа. «Обседеться — привыкнуть к месту, как обжиться, осваиваться с ним», — объясняет В. И. Даль. *Мыс Перевесинский* — от «перевесье», так в старину называли место ловли птиц сетями — перевесами.

О происхождении третьих можно привести разного рода истории. *Губа Строганова* на юго-западном побережье Южного острова названа, по преданию, в честь семьи новгородцев Строгановых, бежавших на Новую Землю из-за политических преследований во времена Ивана Грозного. Остатки жилищ Строгановых видели в XVIII веке Ф. И. Рахманин и даже в XIX веке Ф. П. Литке. Это были большие избы размером восемь на восемь метров с такими же сенями. Возле них и в окрестностях — много могил и «обнаженных человеческих костей больших и малых людей». Надписи на крестах, по свидетельству Рахманина, гласили, что «приходили к ним некоторые люди, называемые шершуты, и их обидели. В надписях представлены сии люди с железными носами и зубами, и что страшное их видение смертоносно. Может быть, так писаны некоторые звероловцы, люди зверообразные нравом, которые нещастие сих переселенцев, людей без сомнения богатых, каким-либо образом еще умножили более» **.

Скорее всего это были голландцы из экспедиции Баренца, которые воспользовались продуктами Строгановых. А свидетельство тому — описание плававшего с Баренцем Геррита Де-Фера высадки в этом месте голландцев в 1594 году. «Добравшись на лодке до берега, они наткнулись на следы людей, которые, очевидно

* Визе В. Ю. Старинные русские названия на Новой Земле. — *Летопись Севера*, 1949, т. 1, с. 108.

** Путешествие академика Лепехина. СПб., 1805, ч. IV, с. 160.

заметив моряков, успели убежать. Именно там оказалось шесть полных мешков ржаной муки, спрятанных в земле, и куча камней у креста, а в расстоянии ружейного выстрела стоял еще другой крест с тремя деревянными домами, выстроенными по северному обычаю. В этих домах они нашли много бочарных досок и поэтому сделали предположение, что тут ведется ловля лососевых рыб; они обнаружили также пять или шесть гробов, полных костями умерших, не зарытых в землю, а заваленных камнями. Там лежала также сломанная русская ладья, длина киля которой была 44 фута. Однако людей они не видели.

Этой превосходной и защищенной от всех ветров гавани они дали название Мучной гавани из-за найденной там муки» *.

Ныне этого топонима нет на картах, но зато упоминавшееся выше древнее название Мутная губа с легкой руки Ф. П. Литке было переделано в Мучную губу. Теперь чуть севернее Строгановой губы показываются *полуостров Мучный и острова Мучные*.

Подобное же предание связано с *губой Черной*, что находится на юго-западе Новой Земли. Здесь жило семейство раскольников Пайкачевых из двенадцати человек, перебравшееся сюда из Кеми в 1763 году. На другой год сюда пришел промышленник Афанасий Харнай из Долгощелья. Вот как передал Ф. П. Литке его лопман Алексей Откупщиков рассказ Харная: «И вдруг видит — лежат все Пайкачи бездыханные, в белых смертных саванах, а сами черные, как уголья. Выкопал Харнай со своими молодцами могилу братскую и предал покойников земле... С того времени и кличут бухту Черною...» **

Древним поморским крестам, которые ставились не только как памятники, но и как ориентиры, маяки, обязаны своим происхождением названия *Крестовая губа* на западном побережье Северного острова, впервые нанесенная на карту Ф. П. Литке, и *Крестовая гора*, названная в 1924 году Р. Л. Самойловичем. Баренц в июле 1594 года именовал *Крестовые (Северный и Южный) острова*, потому что здесь стояли два самых северных

* Де-Фер Г. Плавание Баренца. 1594—1597. Л.: Главсевморпути, 1936, с. 70—73.

** Марич М. Жизнь и плавание флота капитан-лейтенанта Федора Литке. М.; Л.: Главсевморпути, 1949, с. 123.

из обнаруженных им на Новой Земле русских креста. Правда, при этом было утрачено древнее поморское название Становые острова, свидетельствовавшее о том, что на них издавна находились станы промышленников.

Из надписи на кресте П. К. Пахтусов узнал, что протекавшая на восточном побережье Южного острова река *Кумжа* названа в 1827 году пустозерским крестьянином И. М. Курепановым. Кумжа — рыба из семейства лососевых, которую он здесь добывал.

Разного рода поморские термины стали основой многих топонимов Новой Земли и острова Вайгач, хотя далеко не всегда мы можем сказать, кто и когда их дал. Одно несомненно — это сделали поморы. *Губа Дыроватая* и *полуостров Дыроватый* на Вайгаче получили название от одноименных островов, между которыми было много «дыр» — проливов. *Бухта Лямчина* — потому что оторочена островами. «Лямчить» у моряков в старину значило оторачивать. *Губа Осминина*, как утверждает предание, названа потому, что здесь во время зимовки в давние времена погибли восемь русских промышленников.

Название высокого *мыса Бык* при входе в Маточкин Шар из Карского моря происходит от поморского термина «бык» — выдающийся в море или реку каменный утес. *Остров Калтак* у Южного острова — от слова «калтак» — ком обледеневшего снега, плавающий в воде, что очень напоминает остров. В основе названий *мыс* и *полуостров Кушный* — архангельское диалектное слово «кушня» — хижина в безлюдном месте. *Остров* и *мыс Потыч* — вероятно, от «потыч», что значит мелкая губа. *Группа камней Толкунцы* в заливе Моллера — от поморского термина, означающего всплески, водовороты, толчею на этом месте при ветре и приливе.

Мы не имеем возможности подробно останавливаться на подобного рода топонимах, так как тема нашей книги — именные, мемориальные названия. Несомненно, и они были в древности на Новой Земле. Вполне возможно, что таковыми являются, например, *остров Вальков* и возникшие от него позже названия *мыса* и *губы Валькова*, ибо здесь в XVIII веке было становище Валькова. Но кем был этот человек, а также и *Паньков*, *Селезнев*, *Ярцев*, *Карповы*, от имен которых пошли современные названия *Земля Панькова*, *остров Селезнева*, *Ярцева* на Новой Земле и *острова Карповы* на

острове Вайгач, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Им не ставили памятников, о них не рассказывали летописи...

На *острове Кусова Земля*, в древности Тиглева Земля, есть *губа Тархова*. Можно, конечно, предположить, что названа она в честь кого-то из потомков купца Ивана Федоровича Тархова, который в конце XVI века сколачивал промысловые ватаги и торговал продуктами промыслов. Но доказательств тому нет никаких.

Толкование значений древних поморских именных названий — дело сложное и неблагодарное, даже, казалось бы, в очевидных случаях. Так, профессор-историк М. И. Белов попытался усмотреть на карте Новой Земли несколько имен «бесстрашных мореходов Поморья»: мыс Инков Нос, губа Кармакулова, гора Рахова*. Он приводит очень интересные документальные сведения о старинных поморских фамилиях мезенцев Инковых и Кармакуловых из деревни Дешковской Двинского уезда Солянского Стана, а также о кормщике архиепископского дома Луке Рахове, ходившем на Новую Землю в 1694 году. Однако на деле точно известно, что *гора Рахова* на полуострове Пиритовый на Южном острове названа в 1833 году П. К. Пахтусовым в честь участника его экспедиции крестьянина Архангельского уезда Заостровной деревни Малые Рыболовы Андрея Ивановича Рахова (род. в 1797 г.). А *полуостров Рахова* получил свое название по горе уже в наши дни.

М. И. Белов упоминает о первом зарегистрированном в документах промышленном плавании на Новую Землю на кочах Антониев-Сийского монастыря летом 1692 года Ефима Федотова Перевозника. Он пишет: «Ефим Федотов Перевозник, известный в Поморье не столько по прозвищу, сколько по отчеству, вновь отправился на Новую Землю в мае 1693 года. Согласно записи в таможенной книге, спустя 15 месяцев после зимовки, в сентябре 1696 года, он пришел «с моря с Новой Земли», имея на кочах 25 моржей и 21,5 бочки сала белого медведя. Ефим Федотов плавал на Новую Землю не раз, и, вероятно, в память о нем один из мысов южного побережья (у острова Пограничного) до сих пор носит его имя»**.

* Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Морской транспорт, 1956, с. 53.

** Там же, с. 56.

Мы приводим эту длинную цитату с единственной целью показать, как иногда топонимический материал, увы, используется, чтобы заставить его служить нужному автору утверждению. Беда в том, что идущий следом топонимист Б. Г. Масленников, замороженный авторитетом крупнейшего специалиста по арктической истории, не будет выполнять никаких исследований, все возьмет на веру и вообще опустит кличку «Перевозник»: «Федотова, м. ...Назван, видимо, по фамилии Ефима Федотова, неоднократно плававшего к Новой Земле в 1692—96 гг.»*

И ни к чему автору, что название *мыс Федотова* появилось лишь в тридцатых годах нашего века, а старыми промышленниками вообще не употреблялось. Как и следовало ожидать, советский гидрограф В. М. Никитин подтвердил, что мыс назван комиссией Северной гидрографической экспедиции в честь другого спутника П. К. Пахтусова — отставного боцмана Василия Федотова, умершего от цинги 12 мая 1833 года неподалеку от этого мыса.

Остров Кармакульский и нынешняя *губа Большая Кармакульская*, вероятнее всего, ведут свое происхождение, как и фамилия поморов Кармакуловых, от слова «кармакул» — подводный камень, которых много в упомянутой губе. Названия *мыса Иньков Нос* и появившейся уже в нашем веке *губы Инькова* на западном побережье Вайгача скорее всего образованы от архангельского диалектного «инка» — нерусская женщина, ненка.

Еще современник А. С. Пушкина, один из пионеров русской исторической географии Н. И. Надеждин сказал: «Слово всё в нашей власти. Оно беззащитно. Из него можно вымучить всякий смысл этимологической пыткой...»**

И все-таки несколько имен древних поморов увековечены в географических названиях Новой Земли. А сохранили эти имена в большинстве случаев опять же поморские кресты.

В 1833 году П. К. Пахтусов на восточном побережье Южного острова нашел повалившийся листовен-

* Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. М.: Воениздат, 1973, с. 208.

** Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира. — Библиотека для чтения, СПб., 1837, т. XXII, с. 33.

нический крест с не полностью сохранившейся надписью: «Поставили сей животворящий крест на поклонение православным христианам зимовщики, 12 человек, кормщик Савва Ф...анов, по Новой Земле, по правую сторону Кусова Носа». На большой перекладине креста уцелело: «ЗСН оду июля 9 дня», то есть 7250 году от сотворения мира, или в 1742 году от рождества Христова. Пахтусов не сомневался, что это был крест олонечкого промышленника Саввы Лошкина, который, по преданию, за три лета первым обогнул с севера Новую Землю. (Его имя носят горы, мыс и остров Лошкина у Северного острова). Пахтусов предположил, что на кресте была вырезана или вторая фамилия Саввы — Фофанов, или его отчество Феофанов.

Однако уверенность Пахтусова не разделяли последующие исследователи. В. Ю. Визе, например, писал: «Так как вырезанный на кресте год (1742) не соответствует тому времени, к которому относят плавание Лошкина (1760), то трудно сказать, насколько Пахтусов был прав, приписывая найденный им крест Лошкину» *. А вот В. М. Пасецкий категорично утверждает: «Пахтусов ошибся, приписывая обнаруженный им крест Савве Лошкину, так как последний обошел Новую Землю двумя десятками лет позже даты, вырезанной на кресте, а именно в начале 60-х годов XVIII в.» **

Вот как один и тот же факт может быть истолкован разными исследователями! Ведь ничего не изменилось за прошедшие полтора века, никаких новых сведений добыто не было. Но какая метаморфоза: уверенность Пахтусова — сомнение Визе — и снова уверенность, но уже в обратном, Пасецкого. Не есть ли это откровенная «подгонка под ответ»? Конечно, нам было бы приятно знать, что до Лошкина и Пахтусова на восточном побережье зимовал Савва Феофанов. Но ведь и Пахтусову это было бы приятно. Однако он больше всего боялся быть необъективным и, взвесив все, посчитал более вероятными ошибку в датировке плавания С. Лошкина и искажение его обстоятельств в устных поморских преданиях...

Так или иначе, Пахтусов на месте выяснил многие подробности той зимовки. «По-видимому, — пишет он, —

* Визе В. Ю. Моря Советской Арктики, с. 101.

** Пасецкий В. М. Первооткрыватели Новой Земли, с. 96.

Савва зимовал здесь с большим судном; изба его была перевезена в сруб с места отправления его, равно как и другая разволочная изба *, которую мы нашли ввечеру того же дня. По всему видно, что у Феофанова не умер ни один человек, потому что около изб его не нашли мы ни одной могилы **. Реку, в устье которой были сделаны эти находки, Пахтусов назвал *рекой Саввина*.

Целую цепочку названий повлек пятиметровый крест в Русской Гавани с надписью: «Поставлен с. к. (сей крест.— С. П.) промышленником коршиком шуерецким Степаном Горяковым с товарищи 1842 августа 8 дня. Место Баренци по-старому у Богатого острова» ***.

В соответствии с этой надписью геодезист Г. А. Войцеховский поместил на карте Русской Гавани *мыс Шуерецкий* (по деревне Шуя Кемского уезда Архангельской губернии). Утвердилось и название *полуостров Горякова*, хотя зимовщики Русской Гавани в 1932 году пытались переименовать его в полуостров Михеева по фамилии полярного летчика. Еще раньше, в 1927 году, экспедиция Р. Л. Самойловича восстановила на картах и старинное название *остров Богатый*, известное еще Крестинину и данное «по великому промыслу моржей».

В 1930 году Соколов-Микитов также отмечал: «Подле креста видны следы давнишнего поморского становища. В землю вбиты старые сваи. Берег за долгие годы поднялся из моря и теперь сваи стоят далеко на суше» ****. Не с явлением ли тектонического поднятия суши связано происхождение древних названий *губа Саханина* и *мыс Сухой Нос* на Северном острове? Хотя не надо забывать и поморский термин «сухая вода», означающий «отлив, самая низкая вода».

Интересно, что все именные названия в честь древних поморов возникли уже в наше время как дань подвигу первопроходцев. Таким является и название *губа*

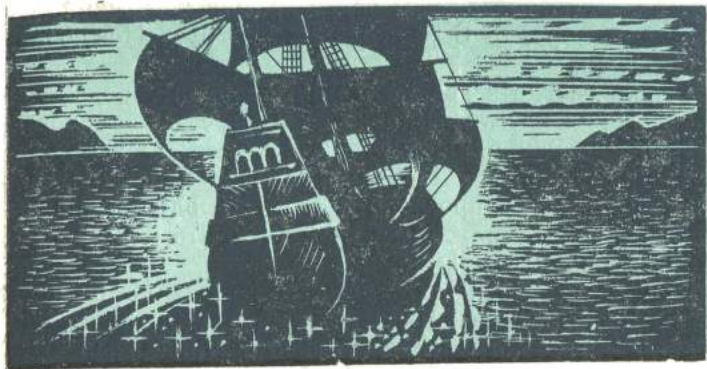
* «...Становая изба означает главное жилище зимующих промышленников и обыкновенно при ней находятся: сени, баня и шалаш для провизии. Разволочными же называют малые избы, или временные караулки; они ставятся от станových на расстоянии от 5 до 10 верст...» (Примечание П. К. Пахтусова).

** Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Монсеева. М.: Географиз, 1956, с. 64.

*** Соколов-Микитов. Пути кораблей. Л.: Советский писатель, 1958, с. 213.

**** Там же.

Поморская на западном устье Маточкина Шара. И даже имя сообщившего В. В. Крестинину старинные названия Новой Земли мезенского кормщика Федота Ипполитовича Рахманина (род. в 1731 г.), который за 57 лет жизни 6 раз зимовал на Шпицбергене, 5 — в Сибири и 26 раз на Новой Земле, увековечено совсем недавно, в 1927 году, 14-й экспедицией Плавучего морского научного института на «Персее». *Мыс Рахманина* находится в заливе Шуберта на восточном побережье Южного острова.

БАРЕНЦ ОТКРЫВАЕТ «СВОЕ» МОРЕ

Увлечшись поморскими крестами, мы несколько нарушили хронологию в изложении истории исследования Новой Земли и Баренцева моря. Впрочем, море тогда еще не было Баренцевым. Как его только не называли — Русским, Мурманским, Московским, Квенским (квены — древние обитатели Скандинавского полуострова), Студеным, Печорским!

Три голландские экспедиции, душой которых был Виллем Баренц, стали возможны после победы Нидерландской буржуазной революции над испанским владычеством и собственной реакцией. По выражению шведского полярного исследователя А. Норденшельда, они «заслужили важное место в истории географических открытий и сторицей вознаградил произведенные затраты, частью непосредственно, положив начало такому выгодному для Голландии промыслу, как китобойный, частью же подняв народный дух и национальную гордость»*.

Виллем Баренц родился в 1550 году на острове Тер-Шеллинг. В первое плавание на поиски северного пути в Китай он отправился в мае 1594 года из ставшего для него родным Амстердама в качестве командира одного из трех кораблей. Если два судна экспедиции под командованием К. Ная и Б. Татгалеса

* Норденшельд А. Е. Плавание на «Веге». Л.: Главсевморпути, 1936, с. 263—264.

пошли кратчайшим путем через пролив Югорский Шар в Карское море, то Баренц решил обогнуть Новую Землю с севера.

4 июля, когда в двадцати милях впервые показались берега Новой Земли, Баренц дал свое первое новоземельское название мыс Длинный—судя по всему, это был мыс Сухой Нос. По данным мореплавателем наименованиям легко проследить его путь вдоль западных берегов Новой Земли. Мы будем говорить о тех из них, которые сохранились.

Полуостров Адмиралтейства, названный Баренцем в честь главного морского учреждения Голландии, тогда представлял собой остров. Только в тридцатых годах прошлого века вследствие тектонического поднятия берега он превратился в полуостров.

6 июля голландцы достигли *мыса Черный*—земля вблизи него оказалась черной и напомнила им грунты на бере родного Амстердама. На другой день высадились на острове Виллема, где нашли много плавника, обломки русского корабля, а также впервые встретили моржей—«чудовищ, живущих в море, с большими клыками, употребляемыми вместо слоновой кости»*. Впоследствии этот остров доставил картографам много хлопот. Еще в 1601 году издатели карты Баренца во Франкфурте братья Де-Бри исказили его название на немецкий лад—«остров Вильгельма». Ф. П. Литке отнес его к южному из *Горбовых островов*, утверждая, что Баренц именно их принял за один остров. Однако П. К. Пахтусов называл его островом Личутина (см. гл. «Подвижники корпуса флотских штурманов»), а название «остров Вильгельма» поместил у находящегося в восьми милях юго-западнее крохотного островка. Это позже вызвало возражения у В. А. Русанова: «Ввиду сравнительной отдаленности острова Вильяма, нет достаточных оснований присоединять этот островок к группе Горбовых островов»**. Наконец, решением Архангельского облисполкома 13 октября 1958 года этот островок получил современное название *остров Вильяма*.

Нынешняя *губа Архангельская* именована Баренцем бухтой Медвежьей. Здесь 8 июля ранили первого белого медведя. Однако он бросился со льдины в воду и по-

* Де-Фер Г., с. 53.

** Русанов В. А. К топографии Новой Земли. — В кн.: Материалы по исследованию Новой Земли, вып. II, СПб., 1911, с. 80.

плыл. Тогда ему накиннули на шею петлю. «Они никогда не видели такого медведя, — писал со слов Баренца Г. Де-Фер, — и рассчитывали притащить его на корабль живым, чтобы показать в Голландии; но медведь оказался настолько силен, что они сочли счастьем спастись от него и удовольствовались его шкурой» *. Но прежде чем охотникам удалось это сделать, медведь едва сам с них не снял шкуру. Он ухватился лапами за борт и попытался влезть в шлюпку. «Это привело в ужас моряков; они перешли в переднюю часть лодки и почти отчаявались в своем спасении. Избавил их от опасности изумительный случай: петля или веревка, брошенная на шею медведя, застряла на лопасти руля, так что зверь не мог двигаться дальше и был задержан. Когда он запутался таким образом, один из моряков, собравшись с духом, вернулся с передней части лодки и толкнул медведя половиной шеста, так что зверь скатился в воду. Тогда они стали грести обратно к кораблю и тащили за собой медведя, пока он совершенно не лишился сил. Тут его закололи и сняли с него шкуру, которую отвезли в Амстердам» **.

Архангельскую губу промышленники в XVII веке называли Торговой, Макарковой. Тогда же шведский торговый агент в России Э. Пальмквист записал и современное название. Оно несомненно происходит от города Архангельского, который стал называться по стоявшему на его месте Михайло-Архангельскому монастырю.

После Крестового острова, о котором мы рассказывали в предыдущей главе, голландцы приплыли к низкому и плоскому мысу *Нассау*, окруженному рифами и мелями. Этот мыс, *острова Оранские* и *мыс Маврикия*, а также названный К. Наем Нассавский пролив (Югорский Шар) были именованы в честь наместника Республики соединенных провинций, как тогда назывались Нидерланды, принца Морица (Маврикия) Оранского, графа Нассауского, принимавшего активное участие в снаряжении всех трех голландских экспедиций.

Когда отошли от мыса Нассау миль на двадцать, мореплавателям показалось, что севернее Новой Земли лежит еще какая-то земля. Но проверить не удалось из-за разыгравшегося сильного шторма. Кончился

* Де-Фер Г., с. 53.

** Там же, с. 54.

шторм — появился лед. Три недели корабль лавировал во льдах, тщетно пытаясь в часто накрывавшем тумане усмотреть новоземельские берега. Поэтому, когда наконец 26 июля подошли к мысу, где к тому же благополучно избежали посадки на мель, назвали его *мысом Утешения*.

А через три дня находились у самого северного мыса Новой Земли — Ледяного. Теперь это название откопчало на юго-запад, на *мыс Большой Ледяной*. Основанием для такого переноса могло послужить то, что здесь спускается в море ледник. Однако В. Ю. Визе считает, что Баренц назвал свой мыс Ледяной (ныне мыс Карлсена) потому, что большое скопление льдов в этом месте наблюдалось со стороны моря. Такое утверждение даже вероятнее.

А потом высадились на одном из Оранских островов, где ближе познакомились с моржами. «Моряки думали, — пишет Де-Фер, — что это стадо моржей, возившихся на песке, не сможет защищаться на суше, и потому напали на них, чтобы овладеть их клыками, но поломали свои тесаки, топоры и копья, не сумев убить ни одного; только у одного они выбили клык, который и унесли. Не добившись в этой борьбе никакого успеха, они решили вернуться на корабль и привезти оттуда пушки и с ними атаковать моржей, но поднялся сильный ветер, который стал ломать лед на большие глыбы, так что от этого намерения пришлось отказаться»*.

В том, что Баренц не пошел восточнее Оранских островов, льды, видно, не очень повинны. Г. Де-Фер на этот счет высказывается довольно туманно: «...моряки стали тяготиться продолжительным замедлением и не желали идти дальше. Поэтому в конце концов он (Баренц. — С. П.) счел за лучшее плыть обратно и вернуться к другим кораблям, взяв курс к Вайгачу или Нассаускому проливу...»**

Обратный путь вдоль западных берегов Новой Земли голландцы прошли значительно быстрее, хотя ветры далеко не всегда были попутными. Снова на берегах видели следы пребывания поморов — избышки, кресты. И на вновь созданной карте появились остров Черный («так как поверхность земли там была черная»), мыс

* Де-Фер Г., с. 65.

** Там же, с. 65—66.

Крестовый («по найденному на нем кресту»). Объекты эти давно у русских именовались *остров Подрезов* и *мыс Шадровский*. Первый назван за характерные, как бы подрезанные, берега и был помещен еще в атласе Де-Юдениса, изданном в 1593 году. Название второго поморами образовано от слова «шадрина» — рябина на лице. Мыс Шадринский, или Шадровский, — значит Рябой мыс. Кстати, он носит и ненецкое название Хохорей-Сая.

О высадке голландцев в губе Строгановой (залив Св. Лаврентия) мы рассказывали в первой главе. Здесь же они обозначили мыс Шанц, который обычно отождествляют с нынешним Мучным Носом. Но что за земляное укрепление, редут, имели в виду голландцы, а именно так переводится это название, не ясно. У Строгановых вроде бы такового не было. 12 августа, встретив лед у острова Св. Клары, что соответствует современному *острову Большой Сахалин*, Баренц повернул на юго-запад.

Через три дня в районе островов Матвеев и Долгий прогремел пушечный салют. Это встретились корабли К. Ная и Б. Татгалеса с кораблем В. Баренца. Они считали, что достигли реки Оби и находились недалеко от мыса Табин, северной оконечности Азии. На самом деле Най и Татгалес едва достигли Карской губы. Посчитав, что путь в Китай почти открыт, они повернули назад. На обратном пути голландцы посетили *остров Местный*, назвав его островом Штатов в честь высшего законодательного органа Республики соединенных провинций — Генеральных Штатов. Их название не привилось даже на иностранных картах. На русских же остров долгое время назывался Мяной.

В конце сентября корабли возвратились на родину, каждый в город, его снарядивший. Весь Амстердам спешил смотреть привезенную командой Баренца шкуру морского чудовища — моржа.

Во второе плавание на поиски северного пути в Китай Генеральные Штаты и принц Оранский отправили семь кораблей. Возглавлял экспедицию Корнелис Най, главным штурманом у него шел Виллем Баренц. Географические названия об этом плаваньи ничего рассказать не могут. Их почти не было, а такие, как мыс Идоллов, залив Ворванный в Югорском Шаре, не сохрани-

лись. Было много встреч с русскими, ненцами, которые охотно рассказывали о пути на Енисей. Но голландцы плохо понимали их. Кроме путаных названий Уголитой и Мармаре, в которых с трудом можно скорее угадать, чем узнать, реку Енисей и Нарзомское море — так в старину русские называли Карское море, — голландцы в Европу не привезли. Впрочем, если быть точным, привезли шкуру белого медведя, который на острове Штатов задрал двух их товарищей.

«Второе путешествие это, — писал Ф. Литке, — предпринятое со столь великим иждивением и обещавшее так много, кончилось совершенно безуспешно: голландцы не открыли ни одного прежде не виданного пункта берега. Правительство их не решалось более делать попыток на общественные средства, но обещало однако частным людям значительное вознаграждение за открытие искомого пути».*.

Наиболее результативным в картографическом отношении было третье плавание, предпринятое в 1596 году на двух кораблях — капитана Якова Гемскерка, на котором штурманом шел В. Баренц, и капитана Яна Рейпа. Из-за упрямства Рейпа и его штурмана, не согласившихся проложить курс восточнее, как рекомендовал Баренц (они боялись уклониться к Вайгачу), голландцы забрались далеко на север. И тут начались географические открытия: 9 июня — *остров Медвежий* (здесь убили белого медведя), 19 июня — *архипелаг Шпицберген* — «Острые горы». Поморы давно вели промысел на этой земле, которую называли Грумант — искаженное от Гренландии. Голландцы тоже приняли Шпицберген за Гренландию.

1 июля, в который раз поспорив о пути следования, окончательно разошлись. Рейп отправился на север, Гемскерк с Баренцем на юго-восток. Последние 20 июля высадились на берег Новой Земли у крестов уже знакомого Баренцу острова Крестовый.

Здесь опять встретили двух медведей. На этот раз голландцы были безоружны. «Мы собрались уже бежать, — пишет Де-Фер, — но капитан удержал нас криком: «Кто первый задумает бежать, того я заколю копьем, ведь лучше оставаться вместе и попробовать, не можем ли мы залугать их криком». Поэтому мы, не

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 52.

торопясь вернулись к лодке и вошли в нее, сильно радуясь, что избежали опасности...» *

Капитан судна Яков Гемскерк был на редкость отважным человеком. Несмотря на свою молодость — ему было всего двадцать восемь лет, — он умел подчинять людей своей воле. С Баренцем у него сложились теплые отношения, он всецело доверял своему штурману и никогда не оспаривал его решений. И Баренц относился к командиру с отцовской теплотой и любовью. Именно этим можно объяснить, что на своей карте у северо-восточного побережья Новой Земли он обозначил *остров Гемскерк*. Профессиональный военный, Яков Гемскерк после экспедиции командовал голландской эскадрой и погиб в 1607 году в бою с испанцами у входа в Гибралтар...

Дальнейшее продвижение к северу вдоль западных берегов Новой Земли было медленным. Переменные ветры, штормы, плавающие льды заставляли постоянно маневрировать и даже отступать к югу. Через три недели, чтобы избавиться ото льдов, подошли вплотную к берегу, где с гор стекал большой ручей. Место назвали *Малым Ледяным мысом*. Через четыре дня были у Оранских островов. «19 августа, — читаем у Де-Фера, — при довольно тихой погоде и юго-западном ветре, лед продолжало носить; мы поставили паруса и при благоприятном ветре пришли к *мысу Желания*» **. Если быть точным, то название это следовало бы перевести «Желанный Угол». Голландцы считали, что они достигли цели своей экспедиции и отсюда открывается прямой путь в Китай, так как здесь берег поворачивал на юго-восток. Поморы называли этот мыс Доходы, то есть место, до которого доходили.

Дальнейшее плавание вдоль северо-восточных берегов Новой Земли продолжалось во льдах. Нынешний *мыс Девер* Баренц назвал мысом Головной. Девер — это искаженное при переводе Де-Фер. Геррит Де-Фер — участник плаваний Баренца 1595 и 1596—1597 годов. В 1598 году он издал первое их описание, которое мы так часто цитируем. О нем самом нам почти ничего не известно. Судя по всему, в экспедиции он был вторым штурманом или в любом случае близким Баренцу человеком.

* Де-Фер Г., с. 139.

** Там же, с. 144.

Следующий *мыс* мореплаватели называли Флиссенгенским (ныне Флиссингский) в честь нидерландского города и порта Флиссенген в провинции Зелландия, в устье Шельды. Этот город в 1572 году активно выступал в поддержку гезов против испанского владычества. Об этом помнили патриотически настроенные моряки Баренца.

21 августа судно добралось до *Ледяной Гавани*, ставшей для него ледяной ловушкой. Попытались вдоль восточных берегов Новой Земли пробиться к Югорскому Шару. «Однако, дойдя до залива *Течений*, — пишет Де-Фер, — мы должны были повернуть обратно из-за льда, который там стоял крепко; в эту самую ночь море стало замерзать; так что при слабом северном ветре мы едва продвигались» *. 26 августа последняя попытка вернуться к мысу Желания тоже успехом не увенчалась. При этом едва не унесло на льдине в море трех человек. «В этот же день под вечер, — продолжает Де-Фер, — мы добрались до западной стороны *Ледяной Гавани*, где нам пришлось провести всю холодную зиму в большой нужде, в страданиях и тоске...» **

Это была первая зимовка европейцев в Арктике. Незамысловатое описание Де-Фера этой зимовки, сопровождавшейся бесконечной борьбой с ужасной стужей, медведями и цингой, несколько веков наводило ужас на просвещенную Европу. Удивляли два непонятных явления, отмеченных на зимовке, — появление солнца после полярной ночи на две недели раньше рассчитанного Баренцем срока и наблюдение на юго-востоке за сотнями миль берегов Сибири. Лишь позже, познакомившись с полярными миражами и рефракциями, люди поняли, что это были не галлюцинации и не выдумки.

Баренц место своей зимовки назвал *мысом Ледяной Гавани*, но позднее название отнесли к северному входному мысу этой бухты. Южный же *мыс*, где был построен голландцами дом, теперь называют *Спорый Наволок*, то есть «Выгодный, прибыльный мыс».

Еще Литке писал: «Достопримечательная зимовка голландцев в *Ледяной гавани* сохранилась в преданиях новоземельских мореходов наших. Место их зимовки они называют *Спорый Наволок*. Но находил ли

* Де-Фер Г., с. 146—149.

** Там же, с. 149.

кто-нибудь остатки жительства голландцев, совершенно неизвестно»*. Уточним, что в 1871 и 1875 годах здесь побывали соответственно норвежцы Э. Карлсен и М. Гундерсен, в 1876 — англичанин Ч. Гардинер, в 1933 году геолог Б. Милорадович и уже в наши дни несколько лет подряд вела здесь поиски группа московских энтузиастов.

14 июня 1597 года, оставив поврежденный корабль и матросскую могилу на берегу, голландцы на двух открытых шлюпках двинулись к мысу Желания и дальше вдоль западных берегов Новой Земли. Тяжелый это был путь!

20 июня умер давно болевший Баренц. «Мы не думали, что Виллем Баренц так болен, — записал в дневнике Де-Фер. — Он разговаривал с нами и стал рассматривать сделанную мною маленькую карту нашего путешествия. Потом он возвратил мне карту и сказал: «Геррит, дай мне пить». Затем им овладела такая слабость, что глаза стали закатываться, и внезапно он скончался... Смерть Баренца очень опечалила нас, потому что он был нашим главным руководителем и единственным штурманом»**.

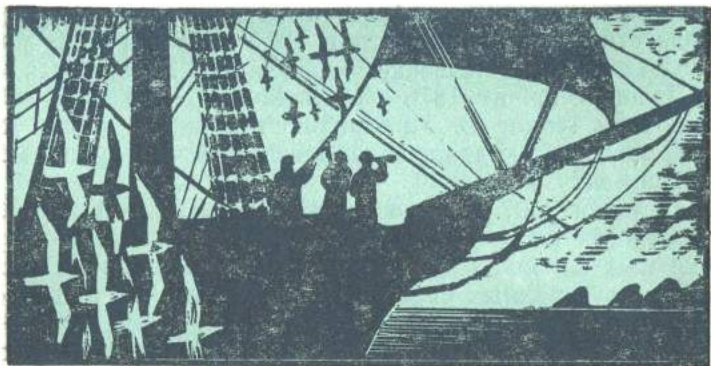
Так погиб один из выдающихся пионеров исследования Арктики. Его высокому навигаторскому искусству и самоотверженному труду человечество обязано первой достоверной картой Новой Земли и всего моря, которое немецкий географ А. Петерман назвал *Баренцевым*. Но еще за тридцать лет до этого Ф. П. Литке, сверяя свою карту Новой Земли с картой Баренца, записал: «Острова, по западную сторону мыса Нассавского лежащие, которые мы прежде почитали Оранскими, названы теперь *островами Баренца*, имя которого до сих пор не украшало еще карт Новой Земли»***.

Имя *Баренца* также носят *остров, поселок и порт Баренцбург* на Шпицбергене.

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 55.

** Визе В. Ю. Моря Советской Арктики, с. 40.

*** Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 228.

ЛИТКЕ И ИСКАТЕЛИ СЕРЕБРА

После Баренца у Новой Земли в разное время появлялись корабли англичан Г. Гудзона и Д. Вуда, голландцев Я. Ван-Горна, К. Босмана, В. Фламинга и К. Сноббергера, датчан, у которых историографом был любитель приврать француз Пьер Ламартиньер. После них на карте Новой Земли осталось лишь одно название *мыс Спидилл* (в переводе с английского — «плохой успех»), долгое время писавшееся неверно — Спидуэлл («добрый успех»), по названию фрегата Джона Вуда, разбившегося о прибрежные камни у полуострова Адмиралтейства в июне 1676 года.

Название *губа Серебрянка* к северу от Маточкина Шара напоминает о давнем заблуждении, что на Новой Земле якобы имелись залежи серебряной руды. Направляясь на ее поиски, погибли участники первой государственной новоземельской экспедиции Романа Неплюева (1652), поморы Иван Неклюдов (1672), Афанасий Юшков (1757) *.

Слухи о новоземельском серебре заставили правительство и архангельское купечество раскошелиться и на экспедицию штурмана Федора Розмыслова. Летом 1768 года его кочмара прошла с описью Маточкин Шар, обозначив в месте, где он меняет свое направление, *мыс Заворотный*. Часть людей поселилась на зиму «для

* Его именем в 1927 году назван мыс, который теперь показывается как *мыс Ахматова (Юшкова)*.

лучшего промыслу» на южном берегу пролива на *мысе Дровяном*, изобиловавшем плавником, остальные же во главе с Розмысловым и инициатором экспедиции кормщиком села Шуя Кемского уезда Яковом Яковлевичем Чиракиным — на северном берегу в *заливе Тюленьем*, что вдается в восточный берег *губы Белушьей*, названных ими из-за обилия этих животных. Зимой от цинги умерло шестеро промышленников да один пропал без вести во время охоты. Первым 28 ноября 1768 года умер заболевший еще летом Я. Я. Чиракин. В 1897 году англичане Пирсон и Фельден найдут его могилу и назовут это место *полуостровом Чиракина*. А вот в том, что *река Чиракина* на юго-западном берегу Маточкина Шара тоже названа в его честь, у нас полной уверенности нет. Это мог быть и его отец — шкипер Яков Чиракин, которого Розмыслов встретил летом 1769 года на обратном пути. К этому времени он предпринял безуспешную попытку на поврежденном судне отправиться на Енисей. Но быстро понял, что четыре человека не смогут справиться с аварийным судном, и повернул назад. Вместо Маточкина Шара попал севернее в *залив*, который назвал *Незнаемый*. Одно время с легкой руки художника А. Борисова его называли залив Незнаемый (Розмыслова), но теперь окончательно утвердилось первоначальное название.

Заканчивая опись Маточкина Шара, Розмыслов поместил на карте *залив Губина*, *мыс Журавлева*, *реку Тарасова*. Подштурман Матвей Губин был помощником Розмыслова в экспедиции. А вот о промышленниках Журавлеве и Тарасове мы не знаем ничего...

«Экспедиция Розмыслова не удовлетворила, по-видимому, ни одну из сторон, в снаряжении ее участвовавших, — писал Ф. П. Литке. — ...Но путешествие это заслуживает внимание наше с другой стороны: оно живо напоминает нам мореходцев XV и XVI веков; мы находим в нем те же малые средства, употребленные на трудное и опасное предприятие; ту же непоколебимость в опасностях; то же упование на благость промысла; ту же решительность, которая исключает все мысли, кроме одной — как вернее достигнуть до поставленной цели. Если мы рассмотрим, с какою твердостью Розмыслов, изнемогая от болезни, потеряв почти две трети своего экипажа, с нигде негодным судном, без помощника и почти без всяких средств, старался

исполнить предписанное ему, то почувствуем невольное к нему уважение» *.

Сам Розмыслов спустя два года утонул на Балтике. Отрывки из его путевого журнала впервые были напечатаны в 1820 году в книге «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности». Имя его появилось на карте Новой Земли уже в советское время ** — в апреле 1925 года гидрографическая комиссия под председательством Н. И. Евгенова предложила назвать *долину Розмылова* в западном устье Маточкина Шара между гор Литке и Ложкина.

Предполагаемое новоземельское серебро соблазнило канцлера Н. П. Румянцева снарядить геологическую экспедицию на Новую Землю. Во главе ее был поставлен горный чиновник уральских заводов Василий Лудлов. Ему помогали два горных мастера. Доставить геологов на место должен был 35-тонный тендер Беломорской компании «Пчела» с экипажем в одиннадцать человек, которым командовал штурман Григорий Поспелов.

В море смогли выйти лишь летом 1807 года. Лудлова сильно укачивало, поэтому он стремился максимально сократить свое пребывание не только в море, но и на Новой Земле. Два года готовились — работали на месте две недели. В губе Серебрянка, как писал со слов Лудлова В. Н. Берх, «только нечаянно увидел он на поверхности кусок свинцового блеска, в ста центнеров которого находился, быть может, один золотник серебра» ***.

Зато штурман Поспелов за это короткое время успел составить карту Новой Земли, где отмечалось много расхождений с существующими картами. Правда, новых названий на ней не появилось. По возвращении Лудлов был повышен в чине, принят царем. Позже его именем на Земле Франца-Иосифа англичане назвали *мыс Лудлова*. Григорий Поспелов же был забыт. Готовясь к своему плаванию на Новую Землю, Ф. П. Литке отыскал его в Архангельском приказе общественного призрения. Переданные Поспеловым материалы очень помогли ему.

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 81.

** Остров Розмылова в архипелаге Норденшельда в Карском море назвал еще в 1893 г. Ф. Нансен.

*** Белов М. И. Арктическое мореплавание..., с. 467.

В Военно-морском архиве хранится интересный рапорт Литке. «В статье Лудлова, — пишет Федор Петрович, — г-н Поспелов изображен человеком не искусным и невоздержанным, что понуждает меня представить бумаги сии в Государственный Адмиралтейский департамент для оправдания г-на Поспелова от вознесенной на него клеветы; ибо не имея себе помощника, не был бы в состоянии вести столь исправно бумаг своих, есть ли б действительно был предан невоздержанности, чем противуречит также как теперешняя его служба, так и прежняя во флоте, в продолжении которых находился он всегда в лучшем щету у начальства»*.

Еще менее успешной была экспедиция морского ведомства в 1819 году на старом бриге «Кетти», переименованном в «Новую Землю». Руководил ею старший брат известного флотоводца М. П. Лазарева — лейтенант Андрей Петрович Лазарев (1788—1849). Аномально ледовитый год, ранний выход и повальная цинга среди экипажа не позволили экспедиции не только побывать на восточном побережье Новой Земли, но даже опознать виденные с моря объекты на западном побережье. И тем не менее Пахтусов, отдавая должное мужеству своего предшественника, нанес на карту *мыс Лазарева* на юге Новой Земли. В двадцатые годы нашего века на берегу Маточкина Шара были названы *горы Лазарева*.

Самым выдающимся после Баренца картографическим предприятием в Баренцевом море и на Новой Земле было четырехкратное плавание Ф. П. Литке. Для него в Архангельске был построен бриг «Новая Земля». О том, что Литке очень тщательно подготовился к плаваньям и изучил опыт своих предшественников, говорит изданная в 1828 году его книга «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 годах», которую мы цитировали и еще будем цитировать. Даже современного читателя в ней поражает глубина и четкость суждений, превосходное знание не только географии и мореходных наук, но и исторических событий. Очень ценно, что Литке судит о прошлых мореплавателях с пониманием того времени — эпохи парусных кораблей и еще далеко не полных знаний об Арктике.

* ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, № 495, л. 1.

Книга замечательна тем, что в ней рассмотрены в комплексе и сравнении исследования Белого и Баренцева морей. Очень подробно описан Архангельск тех лет, его морские и речные коммуникации. Изложение ведется в дневниковой форме, свободно, раскованно и интересно, с массой этнографических, зоологических, геологических сведений. Литке первым коснулся истории происхождения и значения многих географических названий, усмотрев в этом неоценимый подсобный материал для географии и истории.

Как и прежде, предоставим слово названиям. Они достаточно полно расскажут не только о пути брига «Новая Земля», но и о людях, им управлявших, а также способствовавших этим плаваниям.

В первом плавании поначалу казалось, что экспедицию постигнет та же неудача, что постигла Лазарева. Лед не пускал судно к берегам Новой Земли. Лишь 4 сентября 1821 года надежно запеленговали приметную гору. Однако только на будущий год Литке решился назвать ее *горой Первоусмотренной*. Сейчас же, как многим другим объектам, положение которых было не совсем точно установлено, ей присвоили литеру «А».

Правда, в районе губы «М» на Северном острове Литке не удержался и назвал примечательный выступ берега *мысом Лаврова*. Еще свежи были в памяти события 31 июля, когда бриг, севший на банку в Белом море, во время отлива так обсох, что вокруг ходили посуху. «Маленькая команда наша, — записал тогда в дневнике Литке, — работала почти целые сутки, но, поощряемая примером офицеров, переносила все тягости с тем веселием духа, которое отличает русского матроса. С особенною похвалою обязан я упомянуть о лейтенанте Лаврове, который отличился при этом случае всеми достоинствами морского офицера»*.

Литке и Лавров познакомились весной 1821 года в Архангельске, где комплектовался экипаж «Новой Земли». Скромный, но энергичный и расторопный лейтенант, к тому же архангельский уроженец, хорошо знавший Север, как нельзя лучше подошел на должность старшего офицера брига. Михаил Андриянович к этому времени был уже опытным моряком: четыре компании на Балтике, переход на транспорте «Мезень» из

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 120.

Кронштадта в Архангельск и обратно, не считая ежегодных практических плаваний во время учебы в Морском корпусе, числилось за ним.

Литке явно выделял своего помощника среди офицеров экспедиции, на протяжении всех четырех лет его имя чаще других упоминается в документах и отчетах. Едва вернулся Лавров из последнего плавания, как получил назначение в кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий» под командованием друга Литке Ф. П. Врангеля. Может быть, поэтому его не оказалось среди друзей и соплавателей Литке на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Но спустя двадцать с лишним лет, в декабре 1846 года, в личном деле капитана I ранга М. А. Лаврова появилась необычная запись: «За дерзость и ослушание противу своего бригадного командира разжаловать в матросы». Случай чрезвычайно редкий для николаевских времен...

Долго рылись мы в архивах в поисках подробностей случившегося. Как-то не верилось, чтобы сорокасемилетний офицер, командир корабля, который вот-вот должен был получить адмиральские эполеты, не знал, что такое воинская дисциплина. Однако горы толстенных фолиантов Морского ведомства молчали. Умели там прятать концы в воду. Но однажды мне принесли громадную папку дел штаба Первой Балтийской дивизии. Судя по всему, ее никто не открывал с тех далеких лет. И сразу все прояснилось.

Началось с того, что контр-адмирал Карпов, рьяный крепостник, давно не отличавший вверенную ему бригаду от собственного имения, потребовал от подчиненного ему Лаврова выделить матросов для помощи «в партикулярной работе его прислуги». Тот отказался. Не решившись предать огласке этот случай, Карпов нашел повод объявить выговор Лаврову, а затем спровоцировал скандал.

Летом 1846 года Первая Балтийская дивизия плавала в составе эскадры флота. Контр-адмирал держал флаг на «Гангуте», которым много лет командовал Лавров. Во время сложного маневрирования парусным кораблем Карпов мелкими придирками и унижительными замечаниями в присутствии команды и членов штаба дивизии вызвал командира на «дерзостный ответ». А это уже считалось открытым неповиновением. И хотя

большинство офицеров флота, в числе которых были и главный командир Кронштадтского порта А. П. Лазарев, и командующий флотом Ф. Ф. Беллинсгаузен, сочувствовали Михаилу Андрияновичу, Николай I «повелел Лаврова отдать под суд с содержанием под арестом в Петербурге». Четыре года после разжалования Лавров проходил лестницу чинов, четыре года его престарелая мать Аграфена Спиридоновна обивала пороги казенных учреждений с просьбами пожалеть ее невестку с пятью малыми детьми, оставшихся без средств к существованию. Лишь в 1850 году Лаврову возвратили чин капитана I ранга и тут же уволили в отставку.

Крымская война вернула его в строй. Более десяти лет он исправлял должность градоначальника Таганрога, оставив о себе добрую память. Умер М. А. Лавров в чине полного адмирала в один год с Литке, в 1882 году, прослужив в русском флоте 71 год...

В тот же день, когда появился на карте мыс Лаврова (5 сентября 1821 г.), Литке назвал две горы: *гору* на берегу губы Крестовой «в честь гидрографа Российской империи вице-адмирала *Сарычева*» и несколько севернее пирамидообразную *гору Головнина* — «в ознаменование благодарности моей к флота капитану Головнину, под начальством которого провел я два полезнейших года моей службы» *.

Василий Михайлович Головнин командовал шлюпом «Камчатка», на котором в 1817—1819 годах Литке совершил кругосветное путешествие и сформировался как моряк. Головнин же по возвращении рекомендовал Литке на должность командира «Новой Земли». Гавриил Андреевич Сарычев готовил молодому командиру инструкцию от имени Государственного адмиралтейства.

Во второе свое плавание к Новой Земле Литке севернее Маточкина Шара поместил на карту почти весь командный состав своего корабля. 21 августа 1822 года он записал: «В 8 часов прошли мыс Лаврова; открытый *залив*, между этим мысом и мысом Сухим находящийся, назвал я по имени старшего нашего штурмана *Софронова*, а северную, низменную оконечность губы Мелкой по имени второго офицера мичмана Литке 2-го. В 11 часов находились мы против губы Крес-

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 133.

товой, южный *мыс* которой, отличающийся утесом с несколькими уступами, назван именем штаб-лекаря *Смирнова*, а северный низменный и более первого в море выдающийся — по имени второго штурмана *Прокофьева* *.

Степан Елисеевич Софронов, штурман 12 класса, был уже не молод. Большую часть своей жизни он провел в плаваниях на Балтике, хотя неоднократно перекончал в Кронштадт корабли, построенные в Архангельске. В 1820 году его назначили руководителем экспедиции по обследованию низовьев Печоры и подходов к ней с моря. «Но так как в разных приготовлениях, — объяснял Ф. П. Литке, — протекло время до весны, когда путь через тундры прекращается, то и было это отложено до следующего года» **. А на следующий год эта задача была возложена на штурмана И. Н. Иванова.

О младшем товарище Софронова Григории Прокофьеве, представляя его к награде по окончании похода, Литке писал: «Г-н штурманский помощник 4 класса Прокофьев во все время управлял третьей вахтой и сверх того с особым прилежанием при всяком случае снимал виды берегов, и вообще все, что встречалось достойного примечания» ***. На следующий год кроме упомянутого мыса он назовет именем *Прокофьева банку* в Карских Воротах, на которой едва не погиб бриг.

Имя Якова Петровича Харлова, плававшего в 1823—1824 годах у Литке штурманским учеником унтер-офицерского ранга, поместил на карте южной оконечности Новой Земли в виде *мыса Харлова* П. К. Пахтусов в 1833 году. К этому времени Харлов успел поработать на описи Белого моря у М. Ф. Рейнеке, совершить переход морем из Архангельска в Кронштадт, а затем побывать в Средиземном море, где участвовал в блокаде Дарданелл.

О жизни штурманов Литке мы знаем крайне мало. В то время штурмана вообще считались на флоте «черной костью». По происхождению это обычно были унтер-офицерские дети или разночинцы. Оклады имели ниже равных себе по званию строевых офицеров. Однако, как мы увидим в следующей главе, именно штур-

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 181.

** Там же, с. 297.

*** ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 782, л. 66об.

манам обязаны своим рождением многие карты Арктики.

Теперь о врачах экспедиции Литке. В первое плавание ходил Исаак Андреевич Тихомиров. Сразу по окончании его Федор Петрович доносил в Петербург, что в отличие от экспедиции Лазарева на его судне не было больных и этим он обязан «более всего искусству и попечительности г-на штаб-лекаря Тихомирова, сего достойного человека, отправившегося с нами в море едва ли не со смертного одра, для того единственно, дабы оставшись не причинить расстройки для экспедиции, по недостатку здесь медицинских чинов. Я беру смелость рекомендовать вашему высокопревосходительству сего чиновника, как такого, который достоинствами своими может сделаться надежным не только для службы, но и для человечества» *. Его имя теперь носит *полуостров Тихомирова* на острове Большой Олений.

О штаб-лекаре Никите Петровиче Смирнове Литке осенью 1822 года докладывал начальнику: «Г. штаб-лекарь Смирнов есть отличнейший по своей части чиновник. В замену всяких похвал довольно сказать, что в продолжение всей компании было у нас весьма мало больных, теперь же больше трех недель нет ни одного. Сие отношу я единственно на счет неослабной попечительности и рачения, с каковыми г. Смирнов обращал внимание на все, что могло способствовать сохранению здоровья служителей. Сверх того занимался он всюду, сколько обстоятельства позволяли, собиранием произведений по всем трем царствам природы» **.

Литке 2-й, имя которого носит *мыс Литке* в заливе Мелкий, — это лейтенант Александр Петрович Литке, брат Федора Петровича. Он участвовал в арктических плаваниях с 1822 по 1825 год. «Мичман Литке 2-й — расторопный и усердный офицер, — писал о нем Федор Петрович в столицу. — Узы родства, нас соединяющие, заставляют меня удержаться в похвалах ему, дабы не подать подозрения в пристрастии; но справедливость требует, чтобы я сказал, что во всю компанию был я им совершенно доволен» ***.

В день декабристского восстания на Сенатскую площадь вывели роты два бывших подчиненных Федора

* ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3859, л. 59.

** Там же, ф. 215, оп. 1, д. 782, л. 66об.

*** Там же.

Петровича — лейтенанты А. П. Литке и Н. А. Чижов. Николай Алексеевич еще мичманом участвовал в первом плавании «Новой Земли». На следующий год он опубликовал большую статью с описанием этого архипелага, где ратовал за развитие промыслов на Севере. «Дешевизна в городе Архангельском всех припасов для построения судов, — писал Чижов, — могла бы сделать такую промышленность весьма выгодною, особливо по близости берегов Новой Земли и Шпицбергена, а моряки были бы лучшими матросами на китоловных судах. Если бы таковые промыслы производить под руководством людей просвещенных, то могли бы принести неисчислимые выгоды» *.

Царская кара морякам-новоземельцам вышла разная. А. П. Литке, как не состоявший в тайном обществе, был оправдан, хотя и оставался под подозрением **, и в 1836 году вынужденно подал в отставку. Н. А. Чижов в числе пятнадцати других моряков был подвергнут унижительной процедуре гражданской казни и отправлен на поселение в Сибирь, откуда вернулся только в 1843 году безнадежно больным.

Остров и полуостров Панкратьева и губы Северная Сульменева и Южная Сульменева также названы Литке в 1822 году. Петр Петрович Панкратьев вместе с его отцом Петром Ивановичем Литке служил у екатерининского вельможи фельдмаршала Н. В. Репнина (первый — управляющим имением Репневка, второй — адъютантом). Оба были женаты на сестрах Энгель. После смерти Литке-старшего в семье Панкратьевых воспитывалась сестра Федора — Наталья. В 1810 году она вышла замуж за капитан-лейтенанта Ивана Саввича Сульменева и переехала из Киева в Петербург. В доме Сульменевых тринадцатилетний Федор Литке нашел дружеское отношение, заменившее ему родительскую ласку (мать умерла при его родах). Прекрасный моряк, Иван Саввич пробудил в юноше тягу к морю, ходатайствовал об определении его во флот волонтером. С ним Федор Петрович поддерживал самые теплые от-

* Чижов Н. О Новой Земле. — Сын Отечества, 1823, ч. 83, № IV, с. 168.

** Видимо, поэтому десять лет спустя Пахтусов назовет в его честь у восточного побережья *остров Александра* не по фамилии, а по имени. Название Ф. П. Литке *мыс Чижова* в Кольском заливе сохранилось.

ношения до внезапной его кончины в мае 1851 года. К этому времени Сульменев был адмиралом и возглавлял Аудиторский департамент.

Любой школьник покажет на карте находящийся у берегов Чукотки остров Врангеля. Но мало кто знает, что у берегов Новой Земли в губе Крестовой есть еще один *остров Врангеля*. Он уступает по размерам своему чукотскому тезке, почти круглый, около 11 километров в диаметре, покрыт мхом и лишайниками. В обрывистые берега врезаются бухточка с впадающим в нее кристально чистым ручейком. Летом остров звенит от птичьих голосов, а зимой лишь вой пурги иногда нарушает здесь белое безмолвие. Литке назвал его 21 августа 1822 года в честь своего друга капитан-лейтенанта Врангеля, трудившегося в то время на северо-восточных берегах Сибири. Двух будущих адмиралов большая дружба связывала всю жизнь.

В тот же день севернее Литке нанес на карту характерную, имеющую вид палатки гору. «Она названа горою *Крузенштерна*,— имя, сколь славное в ученом свете, столь же драгоценное для всех, умеющих ценить достоинство, соединенное с благородством души»*,— писал Федор Петрович о первом русском плователе во круг света. Нет нужды говорить о роли Крузенштерна в развитии отечественных мореплавания и географии.

А вот имя Василия Николаевича Берха, тоже участника первого русского кругосветного плавания, известно меньше. Называя *остров Берха*, Литке посчитал нужным отметить: «В честь автора «Хронологической истории путешествий в полярные страны». Через несколько лет сослуживец полковника корпуса флотских штурманов В. Н. Берха Пахтусов назовет в его честь на восточном побережье Новой Земли *мыс Берха*.

Посчитав, что достигнут мыс Желания (на самом деле это был мыс Нассау), и встретив сплоченный лед, Литке повернул обратно. Побывали на входе в Маточкин Шар в устье *реки Маточка*, где нашли развалившуюся станковую избу и пять опрокинутых карбасов. К трем поморским крестам добавили свой «с приличною надписью». Описывать пролив Литке не решился ввиду утомленности людей и направился к югу. «Большой залив, между мысами Северным Гусиным и Брит-

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 182.

виным заключенный, не имевший доселе особого имени, назвал я *заливом Моллера*, в честь начальника морского штаба»*, — записал Литке 6 сентября 1822 года. А 18 сентября в полдень были в Архангельске «с судном в наилучшем состоянии».

Продолжая на следующий год опись Лапландского берега, Литке сетует на имеющиеся у него карты: «Странное искажение названий есть одна из принадлежностей этих карт, которою они обязаны своим образом — голландским картам. На них почти все русские названия, но до такой степени испорчены, что невозможно было узнать во многих русского происхождения. Например, легко ли догадаться, что Светенноис, Канденоис, Ламбаска, Панфалотски, Сване Крист есть настоящие русские названия: Святой Нос, Канин Нос, Лумбовка, Панфиловка, Ивановы Кресты и прочие. Из Белого моря уродцы эти были изгнаны картой генерал-лейтенанта Кутузова; прогнать их с берега, океаном омываемого, предоставлено было нам»**.

На этот раз в качестве лоцманов Литке взял опытных поморов П. А. Откупщикова и М. А. Герасимова. «Я весьма был доволен обоими нашими лоцманами, отличавшимися сколько добрым поведением, столько и усердием своим. Оба они, а особенно последний, были нам полезны местными сведениями своими и некоторым образом способствовали успеху нашей экспедиции. По возвращении из похода были они награждены медалями на лентах ордена Св. Анны: Герасимов золотую, а Откупщиков серебряною»***.

Матвей Андреевич Герасимов родился в 1779 году в Коле. Его отец, местный купец, разорился после многочисленных аварий принадлежавших ему судов. В одной из них погиб старший брат Герасимова. Хорошо зная штурманское дело и норвежский язык, Матвей быстро прослыл опытным кормщиком.

В июле 1810 года он в качестве шкипера транспортного судна «Евплус Второй» вышел из Архангельска в Норвегию с грузом ржи. Время было неспокойное. Россия три года назад разорвала дипломатические отношения с Англией. И хотя война между странами

* Литке Ф. Четырехкратное путешествие..., с. 190.

** Там же, с. 201.

*** Там же, с. 199.

не была объявлена, это не мешало английским каперам разбойничать у кольских берегов.

Свежие благоприятные ветры сопутствовали плаванью. Уже казалось, что рейс будет успешно завершен, когда, опираясь на мыс Нордкап, «Евплус» встретил английский корабль. Маленький безоружный русский ботик с экипажем в одиннадцать человек не мог противостоять шестнадцатипушечному английскому кораблю со 160 матросами и 6 офицерами, вооруженными до зубов. Тем более что неподалеку находился второй английский фрегат. Англичане захватили русское судно, сняли с него часть экипажа, оставив семерых пленников под охраной стольких же матросов и офицера. Четыре дня английский корабль буксировал «Евплус» по направлению к британским берегам, а затем приказал ему следовать дальше своим ходом, используя русского шкипера и матросов.

11 сентября в пять часов утра Герасимов с друзьями, сговорившись, напали на часового и выбросили его за борт. Спавшие внизу в каюте англичане были заперты. Герасимов повернул судно к берегам Норвегии, на девятый день привел судно в порт Вардзуг и сдал пленных местным властям, а затем возвратился в Колу.

За этот подвиг Матвея Герасимова наградили Георгиевским крестом, оставили ему шпагу английского офицера и британский флаг «для хранения у себя и потомков своих на память о подвиге». Популярность его на Севере была необыкновенной. Описывая Мотовский залив Кольского полуострова, Литке с удивлением отмечает: «...до сих пор не встречали мы еще по этому берегу человека, который бы Герасимову не был или кум, или сват, или по крайней мере старый знакомый» *. О нем писали газеты, журналы, он послужил прототипом главного героя повести А. А. Бестужева-Марлицкого «Мореход Никитин».

Любопытна зарисовка внешности Герасимова, выполненная одним из его современников: «Матвей Андреевич имел рост средний и одевался по-немецки. Любимым его костюмом был черный фрак с темно-синими брюками при круглой шляпе. Заслуженных им знаков отличия он никогда не снимал. На лице его выражалось благородство духа. Орлиный нос, быстрые черные гла-

* Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 213.

за и каштановые с проседью волосы придавали ему, несмотря на простоту обращения, какую-то особенную важность». Умер Герасимов 20 февраля 1831 года в возрасте пятидесяти двух лет, простудившись во время поездки в столицу с партией рябчиков и сухой трески. Похоронен он на Охтенском кладбище. Обширный залив Герасимова на юге Новой Земли назвал П. К. Пахтусов.

Другой лоцман Павел Откупщиков, по словам Литке, «хотя и неграмотный, но со здравым рассудком и опытный», был сыном Алексея Ивановича Откупщикова по прозвищу Пыха — одного из лучших мезенских кормщиков, который с тринадцати лет и до глубокой старости ходил на Новую Землю и даже однажды обогнул ее и прошел на Обь. Мы упоминали уже, что от него Крестинин получил много сведений о Новой Земле. Сын своим знанием ее явно уступал отцу. Это объясняется только тем, что в первой четверти XIX века новоземельские промыслы пришли в упадок и поморы реже стали ходить на этот архипелаг. И тем не менее на карту попало имя П. А. Откупщикова. В 1935 году гидрографическая партия известного полярного гидрографа Я. К. Смирницкого в Русской Гавани назвала бухту Откупщикова.

Литке же в третьем плавании, впрочем как и в четвертом, ничего не называл. «С меня было довольно и трех экспедиций, — писал Литке в автобиографии, — но я не отговаривался и от четвертой, хотя не понимал хорошенько, чего еще хотят. Кажется, что и Адмиралтейскому департаменту было это не совсем ясно, потому что мне предлагали самому написать себе инструкцию»*.

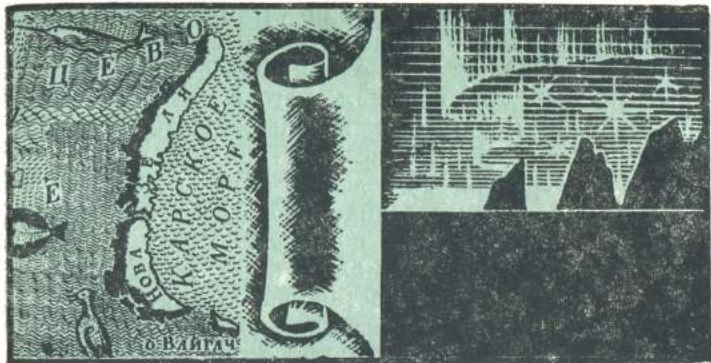
Последний год помимо своей экспедиции Литке номинально руководил Печорской и Беломорской экспедициями. Однако на восточное побережье ему так и не удалось проникнуть...

Литке прожил большую жизнь. О ней написано много книг и художественных и документальных. Он имел возможность влиять на судьбы русского флота и русской науки, будучи воспитателем царского сына, будущего генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича (кстати, его именем на восточном

* Литке Ф. П. Автобиография, СПб., 1883, с. 103.

побережье назван *мыс Константин*), руководителем Русского географического общества и президентом Российской академии наук. Иногда Литке обвиняют в том, что он не верил в возможность арктического мореплавания и мешал его развитию. Мне кажется, что это не совсем верно. Не верил — да, но не мешал. Хотя его личный опыт плавания на парусных судах действительно говорил за то, что в Карском море плавать нельзя, он никогда не препятствовал, а, наоборот, всячески содействовал изучению полярных областей и поискам новых возможностей для плавания в Арктике.

Именем *Ф. П. Литке* на Новой Земле заслуженно названы *горы, губа, залив, мыс, полуостров*. А вообще это самое популярное имя в Советской Арктике — оно восемнадцать раз повторено в названиях почти всех северных морей, исключая только моря Лаптевых и Восточно-Сибирское, где этот славный мореплаватель не бывал.

ПЕРВЫЙ ПАХТУСОВСКИЙ ПЛАСТ*

Имя Петра Кузьмича Пахтусова на Севере давно стало символом отваги, упорства, верности долгу. Сын отставного боцмана из Сольвычегодска, воспитанник архангельского военно-сиротского училища, он стал штурманом исключительно благодаря собственным способностям и труду. Пятнадцать лет кряду из года в год он направлялся из Архангельска к Ледовитому океану, чтобы исследовать его берега. Благодаря ему мир впервые увидел на карте очертания восточного побережья Новой Земли.

Имя Пахтусова увековечено на Новой Земле не раз. У Северного острова на западе — *пролив Пахтусова*, на востоке — *острова Пахтусова* с входящим в эту группу *островом Пахтусова*. У Южного острова — *залив Пахтусова*, частично описанный еще самим Петром Кузьмичом, и *озеро Пахтусова*. Это имя настолько популярно на картах, что даже в далекой Антарктиде в горах Принс-Чарльз есть нунатак** Пахтусова.

А при жизни скромный поручик корпуса флотских штурманов Петр Пахтусов не купался в лучах славы. Величие подвига полярного исследователя оценили лишь после его смерти, когда вышли в свет его «Днев-

* Пластом в топонимике называют совокупность данных в одно время и одним народом географических названий.

** Нунатак — изолированная скала или горный останец, выступающий над поверхностью ледника.

ные записки». (Второй раз они были изданы лишь в советское время). В отличие от своих сверстников и начальников — будущих адмиралов Федора Литке и Михаила Рейнеке он не посещал светские гостиные и придворные балы. Редкие его наезды в Петербург были короткими и деловыми и не простирались дальше чертежной Гидрографического департамента.

Мы до обидного мало знаем об этом человеке. Хотя мореплавателю посвящено почти два десятка книг, не считая сотен больших и малых статей, к сожалению, почти все они повторяют составленную морским историком С. Крашенинниковым первую биографию Пахтусова, напечатанную в «Записках Гидрографического департамента» через десять лет после его смерти.

Наши многолетние поиски в архивах, старых газетах позволили выявить новые факты в жизни первопроходца Севера, его окружение. И в первую очередь в этом помогли карты Пахтусова, данные им географические названия, которых оказалось почти две сотни.

Сразу следует оговориться, что подлинные картографические материалы Пахтусова не сохранились. Они погибли во время савинковского мятежа в Ярославле в 1918 году вместе с большей частью картографического архива Главного гидрографического управления, куда были эвакуированы в связи с приближением немцев к Петрограду. Правда, все рукописные карты и планшеты его были использованы при издании морских карт. Трудновосполнимой оказалась утрата метеорологического, астрономического и особенно журнала описи восточного побережья Новой Земли 1832—1833 годов. Дело в том, что Пахтусов, картографируя берега Новой Земли, далеко не всегда пояснял в «Дневных записках», в честь кого и почему называл географические объекты.

Пояснения относились, как правило, к топонимам в честь известных политических и морских деятелей того времени. Названия же в честь близких ему людей Пахтусов не пояснял. Так, при описании юго-западной части Новой Земли он писал: «О произведенной нами описи в записках сих я ничего не упоминаю, потому что об этом ведется особенный журнал»*.

Но журнал сгорел на берегах Волги. Много лет пришлось буквально по крупицам собирать биографические

* Дневные записки..., с. 29.

сведения о людях, которых мог знать Пахтусов, просматривать горы архивных документов, в том числе на первый взгляд не имевших прямого касательства к Пахтусову. Путем многократного сопоставления обнаруженных фактов с фамилиями, указанными на картах Пахтусова, в основном удалось выявить окружение Петра Кузьмича — сослуживцев, друзей, близких, просто знакомых. Яснее стал вырисовываться духовный мир, интересы этого выдающегося исследователя Севера.

Конечно, по картам трудно установить характер отношений Пахтусова с лицами, имена которых он помещал на них. Но нельзя сказать, что карта лишь бесстрастно фиксирует фамилии. Вне всяких сомнений, система здесь имеется. Пусть не тщательно спланированная и продуманная, но она есть.

Так, на южном и восточном побережьях Новой Земли, как пишет Пахтусов, «отличающиеся мысы, реки и горы назвал по именам известных мне особ, как значится на картах и в описном журнале» *. Здесь он употребляет имена видных военно-морских деятелей, крупных ученых, чиновников, кораблестроителей. Среди них есть люди сановитые, для Пахтусова малодоступные в силу большого расстояния по иерархической лестнице.

Если генерал-лейтенант Логгин Иванович Голенищев-Кутузов на рубеже XVIII и XIX веков возглавлял опись Белого моря и был автором многих северных карт, а вице-адмирал Алексей Федорович Клокачев девятнадцать лет губернаторствовал в Архангельске — их именами Пахтусов назвал *мысы Кутузова* и *Клокачева*, — то каким образом были «известны ему особы», именами которых он назвал *мысы Колзакова, Ратманова, Рожнова*, приходится только гадать. Павел Андреевич Колзаков и Макар Иванович Ратманов, участники Отечественной войны 1812 года, руководили крупными морскими департаментами; Петр Михайлович Рожнов командовал Кронштадтским портом. Все они в это время имели чин вице-адмирала, были в два раза старше Пахтусова...

Вице-директор Инспекторского департамента Морского ведомства капитан I ранга Александр Николаевич Бутаков, имя которого носят *реки Верхняя и Нижняя Бутакова*, привлек внимание Пахтусова «полезными для

* Дневные записки..., с. 71.

мореплавания переводами» — популярными тогда «Словарем морских слов и речений» и «Морским телеграфом».

А вот о *мысе Меншикова* Пахтусов записал: «Назван именем исходатайствовавшего мне высочайшее решение на отправление в сию экспедицию светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова»*. Титул светлейшего князя он унаследовал от деда, любимца Петра I А. Д. Меншикова. Александр Сергеевич слыл человеком неглупым, автором многих остроумных каламбуров, отличался исключительной работоспособностью, но был непомерно честолюбив, высокомерен и эгоистичен. В своей карьере дипломата и штабного офицера он знал взлеты и падения. В войне с Турцией 1828—1829 годов был трижды ранен. Пахтусов, как и многие его современники, находился под обаянием этого интересного и остроумного сановника, занимавшего тогда высокий пост начальника Главного морского штаба.

И. П. Магидович в приложении к сборнику «Русские мореплаватели» утверждает, что *мыс Перовского* назван в честь будущего министра внутренних дел Льва Алексеевича Перовского. Пахтусов же прямо пишет: «...по имени генерал-адъютанта В. А. Перовского». Побочные сыновья графа А. К. Разумовского братья Перовские позже стояли у истоков Русского географического общества — Василий Алексеевич был одним из членов-учредителей**, Лев Алексеевич — первым почетным членом его.

В. А. Перовский, участник Бородинского сражения, будущий оренбургский губернатор и исследователь Аральского моря, в 1828 году возглавил канцелярию Главного морского штаба. А с этим учреждением Пахтусову приходилось не раз иметь дело. Именем начальника отделения этой канцелярии Андрея Андреевича *Жандра*, в будущем действительного тайного советника и сенатора, он назвал *мыс*.

4 июля 1833 года штормовой ветер вынудил Пахтусова вытащить карбас на льдину против высокого мыса на восточном берегу. «*Мыс* сей назвал я по имени пол-

* ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 543, л. 5.

** Из членов-учредителей Русского географического общества помимо Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля, И. И. Крузенштерна, К. М. Бэра на Новой Земле в названии *острова* в Костином Шаре увековечено имя известного русского геолога Григория Петровича *Гельмерсена*.

ковника корпуса флотских штурманов Александра Григорьевича *Вилламова*», — записал он в дневнике*. Весной 1832 года гвардейский полковник А. Г. Вилламов был переведен в корпус флотских штурманов и назначен дежурным офицером по Управлению генерал-гидрографа, а затем управляющим его канцелярией. Сам он в гидрографических работах не участвовал, но зато потом семнадцать лет возглавлял русскую гидрографию и уволился со службы генерал-лейтенантом лишь в 1858 году. Приходилось иметь дело Пахтусову и с начальником чертежной Гидрографического департамента полковником Алексеем Емельяновичем Колодкиным. Названная его именем *река Колодкина* на некоторых картах теперь имеет и второе ненецкое название Канатаяха.

Мыс и залив Брандта названы Пахтусовым в честь основного субсидера его экспедиции — архангельского головы, купца первой гильдии Вильгельма Брандта. Уроженец Гамбурга Брандт приехал в Архангельск в 1793 году, где совместно с купцом Родде в 1801 году основал торговый дом. Во время Отечественной войны 1812 года разбогатевший В. Брандт выделился в самостоятельную фирму. Однако вскоре прекратил коммерческую деятельность и даже оставил Архангельск. Но через четыре года снова вернулся туда и быстро занял ведущее место среди купеческих воротил города. Его компаньоном по снаряжению экспедиции Пахтусова был крупный чиновник лесного ведомства, архангельский форштмейстер Петр Иванович Клоков. Неожиданная смерть В. Брандта в 1832 году едва не сорвала выход экспедиции. Клокову пришлось немало потрудиться, чтобы урегулировать финансовые вопросы с наследниками купца. Пахтусов с большим уважением относился к нему. Они познакомились еще в 1829 году. Лично Клоковым были написаны инструкции для экспедиции.

Пахтусов не только увековечил на карте «имена господ снаряжателей» — имя *Клокова* носят *мыс* и *залив* на восточном побережье, — но и некоторых друзей Петра Ивановича, с которыми он, безусловно, был знаком. Так, *полуостров Меккера* на юго-западе Новой Земли, видимо, назван в честь помощника губернского лесничего Е. И. Меккера, а *мыс Дружинина* на восточном побережье именем Я. А. Дружинина, вместе с Клоковым

* Дневные записки..., с. 60.

предполагавшего еще в 1828 году организовать акционерную компанию для торговли с Сибирью.

Особое значение для плавания 1832—1833 годов имело судно. «Оно строилось вольным мастером В. Хабаровым, — пишет Пахтусов, — по плану, составленному мною при пособии корабельного инженера г. полковника В. А. Ершова, наподобие больших карбасов, употребляемых пустозерскими промышленниками для отдаленных плаваний во льдах. Длина этого судна по килю 42 фута, ширина по мидель шпангоуту 14 футов, глубина интрюма 6 футов. Обшивка судна положена вгладь. В корме и в носу сделаны каюты легкими переборками и покрыты тонкими палубами. В кормовой каюте расположился я с помощником, уложены инструменты и запас провизии, которая могла повредиться от сырости, а в носовой поместились 8 человек служителей с небольшим их багажом... Судно названо «Новая Земля»*.

Именами строителей судна Петр Кузьмич назовет *остров Хабарова* и *мыс Ершова*. Здесь же, на восточном побережье, он поместит *мыс Курочкина* в честь выдающегося русского кораблестроителя Андрея Михайловича Курочкина, построившего бриг Литке «Новая Земля». За время, пока генерал-майор корпуса корабельных инженеров А. М. Курочкин возглавлял судостроение в Архангельске, под его руководством было построено 87 кораблей, из них 28 линейных и 17 фрегатов.

Мыс и залив Шуберта названы Пахтусовым «по имени известного учеными своими трудами генерал-лейтенанта Шуберта». Директор Гидрографического депо Федор Федорович Шуберт, в молодости боевой офицер, дважды раненный во время Отечественной войны 1812 года, почти шестьдесят лет продолжал дело своего отца, русского академика Ф. И. Шуберта, по картографированию России. При его участии и под его руководством была составлена первая десятиверстка (масштаб: в 1 дюйме — 10 верст) европейской части нашей страны, известная под названием «Карта Шуберта». В его труде на французском языке «Объяснение астрономических и геодезических работ, произведенных в России с географической целью по 1855» указаны и работы, выполненные Пахтусовым.

Мыс Вишневого носит имя другого ученого авто-

* Дневные записки..., с. 21.

ритета в области полевой астрономии — академика Викентия Карловича Вишневого. Он, как и Ф. Ф. Шуберт, не бывал в Арктике, но много поработал в экспедициях по Средней России, где определил положение 223 астропунктов. Много лет Вишневский был «совещательным астрономом» Гидрографического департамента.

В тяжелом новоземельском походе 1832—1833 годов Пахтусов вспомнил и поместил на карты имена многих чиновников, способствовавших его хлопотам при подготовке экспедиции: адъютанта морского министра капитана 2 ранга Ивана Григорьевича *Волкова (мыс)*, лоцкапитана Архангельска полковника Петра Петровича *Мехренгина (остров)*, управляющего канцелярией архангельского губернатора Петра Ивановича *Шитца (мыс)*, сотрудников главного командира Архангельского порта — правителя канцелярии Андрея Ивановича *Кокина (острова)*, дежурного штаб-офицера Николая Петровича Тумило-Денисовича (его именем с некоторым искажением назван *мыс Денисевича*). Последний был женат на дочери главного командира Архангельского порта Роберта *Галла*, имя которого Пахтусов дал *мысу* на восточном берегу Новой Земли.

Над некоторыми топонимами Пахтусова на восточном побережье Новой Земли еще придется поломать голову. Например, принято считать, что названия *залив*, *река* и *мыс Абросимова* происходят от фамилии исследователя Белого и Балтийского морей, преподавателя математики и навигации Егора Ивановича Абросимова. Но вряд ли его мог знать Пахтусов. Чин у Абросимова невысокий — капитан, преподавал он в морском корпусе, где Петр Кузьмич не учился, умер в 1810 году, когда будущему мореплавателю было всего десять лет. Скорее всего имелся в виду Алексей Васильевич Абросимов, преподававший в Штурманском училище тригонометрию, над которой Пахтусову в свое время пришлось попотеть.

Хотя в первой своей экспедиции на Новую Землю на восточном побережье Пахтусов, как мы и говорили, избегал предаваться воспоминаниям юных лет и давать названия в честь сослуживцев, предпочитая имена «известных особ», но могли быть исключения. Можно предположить, что *остров Ежова* и *мыс Можайского* названы в честь Александра Алексеевича Ежова и Федора Тимофеевича Можайского, в 1817 году плававших на корабле «Трех Иерархов», где проходил учебную прак-

тику Пахтусов. Правда, Ф. Т. Можайский (отец создателя первого в мире самолета Л. Ф. Можайского) мог встречаться с Пахтусовым в Архангельске, где недолго был капитаном порта.

Особый интерес для выяснения окружения Пахтусова имеют данные им названия на юго-западе Новой Земли в 1832—1833 годах. Здесь много имен людей, с которыми Пахтусова связывали не только знакомство, но и дружба. Это люди, дорогие его сердцу не чинами, богатствами, признанными заслугами, а своими нравственными качествами.

Очень показательно, что среди них, например, *острова Нахимова*, названные в честь того самого Павла Степановича Нахимова, впоследствии героя Синопа и Севастополя, адмирала, а в те времена, когда его встречал Пахтусов у своего начальника Михаила Рейнеке в Архангельске, никому не известного лихого моряка, убежденного холостяка, умного и прямого собеседника. Любопытно, что многие биографы Нахимова даже не подозревают о том, что далеко за Полярным кругом есть острова, носящие имя прославленного флотоводца.

Интересно происхождение названия *мыса Писарева*. Он назван в честь декабриста А. М. Иванчина-Писарева. Хотя Алексей Михайлович формально в тайном обществе не состоял, он был близко знаком со многими декабристами и, как скромно показал на допросе декабрист В. А. Дивов, «соглашался с свободным образом мыслей и также говорил иногда против правительства». Николай I приказал перевести Иванчина-Писарева «для исправления образа мыслей в Архангельск под бдительный надзор начальства». Опальный лейтенант пять лет служил при описи Белого моря с Пахтусовым. Вместе они не раз рисковали жизнью при штормовых высадках на необорудованный берег, делили последнюю краюху, согревали друг друга на тяжелых экспедиционных ночевках. У нас нет оснований считать, что Иванчин-Писарев «исправил образ своих мыслей». Когда осенью 1830 года почти одновременно сгорели угольные склады Архангельского адмиралтейства, якорный и литейный цеха Ширшемского завода, а по городу стали распространяться антиправительственные прокламации, подозрение пало на Иванчина-Писарева и жену другого близкого приятеля Пахтусова капитана 2 ранга Ф. Г. Артюкова, помощника командира Архангельского порта (его

ния Пахтусов дал *мысу Артюкова* в проливе Железные Ворота). Лишь тщательное расследование показало их непричастность к указанным событиям. Иванчина-Писарева перевели на Балтику, где он вскоре уволился к статским делам.

13 мая 1833 года, открыв на юго-западе Новой Земли громадный залив, Пахтусов записал в дневнике: «Я назвал его *заливом Рейнеке*, по имени флота капитана, под командою коего служил я пять лет при описи и промере Белого моря; острова и проливы, в заливе сем находящиеся, назвал по именам бывших сослуживцев моих по той же экспедиции» *.

Свою деятельность на Севере Рейнеке начал в 1824 году на бриге «Кетти» под командованием лейтенанта Дмитрия Алексеевича Демидова (в его честь Пахтусов назвал *острова Демидова*, находящиеся в заливе Карпинского). Д. А. Демидов был уже опытным моряком. В 1819—1821 годах он участвовал в первой русской антарктической экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена на шлюпе «Восток». Отправляясь на промер в Белое море, Демидов получил предписание от Ф. П. Литке, которому был подчинен. Главным делом навигации 1824 года было тяжелое и опасное обследование песчаных банок Северные Кошки, где в 1821 году едва не погиб бриг Литке.

«Крепкие ветры и туманы, нынешним летом почти беспрерывно продолжавшиеся, — докладывал по возвращении Демидов, — едва дали мне время отыскать и промерить одну банку, которая по близости своей к берегу в малой глубине, конечно, есть опасения для судов всякого ранга» **.

На следующий год командование Беломорской экспедицией принял М. Ф. Рейнеке. Демидов же по какой-то не известной нам причине перешел на береговую службу, а в 1832 году в чине капитана 2 ранга ушел в отставку. Мы пока не нашли даты его смерти, но В. М. Пасецкий утверждает: «Возвращаясь в 1855 году из Николаева в Петербург, Рейнеке навестил Д. А. Демидова, жившего в своем имении в Орловской губернии» ***.

* Дневные записки..., с. 52.

** ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 70, л. 14.

*** Пасецкий В. М. Михаил Францевич Рейнеке. М.: Наука, 1978, с. 133.

Именем другого помощника Демидова на бриге «Кети» — Александра Александровича *Шатилова* Пахтусов назвал *остров*. В 1826 году на корабле «Азов» Шатилов ушел в Кронштадт, служил при описи финских шхер. Через пять лет снова вернулся в Архангельск, но в работах Рейнеке и Пахтусова не участвовал, а состоял при порте. В 1858 году оставил службу в чине генерал-майора.

Буквально титаническую работу по описи Белого моря проделал М. Ф. Рейнеке и его многочисленные помощники, имена которых Пахтусов поместил на карту в виде названий *островов Котельникова, Богословского, Нелидова, проливов Юнкера, Бубнова, мысов Селиверстова, Корсакова*.

Шесть навигаций подряд бриг «Лапоминка» и две шхуны, не считаясь с капризами северной погоды, производили съемку берегов и промеры по всей акватории Белого моря, основой которых послужил 31 астрономический пункт. Экспедиция выполнила магнитные наблюдения, исследовала приливо-отливные явления, впервые в открытом море организовала наблюдения за колебаниями уровня моря и прозрачностью воды. Рейнеке и его помощник унтер-офицер И. Казаков изготовили первые образцы мареографа для измерения скорости течения и диска прозрачности — приборов, которые за границей появились десятилетиями позже. «Гидрографическая опись Белого моря и берегов Лапландии, исполненная Рейнеке, — писал академик К. Бэр, — бесспорно принадлежит к тем подвигам, которыми может гордиться всякая страна»*.

Поначалу казалось, что выявить сослуживцев Рейнеке и Пахтусова по Беломорской экспедиции не составит особого труда. Так, из рапорта начальника экспедиции о награждении офицеров** явствовало, что на бриге «Лапоминка» в 1827 году плавали лейтенант Котельников, мичманы Иванчин-Писарев и Милюков, штурманские помощники унтер-офицерского чина Пахтусов и Вепрев, штаб-лекарь Константин Богословский; на шхуне № 1 лейтенант Ломен, мичман Корсаков, штурманский помощник Селиверстов; на шхуне № 2 — лейтенант Юнкер, мичман Бубнов, штурманский помощник Казаков.

* Пасецкий В. М. Михаил Францевич Рейнеке, с. 76.

** ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 70.

Но в последующие годы личный состав экспедиции часто менялся, и эти изменения проследить по далеко не полно сохранившимся документам оказалось нелегко. В 1828 году взамен командиров шхун Н. Ф. Ломена и А. Л. Юнкера, направленных в действующую средиземноморскую эскадру, были назначены лейтенанты Василий Андреевич Кротов и Василий Степанович Нелидов. Работа была тяжелая, и поэтому далеко не все выдерживали экспедиционные тяготы. В 1829 году умер Александр Григорьевич Котельников, а через четыре года — Иосиф Петрович Милюков (названные Пахтусовым острова Милюкова на современных картах не показываются), на место Богословского пришел лекарь Карл Людвигович Ланг (*остров Ланга* тоже не на всех картах показывается), в 1832 году при невыясненных обстоятельствах погибли на шхуне «Енисей» лейтенант Василий Андреевич Кротов и подпоручик Иван Филиппович Казаков (их именами на восточном побережье названы *река Казакова, бухта Кротова* и *реки Большая и Малая Кротова*), тяжело заболел мичман Николай Тверитинов. Его брата Алексея, служившего с Пахтусовым на «Лапоминке», вскоре перевели на Балтику. Несохранившееся пахтусовское название острова Тверитиновы было посвящено братьям-близнецам. Любопытно, что заболевший в экспедиции Николай Алексеевич намного пережил вскоре умершего Алексея Алексеевича и только в 1860 году был уволен от службы в чине генерал-майора.

Некоторые присвоенные Пахтусовым географические названия в честь беломорских сослуживцев в заливе Рейнеке исчезли с карт в ходе уточняющих съемок уже в советское время. Так, в действительности не оказалось пролива Шишмарева, названного по имени Александра Дмитриевича Шишмарева 8-го, мичмана 13-го флотского экипажа, плававшего в 1831 году на шхуне № 2.

Пролив же Рубанова стал называться *проливом Русанова*. В двадцатые годы нашего столетия гидрографы, обследуя этот район, называли здесь безымянный залив и полуостров именем выдающегося русского полярного исследователя В. А. Русанова, многократно и успешно работавшего на Новой Земле и в 1913 году пропавшего без вести у берегов Таймыра. При очередном переиздании карт Новой Земли произошла опечатка, а скорей всего редактор, мало знакомый с историей исследования Новой Земли, умышленно исправил неизвестную ему фа-

милию Рубанова на знакомую Русанова, раз пролив идет в залив Русанова и одним из его берегов является полуостров Русанова.

Ему невдомек было, что автор первой карты этих мест имел в виду своего сослуживца по плаванию на бриге «Лапоминка» мичмана Иустина Игнатьевича Рубанова. Выпускник Черноморского штурманского училища, Рубанов на Север попал случайно и все семь лет службы здесь не питал к нему никакой привязанности. При первой же возможности в 1836 году он уехал из Архангельска. Однако здоровье его было подорвано. Рубанов вышел в отставку и в 1847 году умер. Вполне естественно, что современные картографы не спешат исправить на картах эту сознательную опечатку.

Последнее время на карте пролива Петуховский Шар перестали показывать острова Вальховского. С капитаном седьмого ластового экипажа * Лукой Михайловичем Вальховским Пахтусова связывала не только дружба, но и деловые отношения. В этом экипаже ему не раз приходилось брать матросов для своей экспедиции. Вальховский прослужил в Архангельске почти четверть века, и в 1857 году был уволен от службы подполковником.

Среди имен сослуживцев Пахтусова, увековеченных им на картах южной оконечности Новой Земли, и имена четырех его однокашников по Штурманскому училищу. Их носят острова *Рагозина*, *Вепрева*, *Казобина* и *Крапивина*. Этих людей смело можно назвать наиболее близкими друзьями Пахтусова. Они сопутствовали ему всю жизнь.

С Н. М. Рагозиным Пахтусов в 1824—1828 годах занимался описью Баренцева моря и устья Печоры. Позже, когда Петр Кузьмич под командованием И. А. Бережных картографировал побережье западнее Печоры, Рагозин под руководством штурмана И. Н. Иванова направился на восток и несколько лет снимал берега Карского моря и полуострова Ямал. Рагозин немало пережил Пахтусова и позже занимался гидрографическими работами на Балтике. На его могильном камне на Смоленском кладбище написано: «Рагозин Николай Маркович, полковник корпуса флотских штурманов (4 декабря 1802 — 7 марта 1870)». Только эта надпись

* Ластовые экипажи создавались из нестроевых чинов для береговой службы, караулов, портовых судов, маяков, госпиталей.

положила конец разночтениям его фамилии, которая в делах Штурманского училища писалась по-разному.

Иван Елисеевич Вепрев окончил училище через три года после Пахтусова. В 1827—1831 годах они вместе занимались описью Белого моря на бриге «Лапоминка». Кондуктор Николай Михайлович Крапивин в качестве помощника Пахтусова участвовал в его первой новоземельской экспедиции 1832—1833 годов. Алексей Васильевич Казобин с Пахтусовым не плавал, но долгие годы служил в Архангельске под начальством друзей Пахтусова лейтенанта Кротова на дальней брандвахте и полковника Мехренгина, выполняя промеры на Северной Двине. Сыну простого плотника Казобину и его жене Елене Харламовне, дочери чиновника 13 класса, нравились простые нравы в семье Пахтусова. После смерти Пахтусова в 1835 году они много помогали его вдове Авдотье Петровне и детям.

Первая экспедиция Пахтусова на Новую Землю длилась почти полтора года. Зимовали на самом юге Новой Земли в *губе Каменка*, месте действительно каменистом. А вот соседняя — тоже со старинным поморским названием, история происхождения которого до нас, к сожалению, не дошла, — *губа Логинова* доставила Пахтусову много хлопот. Хотя, по его измерениям, всего-то «имеет длину 20 верст и ширину 5 верст».

Ее Пахтусов и Крапивин пытались нанести на карту целый год, но лед, туман, штормы и пурга упорно не пускали их в самый близкий к их временному дому на Новой Земле залив. Только летом 1833 года после нескольких дней выжидания благоприятных ветров «Новая Земля» вошла в губу. Но вершину ее все-таки пришлось снимать со шлюпки, так как к этому времени заштилело надолго.

«Я очень рад был случаю поверить на деле рассказ бывшего со мной крестьянина Хаймина, который удостоверял меня, что здесь точно губа, а не пролив, как я полагал при весенней описи, причиною заблуждения моего были низменные, покатые к воде берега, окружающие вершину губы. Когда земля была покрыта снегом, а губа льдом, то берегов от воды нельзя было отличить»*.

Далеко не все ясно с пахтусовскими названиями в

* Дневные записки..., с. 67.

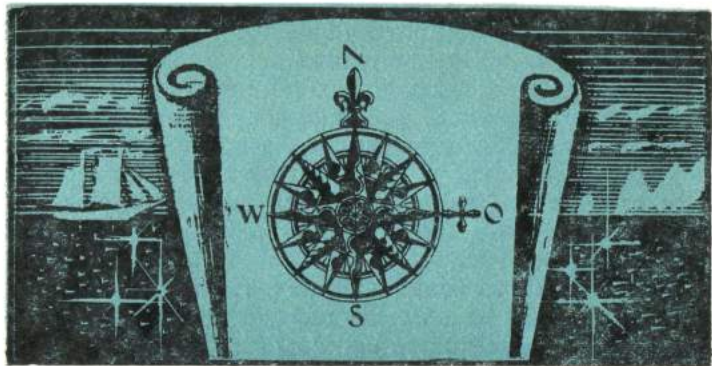
в этой губе. Если *острова Стодольского* он назвал «по имени одного из отличнейших морских капитанов»* и особого труда не представляет уточнить, что Александр Сергеевич Стодольский ходил в кругосветное плавание в Русскую Америку, участвовал в Наваринском сражении, то куда менее однозначно дело обстоит, например, с *островами Броуна*.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов прошлого века в Архангельске служили два брата-погодки лейтенанты Броуны. Младший Иван Николаевич в мае 1833 года «отставлен от службы за дурное поведение» (впрочем, этого находившийся на зимовке Пахтусов мог не знать). Егор Николаевич честно тянул флотскую лямку и ушел в отставку лишь в 1858 году. Вероятно, именно его имел в виду Пахтусов, называя острова. Более надежно «уцепиться» буквально не за что. В немногочисленной сохранившейся переписке Пахтусова эта фамилия не встречается.

Несколько увереннее можно предположить происхождение названий *мысов Камараша и Тимирева*, хотя и неизвестно, каким образом пути этих людей пересекались с пахтусовскими. Выручают редкие фамилии. Скорее всего это лейтенанты Павел Ильич Камараш и Иван Иванович Тимирев. Офицеры Стодольский, Камараш, Тимирев бывали в Архангельске при перегоне новых кораблей в Кронштадт.

Мы уже говорили о неудачном толковании историком М. И. Беловым происхождения названий горы, полуострова Рахова (они тоже находятся в губе Логинова) и мыса Федотова, фактически названных именами спутников Пахтусова по его первой зимовке на Новой Земле. Последнее дано в тридцатые годы нашего столетия комиссией СГЭ, как и находящиеся западнее *остров Рудакова, полуостров Подгорного и мыс Родионова*, также получившие имена спутников Пахтусова. Все трое холмогорские крестьяне. Сорокапятилетний Никифор Подгорный умер от цинги на зимовке, более молодой Николай Рудаков — при возвращении и похоронен в море, а пятидесятидвухлетний Константин Родионов благополучно вернулся домой.

* Дневные записки., с. 67.

ПОДВИЖНИКИ КОРПУСА ФЛОТСКИХ ШТУРМАНОВ

Во второе свое плавание к Новой Земле Пахтусов вышел поздно — 5 августа 1834 года. Вместо оставленной на зимовку на Печоре «Новой Земли» шли вновь построенные шхуна «Кротов», которой командовал сам Пахтусов, и карбас «Казаков» под водительством его помощника кондуктора корпуса флотских штурманов А. К. Цивольки. Всего в экспедиции было семнадцать человек.

Плаванию мешали неблагоприятные ветры, туманы, штормы. Потеряв из виду во время лавирования карбас, шхуна Пахтусова лишь 3 сентября вошла в устье реки *Нехватова* в проливе Костин Шар. Так ее называли промышлявшие гольца поморы за то, что здесь не хватало якорных канатов ввиду больших глубин. *Озеро, губа, гора Нехватова* названы по реке.

В этот день Пахтусов записал в дневнике: «Утром туман несколько очистился и шхуна вышла из реки... Тут я пытался определить берега и острова Костина Шара, но при быстром ходе едва успевал пеленговать некоторые оконечности островов, которыми усеян пролив; и потому из моей описи нельзя было составить подробной карты, а определенные точки показали только неверность положения некоторых островов Костина Шара на карте штурмана Поспелова, бывшего здесь в 1807 году»*.

* Дневные записки..., с. 108.

Время для съемки было упущено. Встретившись с Циволькой, Пахтусов начал готовиться к зимовке. В устье реки Чиракина на западном входе в Маточкин Шар срубили избу и баню. К описи приступили лишь весной. По льду прошли до восточного выхода из Маточкина Шара. Отсюда Циволька с шестью лучшими и самыми здоровыми матросами направился вдоль восточного берега Северного острова, а Пахтусов занялся описью Маточкина Шара.

Если нас часто озадачивали названия Пахтусова на Южном острове, то последующие наименования, особенно данные Циволькой, Моисеевым и Кернером, просто ставят топонимиста в тупик. Их, правда, сравнительно немного, но почти все они не пояснены.

Вот, например, что записано со слов Цивольки в дневнике Пахтусова после того, как они расстались на восточном выходе из Маточкина Шара: «На следующий день продолжали путь к NO по торосоватому льду через устье обширного залива *Канкрин*, вдавшегося к NW. Залив покрыт был глубоким снегом, и потому, не пускаясь вовнутрь его, продолжал я путь к NO, чтобы скорее и далее схватить общее понятие о восточном берегу Новой Земли»*. И все. Гадай, чем это угодил Цивольке министр финансов Егор Францевич Канкрин.

Свою знаменитую реформу, когда бумажные деньги стали обмениваться на серебро по курсу 3 рубля 50 копеек ассигнациями на 1 рубль серебром, Канкрин объявит лишь в 1839 году. Возможно, Августа Карловича Цивольку, отличавшегося большим кругозором и знавшего несколько иностранных языков, заинтересовали напечатанные на немецком языке военно-исторические статьи Канкрин (он выходец из Германии). Как-то не очень верится в личное знакомство и близость шестидесятилетнего графа-министра и двадцатилетнего кондуктора, хотя ниже Циволька напишет: «Названия отличительным местам давал я по именам особ, с которыми судьба свела меня на службе и вниманию которых обязан я вечной признательностью... Залив *Медвежий* назван по случаю встречи огромного медведя; мыс *Пяти Пальцев* — по сходству его фигуры с раскрытой рукой. 24 апреля достигли мы полуострова Фон-Флотта. Тут я увидел невозможность продолжать путь далее к

* Дневные записки..., с. 119—120.

северу по причине разбитого и торосоватого льда, временно относимого от берегов, и по недостатку провизии...»*

И опять загадка. Теперь на картах нет такого полуострова. В 1936 году показывался полуостров Флотта, а в шестидесятых годах при уточненных съемках он вообще исчез. Правда, в некотором удалении есть *мыс Флотова*. Биограф Пахтусова Б. Рихтер утверждает, что «Циволька дошел до большого полуострова, которому он, страстный в душе музыкант, присвоил имя своего любимого композитора фон-Флотта»**. Оставим на совести Б. Рихтера утверждение, что действительно игравший на флейте Циволька был таким уж «страстным» музыкантом. Но немецкий композитор Фридрих Флотов, как свидетельствует Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «широкой публике стал известен начиная с 1839 года», а премьеры его популярных опер состоялись и того позже: «Страделлы» в 1844, а «Марты» в 1847 году.

Значительно проще предположить, что Циволька имел в виду своего соплавателя по корвету «Князь Варшавский» в 1832 году мичмана Бенгарда Федоровича Фон-Флотова (ум. в 1854 г.). Таким образом, весенний марш-бросок Августа Цивольки 1835 года принес для карты Новой Земли 95 исследованных верст восточного побережья и какое-то количество названий. Но сказать какое все-таки затруднительно, ибо на составленной итоговой карте экспедиции они приведены вместе с летними названиями Пахтусова, о чем мы скажем ниже.

12 июля карбас «Казак» после 273-дневного заторения в устье реки Чиракина направился на север с намерением обогнуть мыс Желания и описать северо-восточные берега Северного острова. На другой день вышедший на шлюпке для осмотра берегов губы Серебрянки Циволька обнаружил несколько деревянных с металлическими болтами обломков пропавшей в прошлом году шхуны «Енисей». Ближайшую от места находок выемку в берегу Пахтусов назвал *заливом Енисей*. Он пришел к выводу, что Василий Андреевич Кротов ошибочно принял губу Серебрянку за Маточкин Шар. Когда же понял свою ошибку, то во время шторма не

* Дневные записки..., с. 120.

** Рихтер Б. П. К. Пахтусов. М.: Географгиз, 1952, с. 31.

смог отлавировать ввиду поврежденного ранее во льдах руля. К тому же якоря не держали, так как грунт здесь — плита. Трупов и одежды не нашли. Скорбный список до конца не выясненных арктических трагедий пополнился еще одной. Названия *проливов Кротова* и *Казакова* (в честь командиров «Енисея»), отделяющих остров Митюшев от Новой Земли, появились уже в наши дни — в апреле 1925 года.

А через девять дней едва не попала в этот список и экспедиция Пахтусова. При попытке войти в губу Архангельскую льдом был раздавлен карбас «Казаков». Люди с частью сложенного в две шлюпки снаряжения и продовольствия с большим трудом достигли острова Берха. Дальнейший путь был невозможен. 30 июля Пахтусов записал в дневнике: «Осматривая берега острова, нашел я на низменной кошке SO берега два ветхие карбаса длиной до 45 футов и могилу, в которой можно предположить до 15 человек покойников. На другой низменной кошке южного берега нашли также несколько крестов. На *мысе Крушения* поставили мы новый крест с означением года и числа крушения нашего карбаса» *.

На другой день произошла совершенно неожиданная встреча с сумским промышленником Афанасием Ереминым, который предложил доставить робинзонов на своей лодке к месту их зимовки в Маточкин Шар. В ожидании улучшения ледовой обстановки отстаивались в удобной гавани на соседнем с островом Берха *острове Личутина*, которую, как пишет Пахтусов, «назвали мы с общего согласия именем кормщика Еремина». В это же время здесь нашло укрытие судно кемского промышленника Ивана Яковлевича Гвоздарева, давнего знакомого Пахтусова. Достойно сожаления, что находившаяся неподалеку и носившая его имя река, как и гавань Еремина, теперь не показывается на картах. Конечно, можно понять наших картографов, которые привыкли иметь дело со строгими документами. Вокруг же промышленников-поморов больше изустных преданий, чем достоверных сведений. Так, спутник Седова Н. В. Пинегин, например, утверждал, что остров Личутина назвал его начальник **, в то время как имя

* Дневные записки..., с. 128—129.

** ЦГАВМФ, ф. Р-739, оп. 1, д. 17.

мезенского кормщика XVIII века Михайлы Личутина применительно к острову употреблял широко еще Пахтусов.

Кстати, открытые у Северного острова в том же 1835 году кемским кормщиком Исаковым, 32 года промышлявшим у новоземельских берегов, *острова*, именованные в его честь, теперь носят двойное название — *Исакова или Гольфстрим*.

Петр Кузьмич всегда очень внимательно относился к опыту поморов-промышленников. Еще во время своей первой зимовки в проливе Петуховский Шар он назвал *залив Башмакова*. Во второй экспедиции Пахтусова выручала, по словам М. Рейнеке, карта, составленная «сумским мещанином Башмаковым, одним из сметливых и предприимчивых мореходов того края. Башмаков, следуя вдоль берега Новой Земли, заходил почти в каждый залив, попадавшийся ему на пути, нарочито с тем намерением, чтобы составить планы мест, могущих дать убежище промышленным судам. Не зная ни правил путеисчисления, ни геодезии, успел он в своем предприятии так много, что планы его весьма сходны с описью наших путешественников, хотя прежде того он и не видел никаких морских карт» *.

Но вернемся к месту зимовки Пахтусова в устье реки Чиракина, куда после кораблекрушения его доставил Еремин. «Несмотря на неудачу первого покушения проникнуть на северо-восточный берег от запада, — читаем в его дневнике, — решился испытать я счастье к достижению этой цели через Маточкин Шар и осмотреть сей берег, сколько можно успеть до исхода августа. Для этого приготовил я новый карбас, взятый с лодьи сумского мещанина Челузгина **, и с пятью человеками матросов и фельдшером отправился в путь к востоку» ***.

С большим трудом Пахтусов сумел подняться вдоль восточного берега на 35 миль севернее весеннего похода Цивольки.

Самый северный *мыс* в своей описи он назвал *Дальним*. Больше никаких упоминаний о новых названиях

* ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 635, л. 136.

** К сожалению, острова, названные в честь промышленника Ивана Челузгина и фельдшера Василия Чупова, на картах ныне не показываются.

*** Дневные записки..., с. 131.

в «Дневных записках» Пахтусова нет. О них можно судить лишь по изданным позже картам и «Гидрографическому описанию мест», составленному М. Ф. Рейнеке по черновым запискам Пахтусова и Цивольки после их смерти. Порой даже трудно с полной уверенностью сказать, кем — Пахтусовым летом или Циволькой весной — даны многие из перечисленных ниже названий. Впрочем, не исключено, что среди них есть и наименования Рейнеке. Однако мы склонны думать, что большинство из них — творчество Цивольки. Во-первых, его манера номинации менее стройна и продуманна, чем у Пахтусова. Во-вторых, именно ему пришлось сдавать картографический материал и в первом приближении обрабатывать.

Определенное недоумение вызывают названия в честь участников Второй Камчатской или Великой Северной экспедиции. Ведь никто из них на Новой Земле не бывал.

Штурман Марк Головин, чье имя носит *пролив Головина*, отделяющий остров Домашний от восточного берега Новой Земли, мог привлечь внимание Пахтусова и Цивольки тем, что ближе других участников беринговской экспедиции подходил к Новой Земле во время походов с С. Г. Малыгиным с Печоры на Обь.

А вот *залив Хитрова* — в такой неверной транскрипции он утвердился на современных картах — назван в честь Софрона Федоровича Хитрово явно лишь за то, что он был штурманом, коллегой Пахтусова и Цивольки. На пакетботе «Св. Петр» он плавал с Берингом от Камчатки к берегам Северной Америки. Потом Хитрово был директором московской Адмиралтейской конторы, дослужился до контр-адмиральского чина.

Залив Чекина обследован Пахтусовым всего на десять верст вглубь и назван в честь геодезиста Никифора Чекина. В 1952 году начальник Гидрографической экспедиции Ф. Ф. Баранов и северному входному *мысу* этого залива дал имя *Чекина*.

Появление на Новой Земле *мыса Крашенинникова*, названного в честь академика Степана Петровича Крашенинникова, понять можно. Солдатский сын, ставший крупным ученым, соратником Ломоносова, не мог не импонировать сыну отставного боцмана Пахтусову. Громадный труд Крашенинникова «Описание земли Камчатки», выдержавший к этому времени три издания,

несомненно, был хорошо известен исследователям Новой Земли и мог служить для них образцом. На итоговой карте, опубликованной Рейнеке в 1842 году в «Записках Гидрографического департамента», показан *полуостров Крашенинникова*.

А вот Емельян Софронович Басов, именем которого назван *залив Басова*, даже участником экспедиции Беринга не был. Он организовал промысловую артель на Камчатке и несколько раз ходил на Командорские острова промыслять котиков.

В отдельную группу названий Цивольки и Пахтусова могут быть выделены топонимы в честь известных мореплавателей — их современников на восточном побережье Северного острова. Вполне возможно, что начало этой группе положил *залив Хромченко*, названный по имени капитан-лейтенанта Василия Степановича Хромченко. Он четырежды ходил в кругосветные плавания в Русскую Америку и на Камчатку, где выполнял большие описные работы. Хромченко, фамилию которого иногда писали через «а» — Храмченко, как Пахтусов и Циволька, учился в Штурманском училище, только раньше. Вполне возможно, что, вспомнив однокашника, новоземельские штурмана вспомнили и его соплавателей. *Острова Шишмарева* в заливе Медвежий названы в честь Глеба Семеновича Шишмарева, который еще в 1815—1818 годах старшим офицером на бриге «Рюрик» участвовал в кругосветном плавании под командованием О. Е. Коцебу. Хромченко в это плавание ходил штурманским помощником. В 1819—1822 годах Шишмарев, командуя шлюпом «Благонамеренный», тщетно пытался пройти из Тихого океана в Атлантический.

Мыс Дмитриева явно носит имя лейтенанта Петра Яковлевича Дмитриева, который плавал в 1828—1830 годах на корвете «Елена» под командованием Хромченко на Камчатку. Пахтусов, кроме того, знал Дмитриева по описи Белого моря, когда тот в 1826 году провел навигацию на бриге «Новая Земля».

Мыс Цебрикова и *луда Бодиско* названы в честь ходивших с Хромченко в кругосветное плавание 1831—1833 годов на транспорте «Америка» старшего офицера Егора Ивановича Цебрикова и лейтенанта Федора Николаевича Бодиско. Оба они участники Наваринского сражения. Правда, у Федора Николаевича был млад-

ший брат Леонтий Николаевич Бодиско, но он рано уволился с флота. Следует только добавить еще разъяснение М. Ф. Рейнеке: «Луда вообще мель, но чаще прибрежная каменистая и довольно длинная. Тоже маленький голый, гладкий каменистый островок*». Именно в последнем значении этот поморский термин употреблен в названии Луда Бодиско.

В честь одного из трех братьев Лутковских, морских офицеров, назван *мыс Лутковского* на восточном побережье. Старший Петр Степанович — большой оригинал, весьма преуспевавший штабной офицер, дослужившийся до полного адмирала, пожалуй, здесь ни при чем. Больше подходят друзья и соплаватели Ф. П. Литке по кругосветному вояжу на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 годах Феопемпт или Ардалион. Феопемпт Степанович совершил еще одну кругосветку. Он был другом Ф. Литке, поклонником А. С. Меншикова, как и Пахтусов. Скорее всего именно его имя увековечено в названии мыса.

И во второй новоземельской экспедиции Пахтусова были непонятные нам именные названия. Мы так и не установили, в честь кого был назван *мыс Богушевича*, кого имели в виду Пахтусов и Циволька, называя *мыс Викулова*, — то ли ротного командира в Штурманском училище поручика Викулова, то ли своего старшего товарища — первого по успехам ученика Родиона Викулова, который участвовал штурманским учеником в третьем плавании Ф. П. Литке. Только предположительно можно сказать, что преподавателю Цивольки по училищу капитану корпуса флотских штурманов Николаю Николаевичу Шамардину обязаны своим происхождением названия *залив и бухта Шамардина* и *мыс Столб Шамардина*.

«Дневные записки» за 1834—1835 годы Пахтусов заканчивает такими словами: «Продолжая плавание по Белому морю, почти непрерывно имели противный ветер, так что не ранее 7 октября пришли в Соломбалу, находясь в отсутствии 440 дней. Из 17 человек экипажа умерло на Новой Земле двое: один нервною горячкой, другой от скорбута, происшедшего от следствия преж-

* Дневные записки..., с. 148.

них его болезней. Прочие возвратились в Архангельск здоровыми» *.

Некоторые современные биографы мореплавателя утверждают, что он был настолько болен, что без сопровождающих не мог добраться с судна домой. Однако сам Пахтусов, как мы видели выше, больным себя не считал. Правда, один из первых биографов Пахтусова В. Шульц в книге «Подвиг русских моряков», вышедшей в 1853 году, пишет: «...Пахтусов вообще был человек необыкновенной доброты и всеми любимый, смолоду отличался веселостью и даже любезностью в своем кругу, но последнее время сделался задумчив и скучен. И, что особенно странно при его уме, он слепо верил снам». Это говорит не о физическом, а скорее нервном заболевании, возникшем в результате стрессовых перегрузок в экспедиции.

Сохранившееся свидетельство о смерти П. К. Пахтусова, подписанное старшим доктором Архангельского морского госпиталя и медицинским инспектором порта Карлом Ивеном, гласит, что больной находился на излечении со 2 (14) ноября 1835 года «от болезни нервной горячки и грудной водяной, от которых в оной госпитали 7-го числа того месяца умер» **.

Пахтусова похоронили в Соломбале, в ограде Соборной церкви. На мраморной плите изображена шхуна во льдах, а ниже составленная А. К. Циволькою надпись: «Корпуса штурманов подпоручик и Кавалер Петр Кузмин ПАХТУСОВ. Умер в 1835-м году ноябрь 7 дня от роду 36 лет. От понесенных в походах трудов и Д..... О.....» Эту плиту, пролежавшую на могиле Пахтусова сорок три года, можно видеть и сейчас. Она вмонтирована в переднюю часть гранитного памятника, установленного 7(19) ноября 1878 года.

А. К. Циволька всего на два с половиной года пережил своего начальника. В 1837 году он доставил на Новую Землю первую академическую экспедицию К. М. Бэра. «В продолжение всего лета,— доносил Циволька начальству,—крепкия ветры ровно препятствовали как на переходах, так и на якорном стоянии, сверх того, обстоятельства препятствовали заниматься настоящим образом описью; карта части Костина Шара

* Дневные записки..., с. 132.

** ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, л. 18, л. 4.

и некоторые исправы на карте западного берега — все, что возможно было сделать для гидрографии» *. Новых названий не было, но зато академик Бэр привез обширные научные данные.

В июне 1837 года Циволька возглавил следующую, на этот раз полностью гидрографическую экспедицию на Новую Землю. Очередной, четвертой по счету со времен Лазарева, шхуной «Новая Земля» командовал Циволька и кондуктор Август Кёрнер. Второй шхуной «Шпицберген» — прапорщик С. А. Моисеев и кондуктор Григорий Рогачев. В перевозке избы для зимовки в губе Мелкой помогала лодья промышленника И. Гвоздарева. Тяжелое это было плавание. Циволька писал: «При первом же крепком ветре увидели мы дурные качества наших судов, худой ход бейдевинд, около двух узлов; дрейф величайший и валкость, сверх того, приводили нас много раз в самое затруднительное и опасное положение» **.

А погода, как назло, стояла плохая. Штормы выматывали людей и не позволяли заняться съемкой. Лишь одно новое название появилось в тот год на Новой Земле. Это *губа Гусиная* («по множеству линялых гусей в озерах на низменном ее берегу») в заливе Мелком недалеко от зимовья.

Хотя С. А. Моисеев и утверждал, что «размещение в нем в сравнении с зимовкою предшествующих двух экспедиций можно назвать привольным» ***, зимовка прошла тяжело. Циволька сделал ошибку, приказав в большой избе сломать печную трубу и топить ее по-черному. Расчеты на то, что в избе от этого будет сухо, не оправдались, так как используемый для топки плавник был сырой и гнилой, сильно дымил, из-за чего приходилось то и дело открывать дверь для проветривания.

Всего на зимовке умерло девять человек из двадцати пяти. В их числе и Август Карлович Циволька. Ему не было и тридцати. Многого мы не знаем об этом подвижнике Севера — ни точного числа, ни месяца рождения. То ли чех, то ли поляк. Даже фамилия его в разных документах пишется по-разному.

Как-то в Центральном государственном архиве ВМФ

* ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 816, л. 27об.

** Башмаков П. И. Первые русские исследователи Новой Земли. Пг. 1922, с. 101.

*** Дневные записки..., с. 174.

мне попался интересный документ, датированный августом 1830 года. Начальнику Первого штурманского полуэкипажа М. Г. Степовому начальник канцелярии Главного морского штаба Перовский предписывал: «...препроводить сына машиниста придворного Варшавского театра Цивольска Августа, которого государь император высочайше повелеть соизволил определить в кадеты 1-го штурманского полуэкипажа и о помещении которого в сей полуэкипаж вы, милостивый государь, изволите получить вслед за сим через г. генерал-гидрографа Морского штаба особое предписание и документы Цивольска»*.

Вряд ли кто из известных нам штурманов был зачислен в училище по личному указанию царя. Но пусть вас не обманывает этот факт. Родители Цивольки были простые люди и не могли рассчитывать на то, что их бредивший морем сын будет зачислен в Морской корпус, куда принимались лишь дети дворян. Поэтому, когда им выпал редкий случай быть представленными наместнику царя в Польше, они подали ему прошение о зачислении сына хотя бы в Штурманское училище. Царское указание — скорее свидетельство равнодушия к судьбе бедного юноши, ибо столь мелкий вопрос мог решить совсем небольшой чиновник. Но брат царя Константин Павлович не считал возможным обращаться к каким-то чиновникам...

Большой интерес представляет свидетельство о Цивольке академика К. М. Бэра: «Самая отличительная черта в его характере — это твердость и умение сдерживать всегда свое слово. Если он кому обещал что-нибудь, то ничего не могло удержать его от исполнения; иногда с видимым прискорбием он отказывался от всего приятного и не хотел изменить слову. Циволька любил русские песни, меланхолический напев которых всегда гармонировал с его темными думами. Часто рассказывал он веселые и замысловатые анекдоты, но вообще имел вид всегда пасмурный, задумчивый»**.

Именно таким выглядит Циволька на единственном сохранившемся портрете. Историю этого изображения рассказал секретарь Общества содействия русскому мо-

* ЦГАВМФ, ф. 1212, оп. 3, л. 506, л. 1.

** Визе В. Ю. А. К. Циволька. — Проблемы Арктики. 1939. № 2, с. 103.

реходству Ф. Студитский. К известному ревнителю Севера М. К. Сидорову обратился А. Норденшельд с просьбой прислать ему портреты наиболее выдающихся исследователей Северо-Восточного прохода. «Но к отысканию портрета Цивольки, так как в день его смерти в 1837 году (Студитский ошибся — в 1839 г. — С. П.) не было еще фотографии, приняты были всевозможные меры, были поиски и в кронштадтских архивах, и у приятелей Цивольки, у семейства вице-адмирала Фрейганса и в морском министерстве через действительного статского советника И. С. Янова, и, наконец, благодаря известному любителю художеств П. Я. Пашкову отыскан был портрет Цивольки в библиотеке морского музея, рисованный карандашом. Пашков снял с него фотографию; равно как с подписей его и Пахтусова и передал их Сидорову, которые он 12 декабря 1880 года и отправил в Стокгольм А. Норденшельду» *.

На русских морских картах много названий в честь А. К. Цивольки. Есть они и на Таймыре, и на Дальнем Востоке, есть, конечно, и на Новой Земле: *залив* и *мыс Цивольки* на Южном острове, *залив* и *мыс Цивольки* на Северном, *остров Цивольки* у восточного побережья. У каждого из этих топонимов сложная трансформация и история. Но объединяет их одно — появились они значительно позже, в основном в советское время **.

Через полмесяца после смерти Цивольки С. А. Моисеев и Г. С. Рогачев на пяти санях вышли для описи на север. «В числе запаса взяли мы замороженные щи в мешках и куль угольев для самовара», — записал в дневнике Моисеев. Новых названий в этот поход штурманы на свои планшеты не нанесли, но зато они убедились в том, что прохода на восточное побережье через Крестовую губу нет. Названия появились лишь летом, когда Степан Андреевич отправился на своей шхуне опять к северу от залива Мелкий, а кондукторов отправил на «Новой Земле» на юг.

27 июля 1839 года Моисеев подошел к месту окончания своих весенних работ и северный входной мыс залива Южный Сульменева назвал *мысом Черницкого*.

* Студитский Ф. История открытия морского пути из Европы в Сибирские реки. СПб. 1883, ч. I, с. 302.

** Попов С. В. и Троицкий В. А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972, с. 51, 82.

В. Баренц в 1594 году именовал его в честь своего сегодншасго наставника, известного средневекового космографа мысом Планция. Моисеев тоже вспомнил своего учителя — двадцатисемилетнего лейтенанта Дмитрия Ивановича Черницкого, с которым вместе служил при описи финских шхер. Это был всесторонне одаренный человек. Вместе с К. К. Сиденснером и С. П. Крашенинниковым он сотрудничал в рукописном журнале «Веах».

Соседний мыс исследователь назвал *мысом Сиденснера*. Карл Карлович был опытным гидрографом и оставил после себя много ученых трудов. Шестнадцать лет он командовал судами при описи Балтийского моря, изобрел долго применявшийся в гидрографии способ промера по квадратам, в конце жизни командовал Инженерно-артиллерийским училищем морского ведомства.

22 марта 1889 года газета «Кронштадтский вестник» в некрологе на смерть восьмидесятилетнего адмирала писала: «Едва ли не последний из славной плеяды наших старых гидрографов, состоявший по флоту вице-адмирал Карл Карлович Сиденснер принадлежал к группе М. Ф. Рейнеке, М. П. Манганари, П. В. Казакевича, Н. А. Ивашинцева, М. Д. Тебенъкова и многих других, воспитанных в традициях Крузенштерна, Беллинсгаузена и графа Литке, которым Россия обязана точными картами омывающих ее морей, составленными на основаниях новейшей науки и всех ее применений».

29 июля Моисеев записал: «Вечером подошли к южному плечу залива Машигина, который назвал я *мысом Шанца*, по имени флота капитана, под командою которого имел я честь служить в путешествии кругом света»*. Это было в 1834—1836 годах, когда капитан-лейтенант Иван Иванович Шанц командовал транспортом «Америка», ходившим на Камчатку и в Русскую Америку. Не все одобрительно встретили это назначение.

Биограф Ф. П. Литке доктор исторических наук, кандидат географических наук А. И. Алексеев приводит его письмо к Врангелю «об отношении Литке к этому мореплавателю и вообще прибалтийским немцам»: «Не знаю, как эти Шканцы, или Шанцы, или Шванцы проявляют на кекуре (имеется в виду на островах.— А. А.).

* Дневные записки..., с. 191.

а признаюсь у нас на плоской земле они мне крепко не нравятся. Он [...] адъютант начальника штаба: вот его великие доблести» *.

Но И. И. Шанц, выходец из Швеции, отличился не только на столичных паркетах. Будучи девятнадцатилетним мичманом принятым на русскую службу, он несколько лет производил опись финских шхер и Аландских островов, командуя небольшими гидрографическими судами и, как все гидрографы, терпя при этом большие трудности и лишения. В 1828—1831 годах Шанц участвовал в боевых действиях русской средиземноморской эскадры во время войны с турками. После возвращения из кругосветного плавания, во время которого в Маршалловых островах открыл обитаемый атолл Вотто, поначалу носивший данное И. Ф. Крузенштерном название островов Шанца, занимался кораблестроением. Умер Иван Иванович в 1879 году полным адмиралом.

Кстати, несколько слов о происхождении древнего поморского названия *Машигина губа*. Не происходит ли оно от старинного архангельского диалектного слова «машновать» — молиться богу? «Кто в море не хаживал — богу не маливался», — говорили поморы... Про вершину *губы*, носящей имя *Машигина Ледянка*, Моисеев поясняет, что называется она так, «потому что иногда во все лето не вскрывается ото льда».

В губе Крестовой Моисеев в названиях *островов Чевкунова* и *Шельбаха* увековечил имена своих однокашников по Балтийскому штурманскому училищу. Оба в Арктике, тем более на Новой Земле, никогда не бывали, ничем особым не прославились, и, если бы не дружба со Степаном Андреевичем, их имена вряд ли когда-нибудь появились на карте. С Ильей Петровичем Чевкуновым, сыном служащего Кронштадтской таможни, у Моисеева теплые отношения поддерживались даже в шестидесятые годы, когда тот заведовал телеграфной станцией в Саратове. Александр Иоганнович Шельбах к тому времени был подполковником корпуса флотских штурманов. Кстати, позже в губе Крестовой появился и *мыс Моисеева*...

А тогда, в 1839-м, в конце июля, С. А. Моисеев записал в дневнике: «Следующие четыре дня занимался

* Алексеев А. И. Федор Петрович Литке. М.: Наука, 1970, с. 175.

я описью берега к северу, и около островка, за которым стояли лоды и который назвал я *островом Борисова*. Погоды стояли большей частью ненастные. Наступал уже август, а мы не видели надежды освободиться ото льда для продолжения описи к северу от полуострова Адмиралтейства» *. Шуйский кормщик Василий Борисов до 1875 года промыслял на Новой Земле. Северный входной мыс губы Машигина со времен Моисеева также носит имя *Борисова*.

Вскоре Моисеев вынужден был повернуть на юг. Зашли в залив Мелкий. «Мы простились с жилищем нашим,— пишет он.— Оставили в избе, по общему обычаю поморцев, образ, несколько сухарей, муки, бульону, соленой трески, огниво, серы и на две толки дров на случай пристанища здесь какого-либо бедствующего странника. Простились и с могилою товарищей наших и к вечеру снялись с якоря» **.

Через несколько дней были в становище Малые Кармакулы, которое, высадившись, «узнали по надписи на кресте, стоящем на том острове». В двадцати верстах к югу от становища Моисеев именовал мыс Ризникова. Так как теперь на картах он обозначается как *мыс Резникова*, то не сразу и догадаешься, что назван он в честь Ивана Ивановича Ризникова, сослуживца Моисеева по Балтийскому морю.

Имя другого однокашника по Штурманскому училищу и сослуживца по описи финских шхер, впоследствии полковника корпуса флотских штурманов Александра Алексеевича Храмцова Моисеев присвоил *острову*. От него позднее стали называться *губа и полуостров Храмцова* в заливе Моллера. Этот достойный офицер почти четверть века прослужил в русской гидрографии, опубликовал много статей в журнале «Морской сборник». Его имя также носит открытая им банка в Балтийском море.

Залив Таранцева тоже носит имя однокашника и балтийского сослуживца Моисеева Павла Ивановича Таранцева. На Севере он совершенно неизвестен, а вот в Финском заливе сразу две банки носят его имя, а вблизи Владивостока в честь Таранцева названы мыс и острова. Благодарная все-таки штука морская карта!

* Дневные записки..., с. 193.

** Там же, с. 193—194.

Кто бы знал этого скромного труженика русской гидрографии, состарившегося на тяжелых описях и промерах, если бы не она!

Остров Никольского скорее всего носит имя начальника морской типографии Петра Александровича Никольского. Он был дружен с Ф. П. Литке, но в каких отношениях состоял с Моисеевым, мы не знаем. Предположение историка А. И. Алексеева о том, что *остров и полуостров Полуэктова* названы именем штурмана Семена Ивановича Полуэктова, тоже пока бездоказательны.

Имя самого Степана Андреевича Моисеева было очень популярно в прошлом веке на Севере. Второй сын военного трубача, одиннадцатилетним мальчиком был он отдан в Балтийское штурманское училище на подготовительное отделение. Лишь через четыре года его, как тогда говорили, «переименовали» в кадеты. А уже на следующий год, в неполные шестнадцать, он участвовал в боях русской средиземноморской эскадры с турками. По возвращении на родину, занимаясь описью финских шхер, отличился при спасении пятнадцати человек с потерпевшей аварию яхты. После экспедиции на Новую Землю за Моисеевым утвердилась репутация знатока Арктики, хотя работал он на Балтике. К нему часто обращались за советами, рекомендациями. Однако лишь в 1879 году полковника корпуса флотских штурманов Моисеева командировали в устье Оби для рекогносцировки намечавшейся туда гидрографической экспедиции, которую ему предложено было возглавить. Сама же экспедиция добралась до места работ только в 1881 году и вынуждена была ограничиться одним, к тому же значительно сокращенным летним сезоном. В 1884 году генерал-майор корпуса флотских штурманов С. А. Моисеев вышел в отставку, а через шесть лет умер.

Горы Моисеева на юго-западном побережье Маточкина Шара были названы в советское время. В восьмидесятые годы прошлого века мыс в Большой Кармакульской губе, где Степан Андреевич в 1839 году поставил крест, стал именоваться мысом Прапорщика Моисеева. После революции, когда старые звания были отменены, он превратился в *мыс Моисеева*. К сожалению, такое сокращение очень неудобно для карт и лоций, ибо совсем недалеко в проливе Костин Шар, на полуострове

Рогачева кондуктором А. Кёрнером был тоже назван *мыс Моисеева*.

Названия *полуострова* и *реки Рогачева* пошли от моисеевского названия *залив Рогачева*. Григорий Степанович Рогачев был всего на два года моложе своего начальника, и биографии их очень похожи. Судя по отчетам, кондуктор Рогачев пользовался полным доверием Моисеева. Ему поручались самые трудные, требовавшие инициативы и предприимчивости задания. Так, Г. С. Рогачев и кондуктор А. К. Кёрнер выполнили съемку весьма сложной, буквально набитой островами северной части Костина Шара.

Кондукторы дали здесь много новых названий, к сожалению, не всегда согласовав их с имевшимися ранее. М. Ф. Рейнеке в составленном им по журналам Моисеева, Рогачева и Кёрнера «Географическом описании мест по западному берегу Новой Земли» пишет в примечании к острову Долгий: «Кёрнер назвал было его островом Нагаева; и многим другим местам дал он имена по своему произволу. Эти названия оставляем здесь только в таком случае, когда старые промышленничьи наименования их неизвестны» *.

Несомненно, Рейнеке прав: имя знакомого Кёрнеру капитана корпуса флотских штурманов Н. Г. Нагаева, не бывавшего на Севере, вряд ли что добавило на карте Новой Земли. Однако на современной карте этот остров утвердился как *остров Тимофеева или Долгий*. В описании Рейнеке остров Тимофеева — самостоятельный остров, лежащий в двух верстах южнее острова Долгий. В том, что последующие картографы не смогли опознать каждый из этих островов на местности, ничего удивительного нет. Район действительно сложный — целый лабиринт островов. Но зачем названия двух островов приписывать одному, непонятно. Тем более что кем был этот самый Тимофеев, до сих пор установить так и не удалось. Да никто и не собирался разбираться в сложной этимологии новоземельских названий...

Но не всегда Кёрнер со своими наименованиями попадал пальцем в небо. Он, например, заменил безликое название Цивольки остров Рейдер в Костином Шаре на *остров Глотова*. Почетного члена Государственного адмиралтейства Александра Яковлевича Глотова к этому

* Дневные записки..., с. 205.

времени давно не было в живых. Но моряки широко пользовались его научными трудами, и в первую очередь изданным еще в 1816 году «Изъяснением принадлежностей к вооружению корабля».

Мы не знаем пока, где и при каких обстоятельствах Рогачев познакомился со штурманами Иваном Васильевичем Добровым, братьями Михаилом и Николаем Трескиными, Константином Егоровичем Шипуновым, но определенно можно сказать, что в их честь названы острова *Доброва*, *Трескина* и *Шипунова* в Костином Шаре. А вот о знакомых Кёрнера и Рогачева, чьи имена носят острова *Конюшникова* и *Сытина*, нам ничего не известно.

Острова Богдановы (первоначально Богданова), вероятно, названы в честь кемского промышленника Ивана Алексеевича Богданова, который помогал экспедициям Пахтусова и Цивольки. Есть такая запись в шканечном журнале карбаса «Казаков» — можете в этом удостовериться, заглянув в фонд 870, оп. 1, д. 4705 Центрального государственного архива ВМФ, что находится в Ленинграде. Не предполагать же, что опять кого-то из штурманов-современников имел в виду Кёрнер. Ведь их, носивших фамилию Богданов, в эти времена было пятеро.

Много случайных и необязательных для Новой Земли имен занесли на ее карту кондуктора, помощники Моисеева. А вот для достойного имени одного из них — Августа-Ивана Карловича Кёрнера места не нашлось. В этом виноваты и мы — потомки новоземельских первопроходцев. Ошибку эту надо исправить.

СТУДЕНА ЗЕМЛЯ, НО РОДНАЯ, РУССКАЯ

За последующую после экспедиции Цивольки — Моисеева четверть века царское правительство резко изменило свое отношение к Северу. В шестидесятых годах прошлого века «Журнал Министерства государственных имуществ» выразил официальную точку зрения: «Поездки за морским звероловством на Новую Землю и Шпицберген были неправильным промыслом, были своего рода азартною игрою, где ставкою была жизнь человека».

Результаты такого отношения не замедлили сказаться: если в 1833 году промыслять к Новой Земле ходили 133 поморских судна, то в 1864 — всего 5. Вполне понятно, что этим поспешили воспользоваться иностранцы, и в первую очередь норвежцы. В 1869 году в районе Новой Земли и в Карском море промысляли 24 норвежских промышленника, а в 1870-м — уже свыше 60*. Иностранцы не только хищнически истребляли всяческую живность, но и уничтожали поморские кресты, жгли промысловые избушки.

Известный поборник освоения Севера М. К. Сидоров с болью говорил в 1877 году: «Если мы сами не можем или не умеем воспользоваться теми дарами природы, которые находятся в наших северных странах, то имеем ли мы право отказаться от них за своих потом-

* Известия Императорского географического общества, т. VII, 1871, № 4. «Географическое обозрение».

ков, которые, может быть, и сумеют употребить их в свою пользу? По моему мнению, нам следует защищать их всеми силами и передать их следующему поколению, как передали их нам наши предки» *.

Одним из средств охраны Новой Земли Михаил Константинович считал защиту ее карты. «Нельзя оставить без внимания,— писал он,— и того, что после германской экспедиции в 1872 году на Новую Землю на немецких картах этого острова появились взамен русских иностранных названия: по северную сторону гавани, в которой зимовал Баренц — *мыс Бисмарка*... В 1873 году все эти названия перенесены и на наши карты и даже не пощажена память нашего первого полярного мореплавателя, занимавшегося описанием берегов Новой Земли, Ф. П. Литке. И мыс, посвященный его имени русскими, исчезает с русских карт!» **

Сидорова слышали. Попытка переименовать мыс Литке в мыс Петермана, по имени немецкого географа Августа Петермана, была пресечена. Пройдут многие годы, прежде чем имя уроженца Архангельска Михаила Константиновича Сидорова, всю свою жизнь и состояние отдавшего освоению Русского Севера, появится на карте Русской Арктики. Уже в наши дни в его честь названы *острова Сидорова* в Костином Шаре и *пролив Сидорова* на Земле Франца-Иосифа.

А вот *мыс Сидорова* на Шпицбергене был назван А. Петерманом еще в 1870 году. Михаил Константинович, благодаря за честь, писал: «Это едва ли не первый знак такого внимания иностранцев к русским, что именами их они называли местности» (письмо А. Петерману от 24 (ст. стиля) мая 1871 г.).

Неверные, весьма искаженные очертания берегов Новой Земли, снятые полуграмотными норвежскими промышленниками, были исправлены на картах в советское время, однако многие данные ими названия остались. Русские картографы всегда уважительно относились к авторам географических названий.

Имя богатого пароходовладельца из Бременгафена, известного филантропа и начальника немецкой экспедиции 1871 года на пароходе «Германия» Альберта *Розенталя* носит *гора* на берегу губы Белушьей. Здесь же

* Студитский Ф., ч. II, с. 218.

** Там же, с. 225.

находятся *острова Хейглина*, названные в честь спутника Розенталя Теодора Хейглина. Этот известный исследователь Африки неожиданно увлекся Арктикой, сделав большие географические открытия годом раньше на Шпицбергене.

Самый северный мыс Новой Земли — *мыс Карлсена* по воле А. Петермана носит имя норвежского капитана-промышленника Эллина Карлсена, который в 1868 году на небольшом судне обогнул с севера Шпицберген, побывал у берегов Ямала, в устье Обской губы, а в 1874 году участвовал в австро-венгерской экспедиции, открывшей Землю Франца-Иосифа.

Когда экспедиция по дрейфующим льдам несколько месяцев добиралась по его совету к Новой Земле, Карлсену перевалило за пятьдесят пять. Двадцать лет провел он среди льдов. «Теперь, когда с годами пришла слабость, ему стало не под силу переносить лишения, утомлявшие даже людей иного чем он возраста, — писал начальник экспедиции Ю. Пайер. — Безропотно покорлся этот испытанный полярник своей тяжелой судьбе, но нам со стороны было тяжело замечать признаки полного упадка его сил. Он уже не рассказывал нам о белых медведях и моржах, которых умел привлечь к себе одним взглядом или словом; он перестал возмущаться безбожием матросов — этих «славонцев» — и не читал им, как раньше, нравоучительных проповедей за игру в карты в воскресный день; он не удивлялся больше энергичной, но безобидной манере южан вести разговор, который, как раньше, казалось ему, непременно должен кончиться потасовкой» *.

У Новой Земли, как и предполагал Карлсен, экспедиция встретила поморов, которые спасли ее от неминуемой гибели. Карлсен прожил еще двадцать шесть лет. Когда в 1877 году русский капитан Христиан Даль направлялся с первыми европейскими грузами на пароходе «Луиза» на Обь, он специально зашел в Гаммерфест, чтобы спросить совета у опытного Карлсена. Тот уверял, что Даль задумал несбыточное дело: лед и каменная гряда при входе не пустят «Луизу» в Обскую губу. Мрачный прогноз норвежца не оправдался. Х. Даль не только проник в Обь, но до конца навигации

* Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики. Л.: Главсевморпути, 1935, с. 267.

успел подняться по реке до места назначения — Тобольска. Родные стены, как известно, помогают...

На северо-западном побережье Новой Земли есть горы *Дерма, Мака, Тобисена*. Названы они по фамилиям норвежских капитанов-зверобоев, успешно плававших в Баренцевом и Карском морях. Наиболее удачливым в этих плаваниях был один из трех братьев-капитанов Эдвард Гольм Иоганнесен. Его имя теперь носит мыс *Иоганнесена*, находящийся в трех милях юго-восточнее мыса Желания, и *мыс Эдвард* на северо-западном берегу Северного острова. В 1869 году Иоганнесен обошел Южный остров, побывал у берегов Ямала, а на следующий год, обогнув Новую Землю с севера, ходил к устьям Оби и Енисея. В августе 1878 года он открыл остров Уединения в Карском море. А. Петерман явно преувеличивал значение плавания Э. Иоганнесена, когда писал, что «оно представляет самое важное географическое приобретение в пределах восточной половины европейского северного океана, со времени трех голландских экспедиций под начальством Барентса в 1594—1597» *.

Профессор В. Ю. Визе как-то заметил: «У читателя может возникнуть вопрос: отчего же норвежским промышленникам удалось выполнить то, что тщетно пытались сделать Литке, Пахтусов, Циволька и Моисеев? Объяснения нужно искать в тех громадных колебаниях, которым подвержено состояние льдов в Баренцевом и Карском морях. Русские мореплаватели двадцатых и тридцатых годов прошлого столетия попали в неблагоприятный ледовый период, норвежцам же посчастливилось побывать на севере Новой Земли и в Карском море в благоприятные годы» **. О существовании таких больших колебаний ледовитости в Арктике тогда еще не знали. Поэтому возникло своего рода арктическое «шпалкозакидайство». «Так, например,— продолжает Визе,— известный немецкий географ Пешель, после удачных плаваний норвежцев, писал, захлебываясь от восторга: «Все, что до сих пор было нам сообщено о Новой Земле и о Карском море, оказывается грубой и постыдной мистификацией. Недоступность Карского моря — чистый

* Цит. по кн.: Гельвальд Ф. В области вечного льда, СПб., 1881, с. 817.

** Визе В. Ю. Моря Советской Арктики, с. 107.

вымысел, оно может служить для рыболовства, но не ледником» *.

Вскоре за такое легкомысленное отношение к арктическим морям пришлось платить дорогой ценой. Сиверт Христиан Тобисен еще в 1859 году вместе с Э. Карлсеном плавал у Шпицбергена, огибал его с севера. Все было в его беспокойной жизни зверобоя: приходилось оставлять во льдах нагруженное добычей судно и искать спасения на шлюпках, зимовать на острове Медвежьем. В 1872 году судно С. Тобисена затерло у Крестовых островов. Семь человек, по жребию, отправились на юг в поисках помощи. Тобисен с сыном и двумя матросами остались зимовать на острове Большом Заячьем. На этот раз полярное счастье изменило капитану. На зимовку пришла цинга. В апреле 1873 года умер он, в июле — его сын Яков, впервые сопровождавший отца в арктическом плавании. Оба матроса в августе двинулись на юг и вскоре были спасены помощниками. Ненцы спасли и первую группу, за исключением одного матроса, который погиб во время перехода.

«Особенного внимания, — писал норвежский метеоролог Г. Мон, — заслуживает то, что Тобисен и его сын до последнего дня вели метеорологический журнал (у них были с собой инструменты, проверенные метеорологическим институтом)... О каком величии духа, поглощенного страстью к науке, о какой несокрушимой добросовестности свидетельствуют эти записи, веденные людьми в самом отчаянном положении, вплоть до смерти!» **

Генрик Мон долгое время возглавлял норвежский метеорологический институт и много сделал для изучения Арктики. Его имя приовоеено *мысу Мона*, расположенному южнее мыса Желания.

Несколько географических названий на карте Новой Земли оставил в 1872 году камергер австрийского двора Ганс Вильчек. Он был одним из организаторов экспедиции Ю. Пайера и К. Вейпрехта (о ней мы расскажем дальше), открывшей Землю Франца-Иосифа. Одновременно он снарядил вспомогательную экспедицию на норвежском парусном судне «Исбьерн», которая заложила

* Визе В. Ю. Моря Советской Арктики, с. 107.

** Мон Г. Вклад норвежских моряков в географию арктических стран. — В кн.: Бротгер В. Г. Рольфсен Н. Фритъф Нансен. СПб., 1896, с. 220—221.

на Новой Земле аварийные депо для Пайера и Вей-прехта. 30 июля Вильчек и его помощник профессор Леобенской горной академии Ганс Хёфер* высадились на северный берег Маточкина Шара и совершили восхождение на гору, которую называли *горой Вильчека*. Ближайшую к ней вершину они нарекли *горой Хёфера* (на некоторых картах она пишется в старой транскрипции — Геффера). Этому ученому принадлежит первая обоснованная теория геологического происхождения Новой Земли.

Экспедиция Вильчека же поместила на карте пролива Костина Шара *озеро Зюсса*. Австрийский геолог Эдуард Зюсс получил в России известность как автор трехтомного труда «Лик Земли», последний том которого был удостоен Русским географическим обществом медали имени П. Семенова.

Новая Земля всегда влекла и шведского полярного исследователя Адольфа Эрика Норденшельда. Он справедливо считал ее ключом ко всему Северо-Восточному проходу. В 1875 году Норденшельд собирался отправиться на его штурм на двух судах, одному из которых намеревался поручить только исследование Новой Земли. Однако Русское географическое общество не смогло принять участие в этой экспедиции, и Норденшельду пришлось выйти в плавание на одном крохотном, водоизмещением всего 43 тонны, парусном судне «Превен». Он тогда осмотрел многие места Южного острова Новой Земли. Наиболее продолжительной оказалась стоянка в губе *Безымянной* (древнее название, известное еще Крестинину), где исследователя поразили громадный птичий базар. С 1925 года южный входной мыс этой губы называется *мысом Норденшельда*.

Шведский ученый еще дважды — в 1876 году на «Имере» и в 1878-м на «Веге» — побывал на Новой Земле. Он первым дал характеристику местных ледников. Вот почему В. А. Русанов назвал самый большой новоземельский ледник именем *Норденшельда*. Большой залив *Норденшельда* на западном берегу Северного острова именован еще раньше норвежцами.

Последний раз большая группа иностранных названий на Новой Земле появилась в 1921 году, когда здесь

* Ю. Пайер на Земле Франца-Иосифа назвал их именами *ост. ров Земля Вильчека* и находящийся на нем *мыс Хёфера*.

с разрешения Советского правительства работала небольшая геолого-зоологическая норвежская экспедиция профессора Олафа Хольтедаля (его имя носит *остров Олафа*). *Бухты Блафель* и *Штраумсена* названы соответственно в честь экспедиционного судна и его капитана, *гора Дитрихсона* — именем топографа и метеоролога. *Гора Третена* — не что иное, как искаженное название по имени помощника зоолога студента-медика Рейдара Тветена. Здесь же, на побережье губы Машигина, норвежцы называли *гору Нансена* и *мыс Спирифер* (спирифер — род плеченогих, отложения раковин которых позволяют датировать известковые породы морского происхождения).

Долгое время мы бились над расшифровкой наименования небольшого *островка Норске*, решив, что это фамилия какого-то иностранца. Все оказалось значительно проще. Название, данное капитаном Э. Иоганнесеном в 1869 году, в переводе на русский означало «остров Норвежский». Отдельные иностранные промышленники начинали приучать себя к мысли, что это их охотничья вотчина. Сорок лет спустя В. А. Русанов написал на карте против небольшой выемки в северном берегу Крестовой губы «*бухта Норвежская*». Поводом для этого послужила встреча с тремя норвежскими браконьерами. Сами же норвежцы самый большой залив на западном побережье давно называли *Русской Гаванью*, прекрасно понимая, что исконные хозяева этих мест — русские поморы.

Для того чтобы препятствовать экспансионистским поползновениям в отношении Новой Земли, в 1870 году из Кронштадта в Белое и Баренцево моря отправилась эскадра военных кораблей под флагом вице-адмирала К. Н. Посьета. По пути она посетила Киль, Берген, Гаммерфест, Варде, Архангельск, Соловецкие острова.

Хотя корвет «Варяг» и винтовой клипер «Жемчуг» пробыли у берегов Новой Земли недолго, они выполнили значительные описные и промерные работы. На карте Костина Шара появилось много новых названий. Значительная часть их не сохранилась: рейд Алексея (по имени великого князя Алексея Александровича, участвовавшего в плавании), мыс Варяг (по названию корвета), острова Хохлова, Шаховского, мысы Мофета, Муравьева, Росселя (в честь офицеров эскадры).

В плавании принимал участие русский академик

Александр Федорович *Миддендорф* (его имя носят *мыс* на северо-востоке Новой Земли и *ледник* на острове Рудольфа Земли Франца-Иосифа). Он вел большие гидрологические и биологические исследования и, в частности, установил, что теплое течение Гольфстрим проникает не только в Баренцево, но и в Белое и даже в Карское море. Во втором томе «Истории открытия и освоения Северного морского пути» говорится: «Докладывая об этом плавании в Академии наук, Миддендорф подчеркивал, что «полярное море содержит в себе огромные сокровища». Он призывал научную общественность обратить внимание на Сибирское полярное море, разумно использовать природные богатства полярных стран, не допускать вторжения в русские северные владения хищников-иностранцев»*.

Среди сохранившихся на карте Костина Шара названий экспедиции следует назвать прежде всего *остров Жемчуг*. По аналогии с расположенными рядом *островами Алебастровыми*, до тридцатых годов нашего века называвшихся Белыми, его пытались переименовать в остров Жемчужный. Было бы жаль, если бы исчезло с карты имя этого заслуженного корабля — типичного представителя переходного от парусного к паровому флоту периода. Он почти тридцать лет находился в строю и долгое время был флагманом средиземноморской эскадры. Потом это название с честью носили бронированный крейсер и пограничный сторожевой корабль Северного флота. Место гибели последнего в районе Святого Носа объявлено координатами боевой славы...

Полуостров и *губа Макарова* на острове Междущарский названы в честь ревизора клипера «Жемчуг» Евгения Андреевича Макарова. *Остров Казаринова* и *мыс Тудера* носят имена офицеров корвета «Варяг». Тридцатилетний подпоручик корпуса флотских штурманов Валериан Захарович Казаринов, несмотря на молодость, уже был опытным гидрографом и много успел сделать за те четыре дня, пока корабли оставались в Костином Шаре. А вот его ровесник флаг-офицер эскадры лейтенант Карл Иванович Тудер, похоже, вообще в съемках участия не принимал.

* Пинхенсон Д. М. Проблемы Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Морской транспорт, 1962, с. 41.

В последующие годы русские военные моряки продолжали исследование и освоение Новой Земли. Об этом напоминает, например, *остров Ближний или Тягина* в заливе Моллера. На морском кладбище латвийского города Лиепая до сих пор сохраняется скромное надгробье, на котором написано: «Корпуса флотских штурманов полковник Евстафий Алексеевич Тягин родился 5 марта 1844 — скончался 1898 г. Основатель колонии на Новой Земле».

Удивительна привязанность этого человека, родившегося в херсонских степях и начинавшего службу на Черном и Каспийском морях, к Северу. Тягин семь лет выполнял метеорологические наблюдения в Архангельске, делал промеры на Мезени и Печоре, плавал штурманом на Белом море. В 1878 году он согласился возглавить работы по достройке и оборудованию спасательного приюта в Малых Кармакулах, начатые им годом раньше, а главное — перезимовать в нем. Вместе с женой Александрой Ивановной, двухлетним сыном Платоном высадился он со шхуны «Бакан» на неприветливый новоземельский берег. Зимовавшие здесь русские промышленники и ненцы за исключением двух старух находились на промысле. Грязь и запустение царили в приютской избе. Даже постели после умерших зимой от цинги двух промышленников не были убраны.

Почти полтора месяца артель рабочих мыла, убирала, строила поселение. 1 сентября Тягин начал метеорологические наблюдения. 17 сентября проводил шхуну и рабочих. Впрочем, семья Тягиных недолго оставалась в одиночестве: выпавший снег и начавшиеся морозы вскоре согнали более сорока промышленников в приют. Среди них было и семейство ненца Фомы Вылки, первого постоянного жителя Новой Земли, промышлявшего здесь девятый год.

Из-за недостаточных запасов свежего мяса среди ненцев зимой началась цинга. Несмотря на медицинскую помощь, которую Евстафий Алексеевич самоотверженно оказывал промышленникам, за зиму умерли четверо взрослых и трое детей. Простудившись на метеорологических наблюдениях, заболел и сам Тягин. С высокой температурой он принимал роды у своей жены, сам же крестил дочь — первую русскую уроженку архипелага — Нину.

В апреле начался массовый прилет птиц, и промыш-

ленники получили свежее мясо в изобилии. Тогда Тягин с двумя ненцами предпринял исследовательскую поездку на Карскую сторону. Эта первая в истории попытка пересечь Новую Землю не удалась из-за нехватки корма для собак и снежной слепоты участников перехода. Однако систематические комплексные наблюдения Тягина за природой этих мест показали, что Новая Земля может служить местом оседлой жизни человека. Через три года в постройках приюта разместился персонал первой русской полярной станции, которая начала действовать осенью 1882 года по программе Первого Международного полярного года. Занимаясь гидрографическими работами на Севере, Е. А. Тягин не раз возвращался к берегам ставшей для него родной Новой Земли. В июне 1880 года он восстанавливал построенный им же навигационный знак на острове, который вскоре получил его имя. Бывал Тягин на Новой Земле в 1887 и 1890 годах, и доставляла его туда неизменно винтовая шхуна «Бакан».

В память об этом много поработавшем в северных водах судне на карте Маточкина Шара осталась бухта *Бакан*. Построенное в 1857 году, совсем небольшое, водоизмещением 251 тонна, с машиной в 30 лошадиных сил, оно значительно уступало по своим размерам сменившему его транспорту (с 1909 г. посыльному судну) «Бакан» постройки 1896 года, тоже много раз бывавшему у берегов Новой Земли. Но большинство нижеприведенных географических названий связано все-таки с первым «Баканом».

Имени старшего штурмана «Бакана» подпоручика корпуса флотских штурманов Николая Федоровича Лемякова обязано своим происхождением название *острова Белужий (Лемякова)*, находящегося юго-восточнее острова Кармакульского. Лемяков в 1888 году выполнял съемку становища Малые Кармакулы, много лет служил на «Бакане», участвовал в беломорских съемках, командовал Северо-Двинским плавучим маяком. Уроженец Архангельска, он до конца дней своих — осени 1918 года — не расставался с ним. После выхода в отставку Лемяков несколько лет состоял членом городской думы, много писал по вопросам городского хозяйства в местной прессе, был председателем общества взаимного кредита и союза домовладельцев.

В 1889 году «Бакан» по просьбе архангельского гу-

губернатора выполнил съемку западного побережья Южного острова, назвав некоторые объекты в Грибовой губе.

На первый взгляд топонимы *острова Веселаго, Кремера, Пуцина, Шестакова* не могут вызвать затруднений при расшифровке — все это имена известных русских военно-морских деятелей того времени. Если генералы Феодосий Федорович Веселаго и Нил Львович Пуцин попали на карту как непосредственные начальники производивших опись офицеров — Веселаго в 1881—1885, а Пуцин в 1889—1891 годах возглавляли Главное гидрографическое управление, а начальник Главного морского штаба генерал-адъютант Оскар Карлович Кремер, кроме того, в 1870 году командовал корветом «Варяг», ходившим на Новую Землю, — то старейший русский адмирал и тоже генерал-адъютант Иван Алексеевич Шестаков на Севере никогда не бывал и не очень его жаловал. Так, будучи управляющим Морским министерством, он сказал: «Никакие денежные средства, потраченные на исследование Карского моря, не дадут других результатов, как только трату средств и времени»*.

Не так-то легко сразу ответить на вопрос, кого имели в виду офицеры «Бакана», называя *остров Голицына*. Отпрысков этой старинной аристократической фамилии в те годы в России проживало много. Б. Г. Масленников, например, в книге «Морская карта рассказывает» считает, что это, видимо, генерал-лейтенант Г. С. Голицын. У нас же нет сомнений, что остров в Грибовой губе назван по имени архангельского губернатора князя Николая Дмитриевича Голицына, годом ранее посетившего Новую Землю и поставившего в Малых Кармакулах церковь, а в Маточкином Шаре памятный крест. В честь Григория Сергеевича Голицына в 1895 году академической экспедицией Ф. Н. Чернышева названа *бухта Голицына* на восточном побережье Южного острова. Несколько позже на Новой Земле побывал еще один Голицын — физик академик Борис Борисович Голицын (в августе 1896 г. его доставил туда винтовой транспорт «Самоед»). Его имя более достойно значиться на карте этих мест, но, увы, нет его в Арктике.

* Цит. по кн.: Визе В. Ю. Моря Советской Арктики, с. 181.

Любопытная деталь номинации географических объектов в губе Грибовой обращает на себя внимание: в отличие от островов мысы здесь названы именами малоизвестных русских офицеров, но зато непосредственно картографировавших эту губу. Описные журналы, где указаны анкетные данные этих людей, не сохранились. И трудно пришлось бы топонимистам, если бы не выручил вахтенный журнал шхуны «Бакан», хранящийся в Центральном государственном архиве ВМФ (ф. 870, оп. 1, д. 15794).

Мыс Андреева носит имя судового врача «Бакана» Николая Павловича Андреева (в дальнейшем был повышен в должности и назначен старшим врачом дирекции маяков и лоций Белого моря), еще в 1880 году за гидрологические работы в Белом море награжденного медалью Русского географического общества. В 1887 году он на «Бакане» посетил Малые Кармакулы вместе с А. И. Вилькицким, выполнявшим здесь гравитационные наблюдения. Андреев изучал санитарные условия жизни полярников, которые изложил в обширной статье, напечатанной в «Медицинских прибавлениях к «Морскому сборнику». Всегда есть искушение «приписать» этот мыс более известному начальнику первой русской полярной станции в Малых Кармакулах лейтенанту К. П. Андрееву, но, увы, по капризу топонимики его имени нет на Новой Земле. Правда, в честь Константина Петровича *Андреева* назван *мыс* восточнее Амдермы. Но произошло это позже, когда он был уже полковником и занимал высокую должность начальника картографической части Главного гидрографического управления.

Мыс Астафьева назван именем помощника астронома Кронштадтской морской обсерватории поручика Владимира Петровича Астафьева, который проводил на «Бакане» картосоставительские работы. Несколько лет спустя продолжавший эти работы лейтенант М. Е. Жданко с грустью писал в своем отчете: «Ходил осматривать знак, построенный Астафьевым на месте его астрономических наблюдений в 1889 году в Поморской губе... У меня не было возможности на месте этого малого знака воздвигнуть более прочный и видный, как достойный памятник сотоварищу, который четыре года назад перед этим работал тут же и которого беспощадная

смерть вырвала так рано в полном расцвете сил из семьи гидрографов»*.

Имя командира «Бакана» капитана 2 ранга Петра Филипповича *Иванова* носит *мыс*, разделяющий губы Безымянную и Грибовую. Семь названий физико-географических объектов Заполярья образовано от фамилии Иванов, на которой, как утверждал К. Симонов, Россия держится. На одной только Новой Земле кроме упомянутого мыса есть *камни Иванова* и *залив Иванова*. Если камни названы также в честь П. Ф. Иванова, нанесшего в 1889 году на карту существовавший на их месте островок, то залив именован позже Г. Я. Седовым в честь журналиста М. М. Иванова.

Мыс Егорова носит имя вахтенного начальника «Бакана» мичмана Владимира Степановича Егорова. В начале нашего века он плавал в дальневосточных морях, командовал канонерской лодкой «Манчжур». Где-то там во время русско-японской войны и затерялись его следы.

Гидрографическими работами по ограждению навигационных опасностей в этом плавании непосредственно руководил исполнявший обязанности старшего штурмана на «Бакане» лейтенант Ипполит Владимирович Студницкий. Его именем тогда был назван *мыс Студницкого* на северо-восточном берегу губы Грибовой. Он всю свою жизнь проработал в гидрографии, защитил диссертацию на звание гидрографа-геодезиста. Перед самой революцией в чине генерал-лейтенанта корпуса гидрографов возглавлял комиссию по обозрению финских шхер. Студницкому к тому времени перевалило за шестьдесят. Его дальнейшую судьбу нам пока выяснить не удалось.

Большой вклад русских охранных крейсеров в изучение Баренцева моря увековечен в названиях *рейда Наездник* в районе Малых Кармакул и *бухты Самоед* в губе Белушьей. Винтовой клипер «Наездник» водоизмещением 1334 тонны был построен на столичном судостроительном заводе «Новое адмиралтейство» в 1879 году. За свою долгую жизнь он побывал под разными широтами. В 1893 году, когда его направили к берегам Новой Земли для охраны промыслов от иностранных хищников, «Наездник» перечислили в крейсе-

* ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 354, л. 81.

ры 2 ранга. В 1902 году по старости и ветхости его окончательно вывели из эксплуатации. А вот транспорт «Самоед», отправившийся к Новой Земле в 1896 году, был новеньким судном. По размерам он был меньше — водоизмещение 983 тонны, но ход по тем временам имел приличный, более 12 узлов.

В арктических походах обоих кораблей участвовал мичман Михаил Александрович Фефелов, имя которого носят *мыс* и *остров Фефелова* у Южного острова. Это он записал 19 (31) июля 1896 года в вахтенном журнале «Самоеда»: «В 6 часов бухте, в которой стали на якорь, дали название бухты Самоед»*.

Офицерам «Самоеда» повезло больше, чем офицерам «Наездника»: имена многих из них стали новоземельскими географическими названиями. И первым был западный входной губы *Белушьей мыс Лилье*. Капитан 2 ранга Владимир Александрович Лилье командовал «Самоедом» неполных два года. Потом он занимал большие береговые должности и вышел в отставку в 1916 году в чине вице-адмирала. Здесь же в честь вахтенных начальников «Самоеда» лейтенантов Ивана Ивановича Назимова и Александра Александровича Гаврилова, принимавших участие в описи, соплаватели их назвали *бухту Назимова* и *залив Гаврилова*.

Штабс-капитан корпуса флотских штурманов Николай Васильевич Морозов исполнял на «Самоеде» обязанности старшего штурмана. Его именем в августе 1896 года назван *мыс Морозова*, что при входе в залив Рогачева. Николай Васильевич оставил заметный след в русской гидрографии. Он успел поработать на Балтике, Дальнем Востоке, но дольше всего — почти три десятилетия — на Севере. Долгое время он командовал гидрографическим судном «Пахтусов», принимал участие почти во всех арктических предприятиях конца прошлого и начала нашего века. Недаром его имя шесть раз увековечено в разных местах побережья морей Баренцева, Карского и Лаптевых, от Новой Земли до Северной Земли. До самой смерти в 1925 году Морозов не порывал связей с морем и Арктикой, являясь членом полярной комиссии Гидрографического управления и морской комиссии Российского гидрологического института. К сожалению, до сих пор пока нет не только

* ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 20062.

книги, но и исчерпывающей статьи об этом представителе славного племени штурманов и гидрографов.

Другой штабс-капитан корпуса флотских штурманов Николай Михайлович Деплоранский, распорядитель работ по постановке вех и баканов в Белом море, шел на «Самоеде» пассажиром, но принимал участие в гидрографических работах. В его честь назван *мыс Деплоранского* на полуострове Храмцова.

У новоземельских берегов бывали и другие охранные корабли: «Вестник» — в 1894 году, «Джигит» — в 1895-м. Названия этих кораблей, как и имена плававших на них, не задержались на карте здешних мест (хотя они имеются на южных берегах Баренцева моря и в Тихом океане), исключая разве *банку Игнатьева* к северу от острова Кармакульского, названную по фамилии мичмана Михаила Николаевича Игнатьева с крейсера «Вестник».

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА, А НЕ АРХИПЕЛАГ...

ЗФИ — так для краткости называют полярники этот самый северный советский архипелаг *Земля Франца-Иосифа*. Территориально он также принадлежит к Архангельской области. Последняя гидрографическая «инвентаризация» показала, что состоит он из 187 островов общей площадью 16,5 тысячи квадратных километров, что составляет всего 0,07 процента от территории Советского Союза.

О вероятности существования этой земли еще в 1865 году высказал предположение русский морской офицер Николай Густавович Шиллинг, которое поддержал выдающийся русский ученый и революционер Петр Алексеевич Кропоткин (их именами на ЗФИ названы *мыс Шиллинга* и *ледниковый купол Кропоткина*). Но царское правительство не очень-то стремилось к поиску новых земель. Оно и со старыми-то не знало что делать. Именно в это время была за бесценок продана давно освоенная русскими Аляска.

Поэтому, как ни странно, открыла Землю Франца-Иосифа в 1873 году совершенно случайно экспедиция из Австро-Венгрии, далеко не морской державы. Руководители экспедиции Юлиус Пайер и Карл Вейпрехт (их имена носят на ЗФИ *остров* и *ледник Пайера* и *залив Вейпрехта*) верноподданнически нарекли вновь открытый архипелаг в честь императора Австрии и Венгрии Франца-Иосифа I, личности довольно тусклой даже среди коронованных особ и уж абсолютно никакого отноше-

ния к этому открытию не имевшего. Всезнающий бра-
вый солдат Иозеф Швейк, старавшийся по мере сил чтить
покойного императора, и то сказал как-то не очень
уверенно: «Помнится, поговаривали, что у Австрии есть
колонии, где-то на севере. Какая-то там земля импе-
ратора Франца-Иосифа...»

В начале первой мировой войны капитан первого ран-
га И. И. Ислямов на свой страх и риск объявил архи-
пелаг враждебной Австро-Венгрии (хотя последняя,
исключая разве Швейка, никогда не считала ЗФИ сво-
ей) принадлежащим России и предложил переимено-
вать его в Землю Романовых. Даже среди царских
сановников этот демарш не вызвал одобрения, менять
«шило на мыло» никто не решился. Однако территори-
альная принадлежность архипелага России вследствие
его географического положения практически ни у кого
не вызвала сомнений.

В послереволюционные годы не раз предлагались
более достойные имена для архипелага: архипелаг Ми-
ханла Ломоносова, Земля Нансена, Земля Кропоткина,
но, повторим, слишком чтут у нас право первопроход-
цев и первооткрывателей...

Всего на первой карте архипелага были помещены
89 географических названий. Из них 15 в настоящее вре-
мя исчезли, так как обозначали несуществующие гео-
графические объекты. Это Земли Зичи, Короля Оскара,
Петермана (не везет ученому немцу), пролив Роульсона,
острова Брауна, Андрэ, заливы Тодеско, Линдемана,
мысы Рольфса, Грильпацера, Шерарда Осборна и дру-
гие.

Лишь *мыс Столбовой* на северо-западе острова Ру-
дольфа и *бухта Штормовая* на юго-западе острова Зем-
ля Вильчека получили свои названия по географическим
признакам: первый за две одинаковые башни-столбы,
возвышающиеся на мысе, вторая потому, что в день ее
открытия 2 апреля 1874 года бушевал штормовой север-
ный ветер.

Вот как Ю. Пайер описывает первую встречу с но-
вым архипелагом:

«Достопамятен был день 30 августа 1873 года:
он принес нам такую неожиданность, какая могла бы
сравниться разве только с возрождением к новой жиз-
ни — так она была велика. Было около полудня. Мы
стояли облокотившись на борт и смотрели в облака

тумана, между которыми изредка проскакивал солнечный луч, как вдруг заметили в одном из таких промежутков далеко на северо-западе суровые скалистые горы. Через несколько минут перед нашими глазами предстала в солнечном сиянии прекрасная альпийская страна! В первое мгновение все замерли точно прикованные к месту и не верили глазам. Убедившись в действительности нашего счастья, мы радостно, громко закричали: «Земля, земля, наконец-то земля!» *

Это был *мыс Тегеттгоф*, названный в честь судна, которое, в свою очередь, носило имя адмирала Вильгельма Тегеттгофа, победителя итальянского флота у острова Лисса в 1866 году, с его именем Австро-Венгрия связывала организацию своего военно-морского флота.

К сожалению, Пайер и Вейпрехт, называя географические объекты открытого архипелага, часто незаслуженно забывали о тех, кто делал это открытие или пролагал путь к нему, отдавая предпочтение политическим и научно-конъюнктурным соображениям.

Так, здесь оказались имена придворных австрийского императора: эрцгерцога *Райнера (остров)*, обергофмейстера принца Константина *Гогенлоэ (остров)*, графа Иосифа *Сальм (остров)*.

Остров Карла-Александра получил имя «великого герцога саксен-веймар-эйзенахского», а *мыс Бророк* на острове Рудольфа — название древнейшего венгерского аристократического рода.

Единственный сын императора кронпринц Рудольф (*остров Рудольфа*) хотя номинально состоял председателем комиссии по снаряжению экспедиции Пайера и Вейпрехта, но в свои неполные четырнадцать лет географию не только Арктики, а и родной Австрии еще не успел усвоить. По *острову* «получили» члены комиссии по снаряжению экспедиции: барон Леопольд-Фридрих *Гофман*, доктор Мориц-Алоиз *Беккер*, военный министр Франц *Кун*, председатель Венского географического общества Фердинанд *Хохштеттер*, барону же Бернгарду Вюллерсторфу-Урбаиру «достались» *горы Вюллерсторфа* на Земле Вильчека.

Придворный барон Макс Штернек (*пролив Штернека*) участвовал в плавании Г. Вильчека на Новую Землю в 1872 году и как член комиссии хоть какое-то

* Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики, с. 119.

отношение имел к экспедиции, в отличие от группы ученых, имена которых носит целый ряд объектов архипелага.

Это *мысы*, названные в честь исследователя Африки Мориса Бауэрмана, ботаника Иосифа Бэма, натуралиста, исследователя Мексики Карла Галлера, астронома Теодора Опольцера, геолога Гергарда Рата, зоолога и бургомистра Вены Каетана Фельдера, директора Венского географического института Августа Флиссели, зоолога профессора Венского университета Людвиг Шмарда, профессора Бреславского университета Иозефа Шреттера; *ледники Симони* и *Сонклара*, носящие имена австрийских географов; *острова Бергхауз*, *Столичка* и *Фреден* — в честь картографа Потсдамской технической школы Германа Бергхауза, палеонтолога Венского геологического института, исследователя Индии, Тибета и Памира Фердинанда Столички, основателя и директора Морской обсерватории в Гамбурге Вильгельма Фредена; *гора Рихтгофена* (четверть века спустя появится и *мыс Рихтгофена*) в честь немецкого географа и геолога Фердинанда Рихтгофена. Обратите внимание — все немцы или австрияки. Лишь председатель Итальянского географического общества Христофор Негри был удостоен *пролива*. И никто, решительно никто из перечисленных ученых не имел отношения к Арктике, исключая разве Фридриха Гельвальда — автора переведенной в 1881 году на русский язык книги «В области вечного льда. История путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего», в честь которого Пайер назвал *мыс Гельвальда* на острове Кейна.

Не удалось установить причастность к Арктике и художника-портретиста Гуго Габермана, имя которого носит *мыс* на юго-востоке острова Рудольфа.

Вся «лоскутная империя», как называли Австро-Венгрию, хлынула на новый архипелаг: *Австрийский пролив*, *остров Винер-Нейштадт* (город, где Ю. Пайер учился в военной академии), *остров Шенау* и *бухта Теплиц* (местечко близ города Теплица, где он родился), *мыс Брюнн* (по-славянски Брно, главный город Моравии), *мыс Франкфурт*, *мыс Тироль* и *остров Клагенфурт* (графство и город в Восточных Альпах), *мысы Фиуме* и *Триест* (города на Адриатическом море).

Ю. Пайер был не новичок в полярных путешествиях.

Еще в 1869 году он участвовал в так называемой Второй Германской экспедиции, пытавшейся между Шпицбергенем и Гренландией проникнуть к Северному полюсу. В честь экспедиционных судов паровой шхуны «Германия» (водоизмещением 143 т) и парусника «Ганза» (110 т), продрейфовавшего в Гренландском море 202 дня и раздавленного льдами, Пайер во время своих санных походов по ЗФИ назвал *мыс Германия* на острове Рудольфа и *мыс Ганза* на юге Земли Вильчека. *Остров Кольдевея* получил имя капитана «Германии» Карла Кольдевея. Участникам Второй Германской экспедиции Пайер посвятил названия *мыс Копленда* (на северо-востоке острова Мак-Клинтока) в честь английского астронома Ральфа Копленда, проанализировавшего в 1897 году карту ЗФИ Пайера, и *мыс Берген* в честь доктора Карла Бергена. Кстати, именно Копленду, никогда не бывавшему на ЗФИ, обязаны своим появлением *острова Брош и Орел*. В английском «Географическом журнале» (часть X, № 2 за 1897 г. с. 185) он писал: «Анализ Пайера во вторую руку позволил мне определить место двух островов, которые теперь нанесены на карту. С согласия Пайера они названы в честь Броша и Орела, двух офицеров с «Тегеттгофа», которые внесли большой вклад в научные результаты экспедиции» (перевод наш.— С. П.). Чехи лейтенант Густав Брош (Станислав Бартль в статье «Чехословаки в Арктике» пишет эту фамилию Брож*) и мичман Эдуард Орел единственные кроме Пайера и Вейпрехта участники экспедиции, имена которых были увековечены на карте ими открытого архипелага.

Зато руководители экспедиции вспомнили многих полярных исследователей. Этот список в отличие от приведенного перечня ученых достаточно интернационален. *Остров Ла-Ронсьер* назван по имени французского полярного исследователя адмирала Клемента Ла-Ронсьера (Пайер принял его за полуостров), *пролив Бака* — в честь исследователя арктических районов Канады Джорджа Бака. Именами его соотечественников английских полярных мореплавателей, в будущем адмиралов Ричарда Коллинсона и Фрэнсиса Мак-Клинтока обозначены на карте архипелага *пролив Коллинсона* и *остров Мак-Клинтока*, а позже и *мыс Мак-Клинтока*.

* Летопись Севера. М., 1964, т. IV, с. 87.

В честь английского торгового моряка Джозефа Уиггинса, который по заданию русских предпринимателей десять раз плавал в устья Оби и Енисея через Карское море, назван *мыс Уиггинса* на западе *острова Галля*. Американский гравер, позже журналист Чарльз Фрэнсис Галль, чье имя носит остров, во второй половине своей жизни стал одержимым полярником: с 1859 по 1869 год с небольшими перерывами он прожил среди эскимосов. «Все это время,— поражал Ф. Гельвальд впечатление наших прапрадедушек и прапрабабушек,— изменив своему прежнему образу жизни, он жил вполне как эскимос, в палатке, крытой тюленьими шкурами, ел сырое мясо и ворвань, отлично предохраняющую от мороза... Галль съедал в день 7,5 килограмма сырого мяса и выпивал 1,4 литра ворвани, причем чувствовал себя отлично»*.

В честь американских полярных исследователей, участвовавших в поисках пропавшей без вести экспедиции Д. Франклина, Элиша *Кейна* и Исаака *Хейса* Пайер назвал по *острову*. Только если быть совершенно точным, то имя последнего Ю. Пайер дал небольшой группе островов, которая ныне называется *острова Комсомольские*. Но американская экспедиция А. Фиала в самом начале нашего века не нашла их и, желая сохранить достойное имя своего соотечественника на карте, отнесла его к открытому острову.

Отсутствие в книге Ю. Пайера пояснений иногда вызывает затруднения в толковании названий. Так, *пролив Маркема* в принципе мог быть назван в честь любого из двух полярных исследователей — Клемента Роберта Маркема, в 1852—1853 годах участвовавшего в поисках экспедиции Франклина, затем возглавлявшего Лондонское географическое общество, и Альберта Хастингса Маркема, бывавшего около ЗФИ. Впоследствии, чтобы различать этих двоюродных братьев, Ф. Джексон назовет *залив Клемента Маркема* (имя искажено) и *мыс Альберта Маркема*.

А вот случай с Ламонами сложнее. Пайер на самом юге архипелага назвал *остров Ламон*. Учитывая его привязанность к немецким ученым, можно предположить, сделал он это в честь немецкого астронома (шотландца по происхождению) Иоганна Ламонта. Но в прин-

* Гельвальд Ф. В области вечного льда, с. 623.

ципе это мог быть и богатый шотландский спортсмен Джеймс Ламонт, совершивший в 1858, 1859 и 1871 годах плавания к Шпицбергену, а в 1869 и 1870 — к Новой Земле. Но нам думается, что именем последнего американец У. Уэлман в 1899 году назвал *мыс Ламон* на востоке Земли Вильчека. Однако есть мнение, что этот мыс «назван, по-видимому, именем американского политического деятеля Д. Ламонта (1851—1905) — военного министра США в 1893—1897»*. И такое предположение вполне правдоподобно, особенно если принять во внимание названные на ЗФИ в честь американских президентов *мысы Вашингтона, Рузвельта, Тейлора*. Правда, это было сделано лихим кавалеристом Антони Фнала чуть позже. Однако и журналист У. Уэлман оказался большим любителем политики. *Острова Алджер, Блисса, мысы Олни, Форакен, Хилл, скала Фербанкс* названы именами американских государственных деятелей.

Мы уже говорили, что на первой карте ЗФИ были помещены имена и русских полярных исследователей — мыс Лудлова и ледник Миддендорфа. Добавим к ним *остров Литке* и *мыс Бэра* (на востоке острова Сальм), также названные Ю. Пайером и К. Вейпрехтом. Если естествоиспытателя Карла Максимовича Бэра, исследователя Лапландии и Новой Земли, они в какой-то мере могли считать соотечественником, ибо в молодые годы он некоторое время учился и работал в Австрии и Германии, то Федор Петрович Литке — коренной русак...

Кстати, первая экспедиция на Землю Франца-Иосифа закончилась «на русской ноте». Недавно советские полярные гидрографы на упоминавшемся острове Ламон случайно нашли записку К. Вейпрехта. Она заканчивалась словами: «20 мая 1874 г. принято решение оставить судно с тем, чтобы на трех шлюпках достигнуть Новой Земли... Будьте добры передать в Австрийское морское министерство или ближайшее австрийское консульство». Записка была передана адресату... через сто с лишним лет. А 24 августа 1874 года в семь часов вечера у новоземельского залива *Пуховый* (древнее поморское название: здесь испокон веку промышляли ценный гагачий пух) экспедицию подобрала ар-

* Справочник по истории географических названий на побережье СССР. МО ГУНИО, 1976, с. 165.

тель сумчан во главе с Федором Ивановичем Ворониным. «Приняли нас с почетом и радушием,— писал Ю. Пайер.— Все, что имелось на корабле лучшего, предоставили в наше распоряжение... Простые русские моряки, жители побережья Ледовитого океана, старались порадовать нас своими подарками» *.

3 сентября 1874 года, через 812 дней после выхода из Европы, экспедицию доставили в порт Варде. Спасены 23 человека, среди которых были австрийцы, венгры, итальянцы, сербы, чехи, норвежцы, немцы. Спасено географическое открытие! Именем Ф. И. Воронина, 35 лет плававшего к берегам Новой Земли, назван мыс на восточном побережье Северного острова этого архипелага. Пройдут годы, и на ЗФИ появятся названия в честь его двоюродного племянника — известного советского ледового капитана В. И. Воронина.

По топонимам ЗФИ можно проследить всю последующую историю исследования архипелага. *Пролив Де-Брюйи* напоминает нам о руководителе голландской экспедиции 1879 года и капитане ее судна «Виллем Баренц». Эта экспедиция поставила памятник В. Баренцу на Новой Земле и назвала на ЗФИ *остров Гукера* в честь английского ботаника и *мыс Баренца*, хотя на берег архипелага даже не высаживалась.

Пролив и *остров Ли Смита* носят имя богатого шотландского яхтсмена Бенджамина Ли Смита, который в 1871 и 1872 годах исследовал северное побережье Шпицбергена, а в 1880 году выполнил значительные съемки на ЗФИ. Ли Смит надавал здесь столько названий, что происхождение некоторых и через сто лет достоверно не установлено.

Пролив Эйра, названный в честь экспедиционного судна Ли Смита водоизмещением 360 т с машиной в 60 л. с., разделяет *острова Белл* (по английски «Колокол», так как напоминает его форму) и *Мейбел* (происхождение не установлено). Имя капитана «Эйры» Уильяма Лофли, старшего офицера Джона Кроутера, хирурга Уильяма Нилы, натуралиста Гранта носят *мысы Лофли, Краутера* (искажения иностранных фамилий на карте архипелага встречаются нередко, но менять их вряд ли нужно, ибо они стали привычными), *Ниль, Гранта*.

* Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики, с. 294.

А вот над названием *залива Грей*, вдающегося в Землю Георга между мысами Краутера и Гранта, можно поломать голову. Официальный справочник считает, что он «назван, по-видимому, именем английского путешественника Д. Грея (1812—1888), исследователя Австралии». Но это совершенно бездоказательно: по меньшей мере еще два английских зоолога — братья Джон и Георг Грей могут претендовать на эту роль. В то время как достоверно известно, что в снаряжении «Эйры» в главном городе шотландских китобоев Питерхеде (*мыс Питерхед* находится неподалеку от залива Грея) Ли Смит помогали капитан Грей. Правда, в прошлом веке здесь была известна целая династия капитанов-китобоев Греев, неизменно промышлявших в арктических водах. Скорее всего это был младший — Давид Грей, первый капитан известного в русской Арктике «Эклипса», друг Климента Маркема. По-видимому, по его имени назван и находящийся неподалеку *остров Давида*.

Воодушевленный успехом экспедиции 1880 года, Ли Смит на следующий год снова отправился на ЗФИ. На этот раз переменчивое полярное счастье изменило ему. 21 августа 1881 года «Эйра» была раздавлена льдом и затонула. Двадцать пять человек перезимовали в наскоро построенной хижине на *мысе Флора*, названном так за обилие растительности летом. На следующий год Ли Смит на четырех шлюпках повторил поход Пайера и Вейпрехта к Новой Земле. В Маточкином Шаре их встретили посланные на поиски суда. В честь их капитанов на ЗФИ были названы *проливы Аллен-Юнг* и *Бута*.

Сделал это англичанин Фредерик Джексон, очень высоко ценивший труды своего предшественника. К экспедиции Джексон готовился на Русском Севере, изучая опыт поморов и ненцев в Большеземельской тундре и на острове Вайгач (в память об этом до сих пор остается название небольшого *островка Джексона* в губе Долгой). В 1894 году, направляясь к берегам ЗФИ, он специально зашел в Архангельск, где принял на борт ездовых собак и многое из экспедиционного снаряжения. Участников его экспедиции очень тепло принимали местные власти и моряки крейсера «Вестник».

Джексон первым делом увековечил на карте архипелага имена тех, кто помогал ему в Архангельске:

английского вице-консула Генри Кука (скалы), членов Королевского географического общества Джозефа Джефферсона (остров), Герберта Уорда (бухта), Уильяма Харкнесса и Артура Монтефьоре (мысы).

Остров Уиндуорд назван по имени экспедиционного судна (вместимость 245 регистровых тонн, машина 30 л. с.), а пролив Брауна — в честь его капитана. Остров Кетлица носит имя доктора и геолога экспедиции Реджинальда Кетлица, мыс Фишера — ботаника и зоолога Гарри Фишера, полуостров Армитеджа на Земле Георга — отвечавшего за астрономические, метеорологические и магнитные наблюдения Альберта Армитеджа. А вот мыс Армитедж именован в честь его жены Алисы.

Многие названия Ли Смита и Джексона ныне вызывают недоумение и досаду. Какое отношение имели к архипелагу, например, принц Уэльский и его супруга или третий сын принца Гессенского Генрих Баттенберг? Никакого. А между тем по воле Ли Смита их имена носят самые большие западные острова Земля Александры и Земля Георга, а северная оконечность последней названа Джексоном мыс Баттенберг.

Или взять бухту Бакстера (по имени исследователя Австралии), проливы Бейтса (председатель энтомологического общества) и Брейди (фармацевт), залив Гунтера (зоолог), острова Этеридж (палеонтолог), названные Ли Смитом; мысы Милла (метеоролог) и Муррей (океанограф), острова Скотт-Келти (секретарь Географического общества) и Харли (медик) — Джексон. Эти имена мало что добавляют к характеристике арктического архипелага, но для того чтобы установить «кто есть кто», порой приходится ставить целые изыскания, потому что даже на берегах туманного Альбиона теперь не помнят многие из этих имен.

Так, три географических объекта с одним именем — остров, мыс и бухта Брюса, оказывается, названы в честь разных людей. Остров именован Ли Смитом скорее всего в честь Генри Остина Брюса — президента Королевских географического и исторического обществ. Но этот человек с 1873 года обладал титулом барона Абердэр. Значит, названный Ли Смитом же пролив Абердэр — тоже в его честь. Мысу присвоено имя гидролога экспедиции Джексона Уильяма Брюса — опытного полярного исследователя, впоследствии руководившего

Антарктической экспедицией 1902—1904 годов*. А вот бухта на юго-востоке острова Земля Георга носит имя отца невесты Джексона полковника Далримпла Брюса. Названный же ее именем на севере той же Земли Георга фиорд Мейбел Брюс ныне на картах не показывается, потому что остров Армитеджа оказался полуостровом.

Трудно также догадаться, что пролив Меллениуса назван Джексоном по имени участника его санных походов финна Меллениуса, который числился в экспедиции под фамилией К. Бломквист.

За иными скромными названиями — весьма волнующие истории. Пролив Соловей — так следовало бы перевести на русский язык название пролива Найтингейл, разделяющего остров Земля Георга и острова Мейбел и Брюса. Побывавший здесь в июле 1895 года Джексон писал: «Пролив Найтингейл полностью забит подвижными льдами. Его вид как нельзя лучше опровергает это название. Я не мог представить, чтобы здесь когда-нибудь раздавалась мелодичная трель птицы» (перевод наш. — С. П.)**. Но не птицу имел в виду Ли Смит, а первую в мире сестру милосердия Флоренс Найтингейл. Среди имен мужественных полярников имя этой героической женщины воспринимается как достойное, равное среди равных...

Родилась она в Италии в 1820 году. Выросла в богатой аристократической семье, получила прекрасное образование, в совершенстве владела пятью языками. И вдруг добровольно оставила спокойную жизнь, отказалась от замужества и сестрой милосердия отправилась в Лондон на ликвидацию эпидемии холеры. «Я вся охвачена мыслью о людских страданиях, ничто другое не идет мне в голову», — писала тогда в своем дневнике двадцатидвухлетняя Флоренс.

С началом Крымской войны Найтингейл организовала помощь больным и раненым. Благодаря ее усилиям смертность в лазаретах упала с 42 до 2 процентов. Когда она сама свалилась в жестокой лихорадке, английская королева потребовала от командования, наряду с доносениями с боевого театра, ежедневных докладов

* В честь его друга и спутника по этим экспедициям Давида Уилтона Джексон в 1897 г. назвал остров.

** Jackson F. A thousand days in the Arctic. London, 1899, p. 334.

о здоровье Найтингейл. С войны Флоренс привезла безногого английского матроса, русского мальчика-сироту и больную собаку, подаренную ей солдатами. Все народы, считала главная медицинская сестра английских военных госпиталей, должны сделать все, что от них зависит, для того чтобы уменьшить угрозу страшного бедствия, каким является война.

С именем Найтингейл связаны организация первой в мире школы медицинских сестер, создание Международного Красного Креста и Фонда на здравоохранение и борьбу с бедностью ее имени. Умерла эта замечательная женщина в девяносто лет. Согласно завещанию гроб несли ее дети — вылеченные ею солдаты. Она похоронена в родной Флоренции рядом с великими сынами Италии Данте и Микельанджело.

Вот уже больше семидесяти лет Лига Международного Красного Креста присуждает медаль имени Найтингейл — высшую награду медицинским сестрам, отличившимся при спасении больных и раненых. Среди награжденных — Герои Советского Союза санинструкторы З. М. Туснолобова-Марченко, М. С. Шкарлетова, И. Н. Левченко, В. С. Кашеева...

17 июня 1895 года в самый разгар джексоновской экспедиции на *острове Нортбрук* (назван Ли Смитом в честь первого лорда Адмиралтейства) произошла необыкновенная для этих мест встреча с Ф. Нансеном.

Фритьоф Нансен и его спутник Ялмар Йогансен (последнее время эту фамилию часто пишут Юхансен) в марте 1895 года покинули дрейфовавший во льдах севернее ЗФИ «Фрам» и на собачьих упряжках пытались достичь Северного полюса. Когда они поняли невозможность задуманного, «Фрам» уже пронесло на запад, и норвежским исследователям ничего не оставалось, как идти к ближайшей Земле Франца-Иосифа (теперь на ее карте имеются *мысы Нансена* и *Йогансена*, *остров Нансена* и *пролив Фрам*), где они благополучно перезимовали в хижине, сложенной из камней и снега.

«Несколько раз, — писал потом Нансен, — я обсуждал с Джексоном, как нам назвать земли, по которым и вдоль которых нам пришлось идти. Я спросил у него, не будет ли он против, если я назову землю, на которой мы провели зиму, *островом Фредрика Джексона* — это лишь слабый знак благодарности за оказанное нам

гостеприимство. Мы первые нашли, что этот остров отделен проливом от земли, лежащей к северу и названной Пайером Землей Карла-Александра. Впрочем, я не хотел давать имена тем местам, которые Джексон видел прежде нас»*.

Так, названный Джексоном в честь его матери *остров Елизаветы* (первоначально остров Мэри-Елизаветы) Нансен год спустя открыл вторично и назвал островом Гусиный, так как видел здесь следы пребывания гусей. На отчетную карту он поместил этот остров с джексоновским названием.

Из наименований Нансена на карте ЗФИ сохранились следующие: *мыс Брёггера* на западе острова Карла-Александра, названный в честь друга и биографа Ф. Нансена норвежского петрографа Вальдемара Брёггера; *остров Торупа* — по имени специалиста по питанию в полярных условиях профессора Софуса Торупа, который помогал Нансену в разработке экспедиционных рационов; *остров Хоуэна* — по имени одного из меценатов; *мыс Хелланда* на острове Джексона — в честь норвежского геолога и гляциолога Амунда Хелланда.

Джексон положил начало широкому использованию при составлении карты имен родных и близких не только участников экспедиции, но и ее организаторов. Так, самый западный в архипелаге *мыс Мэри Хармсуорт* Джексон назвал в честь жены английского фабриканта Альфреда Хармсуорта, финансировавшего его экспедицию, а юго-восточную оконечность острова Гукера — *мыс Сесил Хармсуорт* — в честь его брата. В литературе встречаются утверждения о том, что *остров Артура* носит имя сына английской королевы Виктории принца Артура. Однако назвавший его Джексон в своей замечательной книге «Тысяча дней в Арктике», к сожалению пока не переведенной на русский язык, говорит прямо: «Назван мною в честь моего брата Артура Джексона» (том II, с. 208).

Нансен в честь своей матери Аделаиды Юханны Теклы Исидоры, жены Евы и дочери Лив назвал в открытой и названной им *группе островов Белая Земля острова Аделаиды и Ева-Лив* (последний первоначально был принят за два отдельных острова Евы и Лив),

* Нансен Ф. «Фрам» в Полярном море. М.: Географгиз, 1956, т. 2, с. 220.

в честь своего брата-погодка *остров Александра* и в честь тестя, известного норвежского зоолога *Михаила Сарса*, — *пролив Сарса*.

Руководитель американской экспедиции 1898—1899 годов Уолтер Уэлман в честь своего брата Артура, который на свои средства отправил для спасения экспедиции судно «Капелла», назвал *мыс Уэлмана* на востоке острова Рудольфа. Самый восточный в архипелаге *остров Грезм-Белл* получил имя президента Американского географического общества *Александра Грезм Белла*, а по имени его вице-президента названы *острова Мак-Ги*. Из рук У. Уэлмана по *острову* «получили» астрономы *Генри Притчетт* и *Саймон Ньюкомб**, а также норвежский профессор *Андреас Агад* (на русских картах его имя показано с искажением — *Огорд*). К упомянутым ранее конгрессменам, введенным Уэлманом на карту архипелага, можно добавить сенаторов *Уильяма Вайласа* (на русских картах *мыс Вилласа*) и *Франка Мак-Нульта* (*остров*), американских толстосумов *Чарльза Брайса*, *Лимана Гейджа* (*острова*), *Елену Гульд* (*залив*).

Зимовка экспедиции Уэлмана на мысе Тегеттгоф прошла благополучно. А вот в восьмидесяти километрах севернее, где, охраняя продовольственный склад, жили два норвежца, произошла беда: 2 января 1899 года умер заболевший еще в ноябре *Бернт Бентсен*. Перед смертью он просил не хоронить его, чтобы медведи и песцы не расташили тело. *Пауль Бьеринг* выполнил данное другу обещание и провел с мертвым в тесной снежной хижине два месяца полярной ночи. В память об этой трагедии осталась находящаяся неподалеку *бухта Бентсена*.

Небольшой *остров Луиджи* напоминает о руководителе итальянской экспедиции *Луиджи Амадео де Савойя герцоге Абруцци* или, как его звали в России, *Абруцком*. Во время зимовки он обморозил руки, пришлось ампутировать три пальца. Поэтому предпринятую весной попытку достичь полюса на собаках возглавил его помощник *Умберто Каньи*. В сопровождении *Джузеппе Петигакса*, *Феноллета Фенуайе* и матроса *Канепы* он достиг широты 86°34', на 20 миль побив ре-

* *Пролив Ньюкомба* назван в 1904 г. А. Фиаля в честь участника его экспедиции натуралиста *Гарри Ньюкомба*.

корд Нансена. Однако вспомогательная партия в составе лейтенанта Франко Кверини, машиниста Генриха Стеккена и проводника Феличе Олье пропала без вести на обратном пути к бухте Теплиц.

Хотя экспедиция Абруццкого не сделала никаких открытий, именами погибших ее участников названы *остров Кверини, мысы Стеккена и Олье*. Имена упоминавшихся широтных рекордсменов получили *бухта Каньи, мысы Петигакс и Фенуайе*. В честь врача Ахилла Кавальи Молинелли и проводника Чипрано Савойя названы *мысы*.

В самом начале нашего века к Северному полюсу через Землю Франца-Иосифа одна за другой пытались пройти две американские экспедиции под руководством Эвслина Болдуина и Антони Фиала. Обе они были снаряжены на средства капиталиста Уильяма Циглера. Наживший многие миллионы на производстве кремортартара — винного камня, тогда широко применявшегося в медицине, Циглер под конец жизни решил пожертвовать один из них, чтобы увековечить свое имя в Арктике.

14 июля 1901 года в Тромсе встретились направлявшиеся к Земле Франца-Иосифа вспомогательное судно американской экспедиции «Фритьоф» и первый в мире линейный ледокол «Ермак». Адмирала С. О. Макарова посетил помощник Болдуина У. Чамп (сам начальник экспедиции на основном судне «Америка» по примеру многих своих предшественников начинал поход из Архангельска).

«Чамп расспрашивал меня, — писал Макаров, — о моих намерениях, и я категорически заявил ему, что не имею намерения идти к полюсу. Я полагал, что я делаю любезность Болдвану (Болдуину. — С. П.)... Их толкает вперед желание быть первыми, и для того, чтобы энергия их не ослабевала, надо, чтобы они, действительно, верили, что до них никто там не был. За мою любезность они отплатили мне совсем иным образом...»*

Вернувшись осенью в Норвегию, американцы сообщили газетчикам о том, что Макаров якобы отказался идти к полюсу ввиду поломок «Ермака» во льдах. Но через месяц на ЗФИ они побывали на борту ледокола и могли убедиться, что он вполне исправен. Степан

* С. О. Макаров и завоевание Арктики. Л.; М., 1943, с. 175.

Осипович же очень переживал, ибо газетные сплетни лили воду на мельницу его многочисленных врагов и недоброжелателей, которым вскоре удалось запереть «Ермак» в Балтийском море. Не для участия в спортивных гонках к полюсу готовил адмирал свое детище, а для того, чтобы «удовлетворить самую насущную потребность человека — познать планету, на которой он живет»*.

Заслуги «Ермака» — первого русского судна, побывавшего у берегов Земли Франца-Иосифа, были оценены лишь в советское время, когда назвали *пролив Ермак*, разделяющий острова Чамп, Солсбери, Винер-Нейштадт на севере и остров Хейса на юге, *залив Макарова* на острове Гукера, *мыс Васильева* на острове Винер-Нейштадт в честь первого командира «Ермака» Михаила Петровича Васильева и *мыс Палибина* на острове Южный Хохштеттера в честь участника этого плавания ботаника Ивана Владимировича Палибина, двоюродного брата второго штурмана «Ермака». В 1960 году решением Архангельского облисполкома утверждено название *ледника Ермак* на острове Южный Хохштеттера.

Кстати, имена «Ермака» и его создателя не раз присваивались и на Новой Земле. После двух походов на ЗФИ летом 1901 года ермаковцы вели компасно-фотографическую съемку западного побережья Северного острова, несколько раз высаживались на берег. «После полудня,—записал С. О. Макаров 24 августа,—я проехал на паровом катере в губу Малую Машигину, которая оказалась под ледяным покровом...»** Теперь здесь на карте показаны *бухта Ермак* и *мыс Макарова*.

К юго-востоку от острова Вайгач есть *банка Ермак*. Она обнаружена дедушкой ледокольного флота в 1953 году. А за полвека до того, 30 августа 1905 года, в Югорском Шаре «Ермак» тоже сел на не обозначенную на карте каменистую банку. Лишь через три дня, перегрузив часть грузов и угля на другие суда, в полную воду «Ермаку» удалось сойти с нее. Руководители экспедиции посчитали за благо повернуть ледокол на запад. Первая транспортная экспедиция по проводке 25 судов на Енисей надолго для «Ермака» оставалась

* С. О. Макаров и завоевание Арктики. Л.; М., 1943, с. 182.

** Там же, с. 184.

и последней. Обратно в Арктику он вернулся лишь после революции, в 1934 году...

Не известно, сдержал ли Болдуин после возвращения на родину свое обещание Циглеру никогда не появляться на нью-йоркских улицах, если не достигнет полюса. Наверное, нет, ибо прожил он после этого тридцать два года. Его экспедиция закончилась полным провалом. Даже *мыс Болдуина*, южную оконечность острова Пайера, назвал его последователь А. Фиала. Точно так же, как и *пролив Кука* в честь другого полярного неудачника Фридерика Кука, позже всю жизнь доказывавшего, что он опередил Р. Пири в посещении полюса. *Мыс Чельдсена* А. Фиала именовал в честь капитана «Америки», *мыс Терра-Нова* — по названию другого судна, что в переводе означает «Новая Земля», *остров Чамп* — в честь начальника вспомогательной экспедиции на нем Уильяма Чампа. Конечно, не забыт и основной «благодетель», имя которого носит *остров Циглера*.

А вот в честь кого назван *мыс Диллона*, пока уверенно сказать трудно. Нам кажется, в честь американского политического деятеля Джона Диллона. Официальный справочник допускает, что именем ирландского мореплавателя П. Диллона (1785—1847), который в 1826 году первым обнаружил остатки французской экспедиции Ж. Лаперуза, погибшей в 1788 году. И то и другое — бездоказательно.

Заканчивая обозрение иностранных экспедиций, создавших разноречивую и довольно путаную топонимию Земли Франца-Иосифа, следует вспомнить увековеченные здесь достойные имена мужественных полярных исследователей, хотя и не бывавших на архипелаге: англичан Ричарда *Гамильтона (пролив)*, Уильяма *Мея (остров Мей)*, Эразмуса *Омани (остров)*; американцев Адольфа *Грили (остров)* и Джорджа *Де-Лонга (залив)*, русского адмирала Василия Яковлевича *Чичагова (острова)*, первого полярного аэронавта шведа Соломона *Андрэ* и норвежца Карла *Дауэса (мысы)*.

Еще раз подивимся капризам полярной топонимики, забросившей в этот край имена английских колонизаторов Роберта *Пила*, Сесила *Родса (проливы)*, Роберта *Солсбери (остров)*. Следом за Австро-Венгрией распались здесь города: шотландский *Данди (мыс)*, английские *Итон (остров)* и *Кембридж (пролив)*, прус-

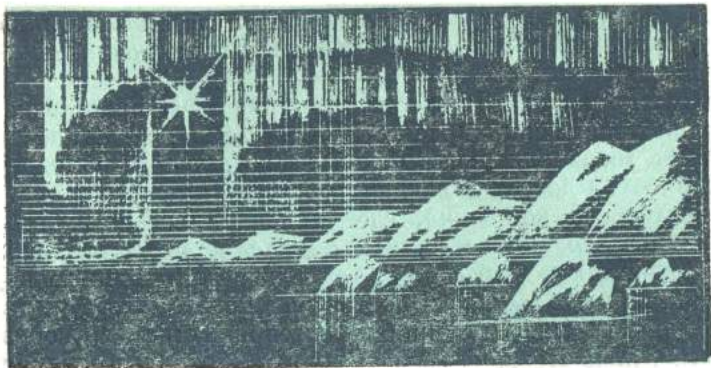
ский *Эссен* (залив) и целые государства — проливы *Американский*, *Британский Канал*, *Итальянский*, мыс *Норвегия*.

С легкой руки Джексона на карту ЗФИ пришли названия учреждений и даже клубов. Мыс *Гюйса* назван в честь госпиталя Гюй (в форме родительного падежа), где работал доктор экспедиции, а мыс *Чадс-Хед* в честь Денстанского колледжа, где учился Джексон. *Остров Королевского Общества*, как он писал, «в честь клуба в Лондоне, который сделал так много для развития науки». Мыс *Гросвенор* «в честь лондонского клуба, который оказал мне так много гостеприимства и любезности». Мыс *Нимрод* — по названию охотничьего клуба. Именем создателя и председателя нью-йоркских Клуба исследователей и Клуба путешественников Генри Уолша Уэлман назвал мыс на острове Трехлучевом.

Все-таки с трудом воспринимаются иностранные названия на русской карте! На двух соседних островах Земле Георга и Земле Александры находятся бухта *Пири* и ледник *Пири*. Покорителя Северного полюса Роберта Эдвина Пири знают все. Но в его честь Джексон именовал ледник, а бухту назвал по имени его жены Джозефины Пири, сопровождавшей полярного исследователя в экспедиции 1891—1892 годов в Гренландию. Видимо, не следовало усекать джексоновское название «бухта Джозефины Пири».

Далеко не каждый догадается, что мыс *Аук* на западе острова Рудольфа означает мыс Гагачий. Так его в 1874 году назвал за птичий базар Ю. Пайер, только по-немецки — «Alken-sar». Англичане перевели его на свой язык — «Auk-sare». А русские картографы, приняв Аук за фамилию, передали его по буквам, транслитировали. Теперь менять это название на «мыс Гагачий» вряд ли стоит, ибо оно давно стало привычным, фигурирует в исторической литературе — ведь именно здесь похоронен Г. Я. Седов.

Первое впечатление, что карта Земли Франца-Иосифа сплошь заполнена иностранными названиями, обманчиво. Русских названий здесь не меньше, но они даны позже и более мелким объектам. Но для имени на карте какое это имеет значение? Ведь человека, стоящего за ним, мы оцениваем по его делам. О русских именователях архипелага мы расскажем в следующих главах.

ЗЕМЛЯ МЕЧТАНИЙ ХУДОЖНИКА БОРИСОВА

17 мая 1973 года было принято предложение Академии наук СССР и постоянной Междугосударственной комиссии по географическим названиям при Главном управлении геодезии и картографии при Совете Министров СССР «о наименовании в честь полярного исследователя — художника А. А. Борисова безымянного полуострова, расположенного в восточной части Северного острова Новой Земли между заливами Чекина и Незнаемый, *полуостровом Борисова*».

Имя Александра Алексеевича Борисова занимает особое место в истории русской культуры и живописи. На стыке нынешнего и прошлого столетий ему довелось открыть перед глазами изумленного мира суровую природу Арктики в искусстве. Уже первые его картины, изображавшие ледяное пустынное безмолвие, смертельную стужу и редкие минуты сказочных красот с их фантастической игрой красок, никого не оставили равнодушным. Они, как лунный камень, будоражили воображение людей: пугали слабых, манили сильных. Всемирный успех выставок художника нельзя равнять с кратковременным, похожим на угар, успехом очередного модернистского выверта. Успех картин Борисова зиждется на достижениях русской реалистической школы живописи, к которой он принадлежал, на прекрасном знании материала, на большой философской мысли художника о давней, смертельной и в его время безысходной схватке человека с могущественной стихией Арктики.

«Крайний Север, с его мрачной, но мощной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекали меня к себе, — писал художник. — Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской губернии» *. В 1894 году еще студентом Борисов в качестве рисовальщика участвовал в поездке министра финансов С. Ю. Витте по Северу России и Норвегии, а в 1896-м с астрономической экспедицией Казанского университета под руководством Д. И. Дубяго впервые побывал на Новой Земле.

В тот год здесь былолюдно. Для наблюдения за солнечным затмением прибыла экспедиция Академии наук под руководством директора Пулковской обсерватории Оскара Андреевича *Баклунда* (на Северном острове в его честь Г. Я. Седовым названа *гора*). Она совершила десятидневную поездку из Малых Кармакул в глубь острова, выполнив при этом комплексные исследования и назвав именами русских астрономов *гору Бредихина* (академик) и *реку Кондратьева* (участник новоземельской экспедиции Геологического комитета 1895 г.), а именами проводников *реки Иглина* и *Ледкова*. Мезенский промышленник Василий Иглин вместе с земляком Николаем Петровым (название реки Петрова на картах не сохранилось) сопровождал научные экспедиции. Ненец Прокопий Ледков давно жил в Малых Кармакулах, причем зимой часто промыслил на восточном побережье, куда добирался всегда по одному и тому же маршруту — по долине реки Домашней. Борисов знал всех этих людей. С тех пор все его помыслы были направлены туда, где, как он говорил, «далеко на Севере, за плавучими льдами протянулась тоненькой полоской Новая Земля — земля моих заветных мечтаний»**.

В свое большое путешествие по Большеземельской тундре и острову Вайгач в 1897 году художник не только написал «два пуда этюдов», но и выполнил много этнографических зарисовок из жизни ненцев. Его прекрасно изданные путевые очерки «У самоедов» полны боли за крайнюю бедность и неустроенность коренных обитателей тундры: «Здесь достаточно иногда одной неде-

* Борисов А. А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Путевые очерки. СПб., 1907, с. 1.

** Там же, с. 88.

ли, чтобы обеспечить себя на целый год, если бы торговцы не эксплуатировали так самоедов, если бы самоеды хоть сколько-нибудь умели сохранять и распоряжаться этим богатым достоянием»*.

В навигацию 1899 года Борисов вновь отправляется на Новую Землю. Он доставляет туда лес для дома и различное снаряжение для будущей большой экспедиции. На только что построенной крошечной яхте «Мечта» он буквально продирается через льды Маточкина Шара на Карскую сторону. И хотя обойти Северный остров в это плавание Борисову не удалось, как не удалось завершить строительство дома, он написал пятьдесят этюдов, собрал коллекции по геологии, естественной истории.

Летом следующего года борисовская «Мечта» повторяет поход в Карское море. С большим трудом она пробилась в мелкобитом льду к заливу Чекина, где выгрузила запасы продовольствия. На обратном пути на широте залива Канкрин судно затерло во льду. Десять дней Борисов с восьмью поморами, составлявшими экипаж «Мечты», пытался вырваться на чистую воду, а затем решил оставить дрейфовавшее на юго-восток и постепенно удалявшееся от берега судно. Еще семь дней участники экспедиции по ломкому подвижному льду пробивались к берегу. Вскоре пришлось бросить шлюпки, кроме крошечной ледянки, большую часть снаряжения и продовольствия, погибли собаки. Все, что удавалось с трудом пройти днем, пропадало ночью, когда в кромешной тьме льдину снова уносило в море. Когда были потеряны все надежды на спасение, льдину с предельно измученными людьми прижало к берегу у реки Саввиной. Здесь, к счастью, оказалась единственная на всем восточном побережье ненецкая промысловая артель, которая и спасла Борисова и его спутников. Ненцы помогли им пересечь Новую Землю и добраться до построенного к этому времени дому в губе Поморской.

Разумные меры по организации зимовки, вплоть до завоза двух коров с запасом прессованного сена, наличие свежего мяса и рыбы позволили Борисову избежать беспощадной цинги. В апреле 1901 года со своим помощником по науке зоологом Т. Е. Тимофеевым и канинским ненцем Устином Канюковым на собачьих упряжках он

* Борисов А. А. У самоедов, с. 70.

снова отправился на Карскую сторону. Здесь в жестокие морозы, нередко ночуя в снегу и питаясь сырой тюлениной, экспедиция совершила большой научный и художественный подвиг. Борисов написал множество этюдов, послуживших темой для его самых лучших картин. Были собраны ценные научные коллекции, а главное — впервые нанесены на карту внутренние части глубоко вдающихся в сушу заливов Медвежий, Незнаемый, Чекина.

Данные борисовских съемок были опубликованы в 1903 году в немецком журнале в небольшой статье участника экспедиции А. М. Филиппова. Многие названия при передаче с русского на немецкий и обратно на русский искажались и даже утрачивались ввиду непонятности. (Давно замечено, что непонятные наименования быстро исчезают с карт или приобретают привычную и простую форму). Пояснений к топонимам, как правило, не было, поэтому, чтобы установить, чьим именем назван тот или иной мыс, залив, пролив, потребовалось досконально изучить сохранившиеся материалы экспедиции и биографии ее участников. Большую помощь при этом нам оказал племянник художника профессор Н. П. Борисов, бережно собирающий все, что связано с Александром Алексеевичем.

Проделанная работа позволила навести на картах этого района порядок. В 1973 году исполком Архангельского областного Совета народных депутатов восстановил утраченные названия. Многие из них позволили выявить не известные до сих пор детали биографии художника.

Именем генерала Андрея Андреевича *Боголюбова*, который заметил необыкновенный талант юного богомаза Соловецкого монастыря и вывез его в Петербург для обучения рисованию, благодарный Борисов назвал южный входной *мыс* залива Медвежий. Боголюбов был большим любителем и знатоком живописи. Он создал в Пензе училище живописи, пожертвовав ему свою богатейшую коллекцию картин, завещал Русскому музею знаменитую коллекцию восточных ковров. Вокруг этого имени в литературе возникло много неточностей: С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» ошибочно назвал фамилию генерала — Гончаров, а И. П. Магидович вообще считал, что мыс Боголюбова именован Циволькой в честь известного русского мариниста А. П. Бого-

любова (1824—1896), не подумав, что последнему в 1835 году было всего одиннадцать лет.

Мыс и гора Кази на северо-западном побережье залива Медвежий носят имя председателя товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства Михаила Ильича Кази, много материально помогавшего Борису в годы его учебы в Академии художеств. С 1876 по 1893 год он был директором Балтийского завода, где создал первую в России школу фабрично-заводского ученичества, затем сопровождал С. Ю. Витте в упоминавшейся поездке на Север, в которой участвовал и Борисов. Имя *Витте* присвоено *леднику* и заливу на севере того же залива Медвежий.

В честь других участников этой поездки директора канцелярии министра финансов Петра Михайловича Романова и промышленника Алексея Ивановича Путилова именованы *бухта Романова* на западе залива Медвежий и *мыс Путилова* на берегу этой бухты. *Мыс Яловецкого* на западном берегу залива Незнаемый, ныне по воле картографов почему-то перекочевавший на восточный берег, назван именем директора Петербургского механического завода (ныне Пролетарского) Болеслава Антоновича Яловецкого. Романов и Путилов также материально поддерживали Борисова во время его учебы, а Яловецкий, кроме того, помогал юноше изучать арифметику, геометрию, физику при поступлении в Академию художеств.

Бухту Гольцовую нынешних карт (эту бухту Борисов принял за пролив и дал ему имя своего судна) соединяет теперь с заливом Незнаемый *пролив Гранта*. И назван он не в честь жюль-верновского капитана Гранта, а по фамилии ничем не примечательного ротмистра пограничной стражи, сопровождавшего Витте в качестве переводчика с норвежского. Как свидетельствует первоначальное название «пролив Грана», эта фамилия тоже искажена картографами.

Мыс Мечты напоминает нам о судне экспедиции Борисова яхте «Мечта», построенном по чертежам русского инженера Фан-дер-Флита в устье речки Колежмы. После успешного плавания к Новой Земле Александр Алексеевич писал в отчете в министерство финансов: «Судно по морским качествам великолепно и, несмотря на то, что в продолжение нашего пути в Белом море и Ледовитом океане погибло более десяти судов, мы, кроме

сильной качки, не испытывали никакой опасности и нередко обходили поморские суда». Через несколько дней после того как «Мечта» была затерта льдом и оставлена экипажем, ее прибило к берегу. Однако посетить яхту не успели, — гонимая ветром и льдом, она навсегда исчезла в арктических просторах.

Многие ученые и общественные деятели того времени весьма сочувственно относились к экспедиции Борисова. Среди них был выдающийся географ, вице-президент и фактический руководитель Русского географического общества, а также большой знаток нидерландской живописи, почетный член Академии художеств Петр Петрович Семенов (с 1906 г. Семенов-Тянь-Шанский). В ноябре 1897 года, делаясь планами предстоящей экспедиции на Новую Землю, художник писал П. П. Семенову: «...Если географическое общество по какому-либо из своих отделов пожелает возложить на меня какую-либо задачу, с которой я в силах справиться, то я готов их исполнить»*. *Бухта Семенова* находится в вершине залива Чекина.

В северной его части есть *залив*, носящий имя Алексея Сергеевича *Ермолова*, управляющего министерством государственных имуществ, частично субсидировавшего экспедицию Борисова.

В залив Незнаемый впадает *река Маркса*. Русским издателем Адольфом Федоровичем Марксом издавались очень популярный в России журнал «Нива», в приложении к которому выходили собрания сочинений многих русских и иностранных писателей-реалистов, и лучший из дореволюционных атласов — «Большой всемирный настольный атлас Маркса». Река Суворина, названная по фамилии другого русского издателя А. С. Суворина, теперь на картах не показывается, зато есть гора на берегу залива Седова, но об этом — позже.

На восточном берегу залива Медвежий Борисов обозначил *мыс Метца* (точнее следовало бы Меца). Михаил Федорович Мец был председателем Русского общества судоходства и издателем-редактором журнала «Русское судоходство», уделявшего большое внимание освоению Северного морского пути.

Бухта Тыртова в заливе Чекина названа по имени

* Мунин А. Александр Борисов. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967, с. 29—30.

управляющего морским министерством в 1896—1903 годах вице-адмирала Павла Петровича Тыртова. Этот офицер ничем не проявил себя в Арктике, разве только тем, что с энергией, достойной лучшего применения, выступал против предложений С. О. Макарова о строительстве «Ермака». А вот гидрографы А. И. Вилькицкий и А. И. Варнек много сделали здесь — о них пойдет речь в следующей главе. С ними художник встречался не только в Архангельске, но и на пароходе «Пахтусов». Это судно, пользуясь картой Борисова, первым в 1901 году посетило внутреннюю часть Медвежьего залива. Оно же доставило экспедицию Борисова на Соловки. Название «пролив Вилькицкого» в заливе Чекина во избежание путаницы при переписке с проливом Вилькицкого между Таймыром и Северной Землей, с карт снято. Но зато остались находящиеся здесь *мысы Вилькицкого и Варнека*.

Неподалеку от них течет *ручей Носилова*. Своего предшественника по исследованию Новой Земли этнографа и беллетриста Константина Дмитриевича Носилова Борисов знал и ценил, часто пользовался его советами. Сибиряк Носилов (он родился в селе Маслянском под Шадринском), как и Борисов, всегда тянулся к знаниям и к Северу. Слушал курс лекций в Сорбонне, зимовал в 1887—1889 годах в Малых Кармакулах и в 1890—1891 годах в Маточкином Шаре, исходил вдоль и поперек весь Ямал, изучая возможность соединения каналом Байдарацкой и Обской губы. В конце прошлого века многочисленные новоземельские очерки Носилова имели большой успех.

С неизменным уважением отзывался Александр Алексеевич о первых русских полярных исследователях: «В голове роились мысли о местах, где когда-то бывали малоизвестные подвижники русского дела: Савва Ложкин, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и проч., проч., и брала досада, что рядом с этими священными для всякого русского именами приходится встречаться на искони русском побережье с именами разных иноземных путешественников, по большей части лишь одушевленных корыстными чувствами»*.

Нам долго не удавалось установить происхождение данных экспедицией Борисова названий *ледников Рейн-*

* Борисов А. А. У самоедов. с. 5.

гарда и *Ярошевского*, что находятся на берегах бухты Романова. Людей с такими фамилиями на жизненном пути Борисова не встречалось. Решение пришло лишь тогда, когда вспомнили, что большую часть съемок новоземельских берегов выполнил помощник Борисова зоолог Харьковского университета Тимофей Ефимович Тимофеев, человек бесспорно талантливый и интересный. Сын крестьянина, он, как и два его младших брата, с золотой медалью окончил гимназию, поступил в Харьковский университет, успешно закончил его и был оставлен «для приготовления к профессорскому званию». Однако министерство просвещения, учитывая низкое происхождение Тимофеева и участие в политической жизни университета, ему в этом отказало. Тимофей Ефимович вынужден был преподавать в Харьковском коммерческом училище, а в свободное время работал по зоологии в зоотомическом кабинете университета у профессора Владимира Владимировича Рейнгарда (1852—1912), который принимал большое участие в судьбе своего ученика. Тимофеев также состоял членом-сотрудником Общества испытателей природы при Харьковском университете, по поручению которого ездил в 1898 году на Севастопольскую биологическую станцию, а летом следующего года производил зоологические исследования в горле Белого моря у Орловского маяка. Секретарем общества состоял лаборант того же зоотомического кабинета Харьковского университета и фактический его создатель Василий Алексеевич Ярошевский, человек исключительно скромный, фанатично преданный науке и равнодушный к званиям и должностям. Кстати, по возвращении из борисовской экспедиции на Новую Землю Тимофеев работал на должности вскоре умершего Ярошевского.

Именами этих близких Тимофееву людей и были названы ледники. И еще один *ледник* между заливами Чекина и Незнаемый носит имя профессора того же Харьковского университета — известного геоботаника и географа Андрея Николаевича *Краснова*, который с 1889 года возглавлял вновь открывшуюся кафедру физической географии.

Следует сказать, что помощник Борисова Т. Е. Тимофеев во время экспедиции не получал никакого вознаграждения и, вернувшись из экспедиции, оказался в тяжелых материальных условиях, так как его место пре-

подавателя в Харьковском коммерческом училище оказалось занятым, кроме того, вследствие тяжелой болезни отца на его плечи легли заботы о семье.

С большим трудом с помощью Борисова Тимофееву удалось выхлопотать на время обработки собранных экспедицией материалов крохотное пособие. Тимофей Ефимович был активным участником общественно-политического движения на Украине, с 1898 года состоял членом РСДРП и после первой русской революции вынужден был эмигрировать, спасаясь от полицейских ищеек. В Россию он вернулся в 1915 году тяжело больным. При Советской власти Тимофеев был деканом физико-математического факультета Екатеринославского университета и возглавлял кафедру зоологии в медицинском институте. Умер он в марте 1922 года. Мы так подробно останавливаемся на судьбе помощника Борисова потому, что при описаниях новоземельских экспедиций художник по политическим мотивам не мог говорить о Тимофееве, и имя его было забыто. Сам же Александр Алексеевич был высокого мнения о своих просвещенных спутниках: их именами он назвал на берегу залива Медвежий *гору Тимофеева и реку Филиппова*.

Химик Петербургского университета Александр Михайлович Филиппов в экспедиции Борисова выполнял обязанности гидролога, до этого участвовал в экспедиции Книповича в Баренцевом море. Он умер в 1908 году на тридцать седьмом году жизни, но, несмотря на столь короткую жизнь, оставил после себя большое количество трудов по истории освоения Арктики. Гидрографы позднее именем Филиппова называли еще и пролив в Шараповых кошках у западного побережья Ямала.

Есть на картах Борисова и имена художников. Для непосвященных, возможно, названия *мысы Крамского, Куинджи, Шишкина, Репина, Васнецова* звучат несколько необычно. Но вот что писал известный писатель и путешественник И. С. Соколов-Микитов, плававший у берегов Новой Земли в начале тридцатых годов: «Картины художника Борисова, посвятившего свою жизнь и талант изображению новоземельского пейзажа, хорошо показывают необычайную воздушную чистоту линий новоземельских гор и берегов. Этот художник, увлекшийся красотой далекого Севера, много лет провел на берегах Новой Земли. Памятью его пребывания остались названия гор и ледников, которыми он окрестил приле-

гающие к Маточкину Шару снежные сияющие вершины. Так, на карте, разложенной в капитанской рубке, мы прочли имена почти всех великих русских художников»*.

Их имена здесь не случайны, ведь именно они в конечном счете привели ищущего художника-первопроходца в этот суровый край. Иден И. Н. Крамского, создателя Товарищества передвижников, объединившего русских демократических художников-реалистов, всегда были близки Борису, хотя сам он не состоял членом товарищества. «У Шишкина, — писал профессор А. И. Яцимирский о Борисове, — он учился строгому и настойчивому рисунку и глубоко честному и добросовестному отношению к делу, многое даже копировал с его этюдов»**. После ухода профессора Шишкина в октябре 1895 года из Академии художеств его ученики перешли в мастерскую А. И. Куинджи, который, по словам того же Яцимирского, много дал Борису «в области колорита и внутреннего содержания картин».

Е. И. Репин и В. М. Васнецов еще по первым студенческим работам заметили и высоко оценили талант Борисова. «Это все превосходные и верные, как зеркало, картинки, строго нарисованные и необыкновенно правдиво написанные, — отзывался о них Репин. — В них ярко выразилась любовь этого русского Нансена к черной воде океана, с белыми льдинами, свежесть и глубина северных тонов, то мрачных, то озаренных резким светом низкого солнца. Горы, наполовину покрытые снегом во время самого жаркого лета, берега, дали, лодки, самоеды в оленьих шкурах и проч. предметы — все это дышит у него особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой правды»***.

После такой высокой оценки произведений живописца создатель московской художественной галереи П. М. Третьяков в 1896 году приобрел 66 этюдов и картин Борисова. Кстати, в первое же после этого посещение Новой Земли в 1899 году Александр Алексеевич называл ледники на берегах Маточкина Шара именами

* Соколов-Микитов Н. С. Белые берега. Архангельск, 1936, с. 201.

** Яцимирский А. И. Художник Крайнего Севера. — Вестник знаний, 1903, № 6, с. 90.

*** Репин И. Е. Воспоминания, статьи и письма из-за границы. Под редакцией Н. Б. Северовой. СПб., 1901, с. 252.

Третьякова и Васнецова. Это были первые его названия на Новой Земле.

На берегу залива Незнаемый по воле Борисова в 1901 году появился *мыс Верещагина* в честь русского художника-баталиста и путешественника, который также очень высоко ценил творчество Александра Алексеевича. В заливе Медвежий соседствуют *мыс* и *река Толстого* — в честь вице-президента Академии художеств, известного нумизмата и археолога Ивана Ивановича Толстого. Последний активно участвовал в выработке нового устава Академии художеств и в прогрессивном ее преобразовании. К нему Борисов неоднократно обращался по многим вопросам, правда, не всегда получал помощь. Так, Толстой отказался предоставить ему мастерскую после возвращения из экспедиции 1901 года. В. М. Васнецов по этому поводу писал Толстому: «...мы с лаврами, тостами и пресыщенным многоречием встречаем чужих Нансенов, а своим мы показываем спину и малодушно подхихикиваем...»*

Борисов много работал над проектами транспортного и экономического освоения Севера. Он был первым директором открытого по его настоянию в первые годы после Великого Октября северного санатория Солониха. Группа видных деятелей советского искусства и культуры писала в 1934 году в некрологе, посвященном памяти А. А. Борисова: «Это советский художник, заставлявший свое искусство служить делу изучения и освоения новых земель нашего необозримого социалистического отечества; это советский художник по своему художественному языку, и у него есть чему поучиться нашим молодым художникам, главным образом полярникам»**.

Обычно имена деятелей искусства и культуры редко появляются на картах полярных стран. На карте ЗФИ, например, всего два случая: *скала Рубини*, названная Джексоном в честь «короля теноров» итальянца Джованни Рубини, и *гора Чурляниса*, именованная Н. В. Пинегиным в честь литовского художника и композитора Микалоюса Константиноаса Чюрлёниса. Так что Новой Земле повезло больше.

* Борисов Н. П. Художник вечных льдов. Л.: Художник РСФСР, 1983, с. 153—154.

** Александр Алексеевич Борисов, 1866—1934. — Творчество, 1934, № 12, с. 15.

УЧИТЕЛЯ И СОРАТНИКИ СЕДОВА

Залив Гидрографов есть как на Новой Земле, так и на Земле Франца-Иосифа. Но появились эти названия только в наши дни, в пятидесятые годы.

Организационное оформление русская гидрография получила еще 13 октября 1827 года, когда в составе Главного морского штаба, заменившего Адмиралтейств-коллегию и Адмиралтейский департамент, было создано Управление генерал-гидрографа. Но единственным гидрографом, если судить по названию, в этом управлении был сам генерал-гидрограф вице-адмирал Г. А. Сарычев, кстати, и единственный человек в русском флоте, занимавший эту должность. Управление генерал-гидрографа шесть лет до преобразования в Гидрографический департамент морского министерства после смерти Сарычева оставалось даже без руководителя, обязанности его взял на себя начальник Главного морского штаба.

В 1885 году Гидрографический департамент сменило Главное гидрографическое управление (ГГУ). И по-прежнему в гидрографии не было гидрографов. Гидрографические работы выполняли штурмана, офицеры созданного в 1827 году корпуса флотских штурманов. Лишь в 1912 году был образован корпус гидрографов. К этому времени получило хождение ученое звание гидрограф-геодезист, для получения которого требовалась двухлетняя учеба в Морской академии и защита специальной диссертации.

Теперь в гидрографии работают гидрографы — инженеры, техники. Но странное дело, в названии главного гидрографического учреждения страны — Главного управления навигации и океанографии, преемника ГГУ, — слово «гидрография» вообще исчезло, уступив место «океанографии». Не везет русским гидрографам с наименованием их профессии.

Простое емкое слово «гидрограф» то возносится до генеральско-профессорских высот, то низвергается до названия графика расхода воды или до полного истребления. Конечно, суть гидрографических работ от этого не меняется — и Беринг, и Пахтусов были гидрографами, хотя так не назывались. Но непосвященному человеку и запутаться недолго...

В 1898 году была создана Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (г/э СЛО), базировавшаяся в Архангельске. По сути, экспедиция уже работала по обследованию Обь-Енисейского района в 1894—1896 годах, правда, под другим названием. Теперь она была усилена и развернула работу в Баренцевом море. Шесть лет экспедицией командовал Андрей Ипполитович Вилькицкий. Его имя, помимо названного Борисовым мыса на восточном побережье, носят *мыс, залив и ледник Вилькицкого* на западе Северного острова Новой Земли.

Вся жизнь этого человека безраздельно отдана гидрографии. После окончания Морского корпуса и академии, трехлетней стажировки по практической астрономии в Пулковской обсерватории перед ним открывалась широкая перспектива преподавательской деятельности. Но он не мыслил жизни без работы в море. Балтика, Онежское озеро, а затем на долгие годы Арктика стали его рабочим кабинетом. С 1907 года он был руководителем ГГУ. Вилькицкий, как никто до него, понимал задачи отечественной гидрографии и очень много сделал для ее развития. Можно сказать, он сгорел на работе.

Ученик и соратник А. И. Вилькицкого гидрограф Константин Павлович Мордовин (его имя носит *остров Мордовина* в Карских Воротах) писал в своих воспоминаниях: «Последний раз Андрей Ипполитович был в Управлении и даже присутствовал на докладе Адмиралтейств-Совету 6-го февраля, и тогда же взял отпуск по болезни на 3 недели. И этот последний его расчет, как

всегда, оказался точным — ровно через 3 недели мы прочли объявление о его кончине»*.

В 1899 и 1902 годах г/э СЛО командовал Александр Иванович Варнек (1858—1930). Его имя носит очень популярная у моряков *бухта Варнека*, на берегу которой находится основное поселение острова Вайгач. Благодаря стараниям А. И. Варнека на картах этих мест появились названия в честь русских гидрографов, утвержденные Русским географическим обществом осенью 1902 года.

Острова Михайлова названы именем начальника Главного гидрографического управления генерал-лейтенанта Константина Ивановича Михайлова, при котором началось техническое перевооружение картографическо-издательской деятельности управления. Непосредственное участие в этом процессе принимал заведующий фотометаллотипными мастерскими Алексей Владимирович Янов. Название же *острова Янова* в Карских Воротах появилось в 1902 году, когда лейтенант Янов исполнял обязанности старшего офицера гидрографического судна «Пахтусов».

Дань уважения отдали гидрографы и еще одному сотруднику ГГУ, занимавшему на первый взгляд скромную должность библиотекаря Морского министерства, именовав в его честь *остров Шокальского* в проливе Карские Ворота. «Параллельно с работой в библиотеке, — писал о Юлие Михайловиче Шокальском позже занимавший эту же должность И. К. Тихомиров, — у него шла напряженная работа в Географическом обществе, преподавание в морском училище, заведование сводом нивелировок железных дорог, выполнялась огромная личная научная работа, был совершен целый ряд научных командировок — внутри России и заграничных»**. К тому времени, когда в 1913 году на Северном острове Новой Земли появится еще *ледник Шокальского*, он будет профессором, генералом, начальником гидрометеорологической части ГГУ, авторитетом в области океанографии и полярных исследований с мировым именем. И это при всем том, что Юлию Михайловичу так и не удалось побывать за Полярным кругом.

Полуостров Сергеева на острове Вайгач назван по

* Записки по гидрографии, вып. 36, 1913, с. XXXVII.

** Памяти Ю. М. Шокальского. М.: Л., 1946, с. 231.

имени Ивана Семеновича Сергеева. Этот офицер, как говорится, с неба звезд не хватал, но исправно день за днем, год за годом делал скромное и тяжелое дело полярного гидрографа. После работы в гидрографической экспедиции СЛО Сергеев возглавлял съемки на Мурманском берегу и в Белом море, в 1910 году стал начальником г/э СЛО на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач». Молодые офицеры недолюбливали его за чрезмерную осторожность, вспоминали, что он с гордостью говаривал: «Там, где Сергеев пройдет, там каждый пройдет». А ведь такое качество в опасной работе гидрографа, если оно не мешает делу и скорости его исполнения, пожалуй, и недостатком-то не назовешь. Накануне больших географических открытий 1913 года генерал-майора Сергеева в Беринговом море разбил паралич, и его пришлось срочно заменить командиру «Таймыра» сыну А. И. Вилькицкого — Борису Андреевичу Вилькицкому.

В честь гидрографов, снимавших эти места в Карском море, экспедиция 1902 года назвала *острова Козлянинова и Бровцына*. Леонид Лаврович Козлянинов вскоре заболел, вынужден был уйти с флота и в 1911 году умер. А Павел Алексеевич Бровцын еще долго работал в гидрографии и преподавал эту дисциплину в советское время. Дольше всех — почти шестнадцать лет — в г/э СЛО проработал врач, он же гидролог, Александр Михайлович Полилов. Его имя носит *остров Полилова* в группе островов Михайлова.

Название *бухта Парохода «Пахтусов»* помещено на карте северной части губы Дыровой. Этот транспорт водоизмещением 1100 тонн английской постройки 1898 года был специально приобретен для г/э СЛО, но в малой степени соответствовал требованиям, которые к этому времени были четко сформулированы А. И. Варнеком для гидрографического судна*. Пароход мог взять 480 тонн угля на 77 суток экономичного хода, что соответствовало 15554 милям плавания. Однако команда в пятьдесят человек была явно великовата, к тому же судно не было приспособлено для работы даже в мелкобитом льду.

Именем штурманского офицера и ревизора парохода «Пахтусов» Владимира Владимировича *Дьяконова* назван *мыс* в бухте Варнека. *Остров Новосильцева* в

* ЦГАВМФ, ф. 421, оп. 35, л. 21.

Карских Воротах носит имя лейтенанта Алексея Николаевича Новосильцева, в свои двадцать с небольшим лет успевшего выполнить большие гидрографические работы на Балтике, в Печорском заливе, Маточкином Шаре. Оба они стали жертвами Цусимского сражения. Новосильцев погиб вместе с броненосцем «Князь Суворов», Дьяконов умер от ран в японском плену. Служил он на крейсере «Светлана». После того как в ходе неравного многочасового боя судно пошло ко дну, Владимир Владимирович с оторванной левой рукой оказался в воде. Вот как описывает этот момент А. С. Новиков-Прибой в романе «Цусима»: «Несколько человек из рулевых и сигнальщиков бросились к своему непосредственному начальнику — штурману Дьяконову. Это был идеал моряка, преданного морскому делу, и любимец всей команды. Они не могли примириться с тем, чтобы этот человек остался на тонущем корабле. Несмотря на его протесты, он был обвязан пробочным матрацем и спущен за борт. Плавая, они и на воде не покидали его».

Вместе с перечисленными выше названиями у острова Вайгач в губе Дыроватой появились *бухта* и *остров Седова*, названные в честь выполнявшего здесь в августе 1902 года вместе со штабс-капитаном Н. В. Морозовым (его имя носит *остров Морозова* в Карских Воротах) мензульную съемку поручика Георгия Яковлевича Седова. Начальник г/э СЛО капитан 2 ранга А. И. Варнек писал о нем: «Всегда, когда надо было найти кого-нибудь для исполнения трудного и ответственного дела, сопряженного иногда с немалой опасностью среди полярных льдов, мой выбор падал на него, и он исполнял эти поручения с полной энергией, необходимой осторожностью и знанием дела»*.

Об этом человеке, национальном герое России, можно было бы подробно не рассказывать, о нем написаны десятки книг, тысячи статей. Но под ракурсом его основной специальности — гидрографа, дававшего названия полярным объектам, его, кажется, не рассматривали. А Седов после Пахтусова был, пожалуй, самым результативным именователем Новой Земли...

С началом русско-японской войны Георгий Яковлевич Седов, как Дьяконов и Новосильцев, оставил гидрографические работы на Севере и добровольно отпра-

* Новое время, 1912, 20 марта.

вился на театр военных действий. Но судьба оказалась милостивой к нему. После войны ему пришлось работать в гидрографической экспедиции Каспийского моря под начальством Федора Кирилловича *Дриженко*, чьим именем через пять лет он назовет новоземельский *мыс*.

Гидрограф-геодезист Дриженко был на девятнадцать лет старше Седова. Он руководил г/э СЛО в 1903 и 1904 годах, потом возглавлял отдельную съемку Белого моря и Мурманского берега. Четыре года был правой рукой А. И. Вилькицкого на посту помощника начальника ГГУ, имел звание генерал-лейтенанта. До самой смерти в 1922 году он работал в Комсеверопути и руководил гидрографическими исследованиями сибирских рек и морей.

1909 год Седов провел на Колыме, где возглавлял гидрографическую экспедицию по обследованию устья великой сибирской реки. А на следующий год по просьбе архангельского губернатора его командировали для гидрографического обследования губы Крестовой на Новой Земле. Немногочисленная партия вышла из Архангельска на рейсовом пароходе 8 июля 1910 года. За два месяца Седов определил астропункт, измерил базис, выполнил топоъемку, промер и многочисленные гидрометеорологические наблюдения.

Памятью об этой небольшой экспедиции на карте губы Крестовой остался *рейд Бакан* — по имени посыльного транспорта, который в 1896 году пришел на смену знакомому нам старому «Бакану». Седов видел здесь это судно. *Полуостров* и *мыс Клочковский* в губе Митюшиха названы в честь его командира в 1912 году. О встрече с Седовым в губе Крестовой нам приходилось слышать от старейшего гидрографа Н. И. Евгенова, который на «Бакане» в тот год впервые побывал в Арктике. «Встреча была непродолжительной, — рассказывал Евгений, — но запомнились слова Седова: «На Севере столько интересных дорог, что не знаешь, по которой идти».

Но Седов уже вынашивал в душе дорогу, ставшую главной в его жизни. Меньше чем через два года он был на пути к Северному полюсу. На месте первой своей зимовки на Новой Земле он назвал *мыс Обсерватория* и *бухту Фока*. «Св. мученик Фока» — старый деревянный барк, построенный в 1870 году в Норвегии, где носил название «Гейзер». Он принадлежал к типу ис-

пытанных во льдах парусно-паровых судов. В 1898 году его купили для промысла мезенские промышленники Юрьевы, однако вскоре за долги передали Комитету помощи поморам Русского Севера. На нем Нестор Александрович Смирнов (его имя носит *мыс Нестора Смирнова*) выполнил в 1902 году важные обследования русских зверобойных промыслов. Приобрести его Седов посоветовал старый архангельский капитан Максим Осипович Лоушкин (его именем благодарный Седов назвал *мыс Лоушкина*, находящийся недалеко от Русской Гавани).

Во время зимовки Георгий Яковлевич развернул большие гидрографические работы. «Если бы даже Седову не удалось достичь Земли Франца-Иосифа, — говорил на экстренном заседании «Седовского комитета» в связи с получением новоземельского отчета Фритьоф Хансен, — то и в таком случае собранный им научный материал достаточен, чтобы считать результаты экспедиции очень и очень полезными»*.

Уже через две недели после постановки судна на вынужденную зимовку В. Ю. Визе, М. А. Павлов и матрос Шестаков отправились в первый санный поход к полуострову Адмиралтейства. В декабре Седов с Линником и Томиссаром предприняли тяжелый поход к мысу Литке.

Весной 1913 года Визе и Павлов с двумя матросами пересекли Новую Землю. Во время этого похода едва не погиб, провалившись в трещину на леднике, геолог Михаил Алексеевич Павлов, скромный и трудолюбивый человек, пользовавшийся неизменной любовью окружающих. Помимо седовских названий Новой Земли *ледник, гора и мыс Павлова* в 1963 году на Земле Франца-Иосифа появилось также *озеро* его имени.

На карте, составленной в переходе Визе и Павлова, появились *ледник Кропоткина* и *залив Власьева* на восточном побережье. С архангельским капитаном Б. Г. Власьевым В. Ю. Визе связывала давняя дружба. В письме к нему, отправленном со «Св. Фоки» летом 1913 года с группой больных во главе с капитаном Николаем Петровичем Захаровым (его именем Седов назвал *мыс Захарова*), Визе так характеризовал своего начальника: «...Георгий Яковлевич, пожалуй, самый симпатичный

* Новое время, 1913, 18 окт.

человек на судне. Он беззаветно смел, очень искренен и задушевен, полон сил, энергии и бодрости. Всякое дело, будь то серьезное или пустяк, он делает с огромным энтузиазмом, отдается ему всей душой. Если он работает — он весь уходит в работу, если веселится — то веселится больше и искреннее всех»*.

В честь Владимира Юльевича *Визе* и его друга Николая Васильевича *Пинегина* Седов назвал два мыса и два ледника на западном побережье. Эти имена мы еще не раз встретим в последующих главах, рассказывающих о советском периоде освоения Арктики. Благодаря этим людям Седов стал для нас тем, кого мы знаем сегодня.

Особенно продуктивным оказался санный поход Седова и матроса А. Инютина вдоль северных берегов Новой Земли до мыса Флиссингского весной же 1913 года. Он был полон опасностей, лишений, трагических происшествий. Но Седов остался доволен тем, что, по его словам, «сделаны некоторые открытия — несогласия с существующими картами, и нам, участникам первой русской экспедиции к Северному полюсу, таким образом, достался счастливый жребий внести исправления в существующую веками неверную карту Новой Земли»**.

На карте Новой Земли появилось шесть десятков новых имен. Прежде всего это предшественники Седова по изучению этого района и его наставники-гидрографы — о них мы рассказали. *Гора Толля* и *ледник Бунге* названы в честь полярных исследователей, опыт которых Седов широко использовал.

Врач и зоолог Александр Александрович Бунге зимовал на одной из первых русских полярных станций в устье Лены, вместе с геологом Эдуардом Васильевичем Толлем исходил всю Полярную Якутию, бывал на Чукотке. Вот что он сказал весной 1912 года в газетном интервью: «Некоторое время назад, когда я прочитал заметку об экспедиции лейтенанта Седова к Северному полюсу, я отнесся к этой экспедиции отрицательно. Но после того, как я увидел лейтенанта Седова и говорил с ним лично, я пришел к совершенно обратным заключениям. Я увидел в лейтенанте Седове человека, вполне

* Советская Арктика, 1939, № 3, с. 88.

** Архив Академии наук СССР, ф. 75, оп. 6, д. 3.

подготовленного к подобного рода экспедициям и практически и теоретически знающего полярные страны...»*

Имена многих известных русских ученых увековечены на седовской карте в названиях Северного острова Новой Земли: *ледники Анучина, Броунова, Воейкова, Иностранцева, Рыкачева, Чернышева; горы Ломоносова, Менделеева.*

Вспоминаются слова последнего приказа Седова, написанного в день выхода его с судна к Северному полюсу: «Итак, сегодняшний день мы выступаем к полюсу; это — событие и для нас, и для нашей родины. Об этом дне мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту...»**

Не с именами царствующих и титулованных особ шел на подвиг Седов. Из них на карту попал лишь цесаревич Алексей, залив имени которого уже в советское время был переименован в *залив Борзова* в честь советского географа. Вызывает большое сомнение бездоказательное утверждение о том, что находящаяся неподалеку *бухта Ксении* «названа, по-видимому, именем сестры царя Николая II Ксении Александровны (1875—1933)»***. Заметим, что год смерти последней—1960, а главное, такое предположение не имеет под собой никакой почвы. Дело в том, что Седов в свою последнюю экспедицию женскими именами назвал много объектов: *ледник Таисия, бухта Алевтина, мыс Елизаветы* — на Новой Земле, *ледник Меланьи* — на ЗФИ. Таких имен в царствующем доме не было. Даты дней одноименных святых не подходят. Несомненно, это имена женщин, дорогих участникам экспедиции. Так, *бухта* и *ледник Веры* названы по имени жены Седова Веры Валерьяновны (1878—1962), а *мыс* и *бухта Клавдия* — по имени жены П. Г. Кушакова Клавдии Яковлевны. В записках Кушакова за 30 сентября 1912 года есть такая запись: «В 11 часов утра меня позвал в свою каюту Седов и сказал, что сегодня не мешало бы выпить как следует, так как сегодня 17 (по старому стилю. — С. П.), день Софии, Веры, Надежды и Любви: жена его именинница, а также, по всей вероятности, у каждого из нас найдут-

* Нагорный С. Седов. М.: Молодая гвардия, 1939, с. 99.

** Архив Академии наук СССР, ф. 75, оп. 6, д. 3.

*** Справочник..., с. 145.

ся родственницы, носящие эти имена, а посему, как это водится на родине, можно провести настоящий день в веселии, за дружеской беседой» *.

Седов не только очень уважительно относился к женщине, но и написал работу «Право женщин на море», где ратовал за: «1) поощрение женщин в морском специальном образовании наравне с мужчинами, 2) допущение свободного пребывания их на торговых кораблях и 3) признание за ними права на командование морскими судами» **.

На картах Северного острова представлены члены «Седовского комитета», способствовавшие снаряжению экспедиции: гофмейстер П. Н. *Балашов (мыс)*, журналист М. М. *Иванов (залив)*, Н. К. *Гюббенет (мыс)*, В. Н. *Серебрянников (мыс)*, Б. *Потоцкий (гора)*, В. В. *Шульгин (гора)*. Вряд ли дошло бы до нас имя инженера-путейца Сергея Николаевича Чаева, если бы он не оказался одним из наиболее щедрых жертвователей на экспедицию Седова и тот не назвал бы его именем *ледник* и *залив Чаева* на западном побережье острова.

При входе в залив Иностранцева Седов поместил название *мыс Кушакова*. Вот как пишет о враче-бактериологе экспедиции Павле Григорьевиче Кушакове биограф Седова С. Г. Нагорный: «Ветеринар по образованию, невежда во всех других областях знания и черносотенец по политическим убеждениям... Положением врача его честолюбие не удовлетворяется. В нем более шести пудов веса, он очень вынослив, и энергии в нем на троих. Он злой, мелочный и завистливый человек, поэтому его неутомимая деятельность вызывает в людях только раздражение и в конце концов приносит вред» ***. С этим мнением полностью были согласны Визе и Пинегин.

Седову, похоже, тоже не очень нравился этот человек, но он уважительно относился к его энергии и настойчивости. Именно Кушакову, уходя на полюс, он доверил руководство экспедицией. При возвращении «Св. Фоки» этот ветеринар с остервенением по ночам изучал по описанию устройство машины, а потом стоял вах-

* Кушаков П. Г. Два года во льдах.—Записки по гидрографии, т. 48, вып. 1, 1919, с. 17.

** Седов Г. Я. Право женщин на море. СПб., 1908, с. 5.

*** Нагорный С. Седов, с. 159.

ты, заменяя умершего механика. И позже, в 1916 году, он проявил большую энергию и предприимчивость при открытии радиостанции на Диксоне. Но чего стоят эти качества, когда они направлены против собственного народа? В трудное для родины время он оставил ее, став эмигрантом.

Седова окружало немало наших будущих политических противников. Правильно, на наш взгляд, пишет С. Г. Нагорный: «Нет ничего удивительного в том, что Седов доверился нововременцам: для него существовала тогда лишь одна идея — идея русской экспедиции на полюс, и он не мог пренебречь союзниками, а главное — он очень плохо разбирался в политике и интересовался ею слишком мало» *.

Вообще судить о людях по одному поступку, даже по одному периоду жизни, трудно. Так, вгорячах написанная Седовым в письме к жене фраза о Н. М. Сахарове «Штурман — неважный, как-то уже успел стащить спирт, напиться и пырнуть ножом матроса...» дала основание тому же Нагорному заявить категорически: «Сахаров — алкоголик» **. Вот уж поистине «плевок не перехватишь, слова не воротишь».

Потом Седов был очень доволен своим исполнительным и выносливым штурманом и в его честь назвал *мыс Сахарова*. Уроженец Онеги, Николай Максимович сорок один год из своей пятидесятишестилетней жизни проплавал на морских судах. Он командовал старым пароходом «Енисей», который погиб во время Первой Карской экспедиции 1921 года. В советское время Сахаров считался одним из лучших капитанов в Северном морском пароходстве, был удостоен звания Героя Труда. В очерках по истории флота Северного ордена Ленина морского пароходства 1920—1970 годов о нем сказано: «Немало имен скромных тружеников моря хранит история северного мореплавания. Их отличает мужественная любовь к своему суровому краю, неизлечимая тяга в неисследованные широты, чисто северное упорство в достижении цели. Этими качествами в полной мере обладал Николай Максимович Сахаров, один из

* Нагорный С. Г. Георгий Седов. М.: Географгиз, 1950, с. 72.

** Нагорный С. Седов, с. 124.

первых капитанов Северного морского пароходства. Он нес нелегкую морскую службу до 1927 года»*.

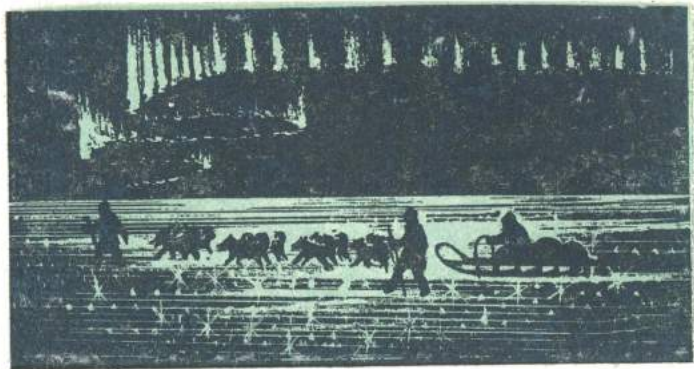
Камни Братья Зандер в Архангельской губе Седов назвал в честь механиков «Св. Фоки» Иоганна (его обычно звали Иваном) и Мартына Зандеров. Старшего механика Ивана Андреевича Зандера наняли перед самым отходом из Архангельска. Он даже экипироваться по-арктическому не успел и пришел на судно в одном пиджаке, в котором его, умершего от цинги, и похоронили в марте 1914 года на ЗФИ (*ледниковый купол Зандера* на Земле Георга картографы называли уже в наши дни). Младшего, Мартына Андреевича, Седов отправил в Архангельск с первой зимовки. Но было поздно. Цинга настигла его уже дома.

Во время второй зимовки на ЗФИ в бухте, которую Седов назвал *Тихая*, экспедиция выполнила значительные магнитные, гляциологические, геологические наблюдения. Визе произвел инструментальную, опирающуюся на три астрономических пункта съемку островов Гукера, Ли-Смита, Королевского Общества, Альджер. Один из небольших островков около острова Скотт-Келти он назвал *островом Мертвого Тюленя*.

Имя самого Седова увековечено в семнадцати географических объектах мира. На Земле Франца-Иосифа это *мыс Седова*, где находится его астропunkt и могила И. А. Зандера, и *ледник Седова*, названный им ледником Пузо. На Северном острове Новой Земли — *пик Седова* на берегу Маточкина Шара, *залив Седова* на восточном побережье и залив на западном побережье. Кстати, последний Седов назвал в честь М. А. Суворина губой Суворина. Как писал в рапорте в ГГУН В. Пинегин, «в 1914 г. вернувшиеся участники экспедиции постановили залив переименовать, считая более достойным называть этот залив — *заливом Седова*»**.

* Дорога в океан. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1970, с. 22—23.

** ЦГАВМФ, ф. Р-739, оп. 1, д. 17, л. 1.

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

Хоть и назвал Г. Я. Седов на Новой Земле в честь Александра Степановича *Попова ледник*, его изобретения — радио не было ни у Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова, ни у самого Седова. Поэтому о судьбе всех трех экспедиций, отправившихся в 1912 году в Арктику, долго никто ничего не знал. Летом следующего года стало известно, что Седов, перезимовав у Новой Земли, направился на ЗФИ. И снова безвестность. Лишь осенью 1914-го, когда пламя первой мировой полыхало над планетой, «Св. Фока» вернулся в Архангельск. На его борту были два участника экспедиции Г. Л. Брусилова — штурман В. И. Альбанов и матрос А. Э. Конрад.

Оказалось, что брусиловская баркентина «Св. Анна», попав в ледовый плен у берегов Ямала, была дрейфом вынесена в Центральный Полярный бассейн. Кстати, открытое во время этого дрейфа подводное углубление позже получило название *желоб Св. Анна*. Любопытно, что на северо-западе Новой Земли есть *залив Анны*, названный еще Баренцем в честь святой Анны. А северный входной мыс этого залива — *мыс Анна*, как гласит постановление Архангельского облисполкома от 13 октября 1958 года, именован в честь судна экспедиции Брусилова. Обычно одноименные географические названия близлежащих объектов возникают одно от другого, с одинаковым смыслом. Так, видимо, произошло и в этом случае: от названия залива возникло название мыса. Но готовившие постановление об утверж-

дении названия решили «для солидности» добавить о судне Брусилова. В самом деле, не писать же в постановлении советского директивного органа, что мыс назван в честь какой-то святой?

Но вернемся на «Св. Анну». За две полярные ночи на ее борту многие переболели цингой. Как следствие этого из-за повышенной нервной возбудимости между начальником экспедиции и штурманом сложились настолько напряженные отношения, что Брусилов отстранил Альбанова от занимаемой должности. Когда, не желая быть пассажиром, Альбанов попросил разрешения уйти по дрейфующим льдам к ближайшей Земле Франца-Иосифа, Брусилов разрешил всем желающим идти с ним. 23 апреля 1914 года четырнадцать человек с семью каяками, установленными на нарты, оставили судно и направились на юг. В сорока верстах от судна три матроса повернули назад, не выдержав физических нагрузок. Остальные с большим трудом и лишениями через два с половиной месяца достигли западного побережья острова Земля Александры. На этом тяжелейшем многосоткилометровом пути погиб, заблудившись в тумане, лишь один матрос.

Зато на более коротком и более безопасном отрезке пути от мыса Мэри Хармсуорт до мыса Флора, занявшем всего одиннадцать дней, погибли восемь человек. Смертельно уставшие от физических и нервных перегрузок, постоянной угрозы гибели люди, почувствовав под ногами земную твердь, расслабились. Два оставшихся каяка могли вместить лишь половину людей. Другим пришлось идти берегом. Первым умер пожилой матрос. Затем пропали без вести оставшиеся четверо. Именем одного из них — машиниста Владимира Губанова уже в наши дни названа северная оконечность острова Мейбел *мыс Губанова*. 19 июля 1914 года на острове Белл похоронили матроса Ольгерда *Нильсена*, чье имя теперь носит находящаяся неподалеку бухта.

Через два дня внезапно поднявшимся ветром унесло в открытое море каяк с двумя матросами. Альбанову и Конраду с трудом удалось достичь мыса Флора, где находился продовольственный склад Джексона. Они уже начали готовиться к зимовке, когда к мысу подошел «Св. Фока». А первого сентября Альбанов и Конрад прибыли в Архангельск.

И после чудесного спасения Валериян Иванович Аль-

банов не захотел расстаться с Севером. Он плавал на приписанном к Архангельскому порту ледорезе «Канада» (позже переименованном в «Ф. Литке»), потом переехал на Енисей. Никто с точностью не может сказать, как и где встретил свой последний час в 1919 году полярный штурман. По одним данным, он умер от тифа по дороге в Красноярск, по другим — погиб при взрыве поезда с боеприпасами. Его именем еще в двадцатые годы назван *мыс Альбанова*, восточная оконечность острова Гукера.

В честь единственного уцелевшего его спутника Александра Эдуардовича Конрада названа южная оконечность острова *Мейбел мыс Конрада*. В советское время он плавал на судах торгового флота и умер 16 июля 1940 года.

О нем нам рассказывал Евгений Николаевич Фрейберг (в 20-е годы работал на Новой Земле, его имя носит *гора Фрейберга* на берегу губы Грибовой). Мичман Фрейберг во время первой мировой сражался на Черном и Балтийском морях, был первым советским начальником Командор, открывал полярную станцию в бухте Тикси. В гражданскую войну он участвовал в боях красной Волжской флотилии, затем командовал Байкальским отрядом Сибирской военной флотилии, где в его подчинении служил А. Э. Конрад.

— Помню, пришлось мне иметь неприятный разговор с председателем Иркутской ЧК товарищем Берманом, — вспоминал Фрейберг. — Он арестовал коменданта парохода «Лейтенант Шмидт» Конрада за то, что тот во время перехода по Ангаре с оружием в руках выгнал всех находившихся на борту пассажиров для заготовки дров. Я объяснил Берману, что Конрад действовал хотя самоуправно и грубо, но в интересах дела. Иначе разбушевавшийся «баргузин» неминуемо выбросил бы обезуглившийся пароход на берег. Инцидент был исчерпан.

Конрад участвовал в большом и трудном походе через всю Якутию небольшого отряда Фрейберга, которому было поручено установить Советскую власть в охотском порту Аян и вывезти оттуда продовольствие.

— Человек он был деятельный, решительный, смелый, — рассказывал Евгений Николаевич. — Отряд ему многим обязан. Некоторая бравада вообще была характерна для моряков тех лет, волею судеб оказавшихся

заброшенными далеко от моря. Главное, он был честным и прямым человеком, совсем не умел ловчить...

О судьбе оставшихся на «Св. Анне» тринадцати человек во главе с Георгием Львовичем Брусиловым (*ледниковый купол Брусилова* находится на Земле Георга) можно только гадать: замерзли, погибли от голода, утонули или сгорели с судном — никто не знает...

В 1926 году в Лозанне вышла книга швейцарского писателя Рене Гузи «Опасный Север». Она представляла собой якобы дневник медсестры «Св. Анны». Настоящая фамилия ее Ерминия Александровна Жданко (в честь этой молодой мужественной женщины на острове Брюса назван *мыс Ерминии Жданко*). В книге она почему-то фигурирует как Наталья Александровна Сидорова, хотя остальные члены экспедиции Брусилова названы своими именами.

Гузи утверждает, что дневник будто бы нашел норвежский капитан в Северной Атлантике. Через русское морское ведомство он попал в руки дяди Сидоровой. А тот, эмигрировав в Швейцарию, передал дневник писателю с условием, что тот после перевода сожжет его.

Дневник рассказывает о событиях на судне после ухода группы Альбанова. 13 июня погиб в перевернувшемся каяке матрос, другого вскоре задрал медведь, трое ушли на юг и канули в вечность. Словом, люди гибли один за другим. 16 января 1915 года умер Брусилов. Последняя запись в дневнике единственной оставшейся в живых Н. А. Сидоровой сделана 26 февраля 1915 года: «Едва пишу... в глазах туман... Нужно кончать дневник. Положу его в сумку и брошу на лед».

Несомненно, книга Р. Гузи — обычная в то время литературная подделка. Интересно, что подобного рода литература за рубежом всегда имела успех — книга была переиздана в 1945 году, а вот у нас в стране ее перевод Розеншильда-Паулина в 1928 году почти не был замечен. Правда, называлась она «В полярных льдах. Дневник Ивонны Шарпантье», и имена и название судна в ней были изменены.

Если судьба экспедиции Седова в конце концов выяснилась, экспедиции Брусилова выяснилась наполовину, то об экспедиции Русанова после отправки ею последней записки из Маточкина Шара, в которой излагалось намерение пройти Северным морским путем, практически так ничего до сих пор и не известно. Находки

некоторых вещей экспедиции на островах севернее шхер Минина в Карском море в 1934 году совершенно не прояснили ее судьбу. Чем больше люди пытались понять обстоятельства гибели русановцев, тем больше загадок появлялось на этом пути.

Если на востоке острова Нансена Земли Франца-Иосифа *мыс Русанова* появился в 1955 году как дань его памяти, то на Новой Земле, где он бывал шесть раз — больше, чем кто-либо из дореволюционных исследователей, — имен Владимира Александровича Русанова и его близких просто не могло не быть. Залив Шурин, названный в честь сына Александра (кстати, и первого сына Русанова, рано умершего, тоже звали Александром), в 1925 году был переименован в *залив Русанова*. В 1910 году В. А. Русанов на западном побережье имени жены и матери сыновей Марии Петровны (в девичестве Булатовой, ум. в 1905 г.), назвал *мыс Марии*. На южном острове есть *бухта* и *полуостров Русанова*, о появившемся в результате опечатки на карте проливе Русанова мы уже рассказывали в главе о П. К. Пахтусове.

Русанов по специальности был прежде всего геолог, но в совершенстве владел основами топографии, гидрографии, штурманского дела. Очень много времени и сил он отдавал картографическим работам. Первая его экспедиция на Новую Землю в 1907 году ограничилась исследованием пролива Маточкин Шар. Здесь, поднявшись на вершину горы Вильчека, он, как пишет его биограф С. П. Петросов, «впервые убедился в неправильном нанесении на все известные ему карты губы Митюшихи. В действительности она не подходит вплотную к мысу Сухой Нос и гораздо дальше врежется вглубь Новой Земли...»*

На следующий год во французской экспедиции Шарля Бенара Русанов исполнял обязанности геолога, но фактически был душой экспедиции. Он единственный благополучно пересек Новую Землю от залива Незнаемый до Крестовой губы и долину, по которой осуществлялось это первое в истории пересечение Северного острова, предложил назвать в честь своего спутника Кандиотти. Семнадцать лет спустя друг Русанова

* Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма. М.; Л.: Главсевморпути, 1945, с. 24.

Р. Л. Самойлович вполне правильно назовет ее *долиной Русанова*, так как доктор Кандотти прошел только часть пути. Самойлович же в честь русановского проводника по первым двум экспедициям назвал *полуостров Ефима Хатанзея*. «Он сразу расположил к себе Русанова и его спутника своим добродушным, приветливым лицом, непринужденным обращением. Им не пришлось раскисать в своем выборе: Хатанзей оказался отличным товарищем и хорошо знающим местность проводником»*.

Экспедиция 1909 года была снаряжена по ходатайству Архангельского губернатора на средства, выделенные Главным управлением земледелия и землеустройства (именем его главноуправляющего Александра Васильевича *Кривошеина* Русанов назвал *залив* на западном побережье). 9 июля пять ее участников с двумя ненцами проводниками Ильей и Санко Вылко высадились на северном берегу губы Крестовая в *бухте Сосновского*. Эта бухта и *горы Сосновского* были названы в честь архангельского губернатора Ивана Васильевича Сосновского, не раз посещавшего Новую Землю, еще в 1910 году Седовым. Русанов же в его честь назовет *губу Сосновского* на юге полуострова Адмиралтейства.

В старой полусгнившей с разбитым килем шлюпке Русанов с проводниками совершил тяжелый поход из губы Крестовой до полуострова Адмиралтейства. Он очень скромно оценивал свои картографические труды: «Не произведя точной инструментальной съемки, Русанов не считал себя вправе вносить поправки в подробную карту Новой Земли, изданную Главным гидрографическим управлением в 1897 г., и нанес на карту, не исправляя ее, только те из числа совершенно не обозначенных на карте озер, рек, ледников и гор, очертание и географическое положение которых успел определить путем маршрутной съемки»**.

В тот год Русанов поместил на карту имена почти всех своих спутников: фотографа Александра Алексеевича Быкова; провизора Архангельской больницы, исполнявшего в экспедиции обязанности ботаника и препаратора Карла Александровича Лоренца и младшего чиновника особых поручений архангельского губернатора

* Владимир Александрович Русанов, с. 23.

** Там же, с. 116.

Павла Александровича Галахова. Хотя Быков и опубликовал путевые заметки «За Полярным кругом», общая роль его в экспедиции была невелика. Наверное, поэтому на некоторых данных Русановым в честь его товарищей названиях позже появились наслоения: *остров Афанасьева (Быкова)**, *остров Средняя Луда или Лоренца*. Только *острова Галахова* в губе Машигина остались в первоначальном виде. Формально экспедицией руководил Ю. В. Крамер. По возвращении в Архангельске он опубликовал довольно безграмотный доклад о новоземельской геологии, в которой совершенно не разбирался, чем вызвал резкую критику Русанова. Поэтому имя Крамера и не попало на карту.

В тот год Русанов назвал также *залив Садовского* в честь правителя дел Архангельской губернаторской канцелярии, заведующего колониями на Новой Земле Бориса Ивановича Садовского. Два *ледника*, спускающиеся в губу Машигина, Русанов назвал именами своих учителей по Сорбонне — профессоров палеонтолога Пьера Буля и минералога Альфреда Лакруа.

А вот *залив Ога* на восточном побережье в честь профессора Сорбоннского университета Густава Ога Русанов назвал на следующий год, когда он на парусном моторном куттере «Дмитрий Солунский» обошел Северный остров. Это небольшое, водоизмещением 180 тонн, но крепкое суденышко с честью выдержало и ледовые сжатия, и свирепые штормы. Построено оно было в 1908 году в селе Мудьюга, принадлежало крупному рыбопромышленнику Д. Н. Масленникову и было им безвозмездно предоставлено в распоряжение экспедиции, которая и на этот раз была снаряжена на средства Главного управления землеустройства и земледелия. В честь владельца куттера Русанов назвал *мыс Масленникова*. А вот *мыс Солунского*, по имени судна, следовало бы, следуя морской традиции, именовать — мыс Солунский, так как на морских картах названия в честь судов обычно даются в именительном падеже.

Соседний *мыс Поспелова* Русанов назвал именем капитана «Дмитрия Солунского» Григория Ивановича Поспелова. «...Как только я вступил впервые на палубу

* Имя сотрудника Плавморнина М. В. Афанасьева, скончавшегося в 1926 г., было в тот год дано острову 11-й экспедицией на «Персее».

«Дмитрия Солунского», — пишет Владимир Александрович, — и познакомился с капитаном этого судна Г. И. Поспеловым, я сейчас же с картой в руках изложил капитану программу экспедиции, одной из главных задач которой, по моему проекту, был обход Северного острова. Капитан всецело согласился с моей программой, обещал мне в этом отношении свое содействие... он блестяще выполнил свое обещание, несмотря на большие затруднения и опасности, которые нам пришлось преодолеть»*.

В самый критический момент, когда надо было решиться на обход Новой Земли, льды и шторма загнали судно в небольшую бухту южнее мыса Желания. Ее-то, по словам Русанова, «экспедиция назвала в честь своего смелого, опытного и отважного капитана заливом *Поспелова*».

Григорий Иванович плавал на морских судах с одиннадцати лет. В 1898—1902 годах он командовал шхуной «Помор» Мурманской научно-промысловой экспедиции. Вот как описывает Поспелова преподаватель Теннишевского училища К. П. Ягодовский, плававший с ним: «Это — поразительно скромный, мягкий и очень симпатичный человек. В нем не было и следа той грубости, которая, к сожалению, так распространена среди моряков и многими из них считается необходимой при обращении с командой. Григорий Иванович никогда не кричал и очень редко повышал голос при обращении с матросами. Всегда ровный и спокойный, он также спокойно встречал и опасность. Как сейчас вижу его, с его мягкой застенчивой улыбкой, посасывающего коротенькую норвежскую трубку»**.

В 1906 году на промысле тюленей принадлежавший к этому времени Поспелову «Помор» был раздавлен льдами. Григорий Иванович с сыном и экипажем едва спаслись на шлюпке. Некоторое время Поспелов командовал «Св. Фокой», принадлежавшем Комитету для помощи поморам Русского Севера, в советское время плавал капитаном на многих судах, в частности на зверобойной шхуне «Смольный», послужившей прообразом для первых гидрографических судов. Умер Г. И. Поспе-

* Владимир Александрович Русанов, с. 159.

** Ягодовский К. П. В стране полярного солнца. СПб., 1914, с. 108—110.

лов в 1933 году, а через три года названная его именем шхуна «Капитан Поспелов» совершила сквозной переход по трассе Северного морского пути...

В опубликованном после экспедиции русановском описании новоземельских берегов обращает на себя внимание место, где несколько раз повторяется эпитет «красивая»: «*Бухта Жан (Gean)* углубляется в прямой и обрывистый берег, который тянется между заливом Кривошеина и Архангельской губой. Эта небольшая красивая бухта находится как раз против острова Вильяма... Вся задняя, восточная, сторона залива занята небольшим, но очень красивым и типичным ледником... совершенно белый ледник *Жан* красиво выделяется в рамке зеленых, желтых и розовых скал» *.

В России еще не знали, что залив и ледник названы именем невесты Русанова Жюльетты Жан Соссин. Лишь в письме матери и отчиму (в честь отчима Андрея Петровича Соколова Русанов назвал залив, который теперь называется заливом Цивольки) 27 февраля 1911 года Русанов написал:

«Сообщаю вам очень важную для меня новость: у меня есть невеста, и мы предполагаем устроить свадьбу после моего возвращения из предстоящей экспедиции на Новую Землю, то есть в октябре и в ноябре самое позднее.

О предстоящей нашей свадьбе знают все, и профессора нас поздравили.

Профессора Сорбонны хорошо знают мою невесту, так как она там окончила по естественному факультету и теперь готовится тезу по геологии на степень доктора естественных наук. Кроме того, она еще занимается и медициной, хочет быть врачом, хотя я ей не очень советую брать на себя так много дела. До сих пор еще ни одна женщина во всей Франции не делала доктората по геологии, — моя жена будет первая... Она прекрасно воспитана, знает музыку, понимает живопись и знает иностранные языки, особенно хорошо английский. И при всем том она нисколько не избалована и умеет работать. По религии она протестантка, а по происхождению — южанка, с черными, как смоль, волосами. Ростом она почти с меня. Иметь такую жену — счастье, которое далеко не всегда и не всякому может выпасть

* Владимир Александрович Русанов, с. 207.

на долю. Наконец кончится моя печальная, одинокая жизнь»*.

При плавании вдоль малоисследованных восточных берегов экспедиция непрерывно вела морскую съемку и промер. Капитан Г. И. Поспелов сутками не уходил с мостика. В немногих местах высадок Русанов с Вылкой производили пешеходные походы в глубь Новой Земли и выполняли инструментальную съемку. Впервые были нанесены контуры громадного ледника Норденшельда. В результате очертания северо-восточной части Новой Земли на карте значительно изменились. Исчезли широкий изгиб восточного берега к югу от 76-й параллели и сужение между бухтой Мака и ледником Норденшельда. Общая площадь Новой Земли заметно увеличилась.

Южнее мыса Дальнего Русанов кроме существующих карт пользовался картой Ильи Вылки. «В продолжение трех лет, — пишет Русанов, — занимался этот замечательный самоед съемкой малоизвестных восточных берегов Новой Земли. Ежегодно подвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки. А самоед без собак в ледяной пустыне — то же, что араб без верблюда в Сахаре. Бесконечное число раз рисковал Вылка своей жизнью для того только, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой заочеченные руки, Вылка чертил карты во время самых сильных новоземельских морозов, при которых трескаются большие камни, а ртуть становится твердой, как сталь»**.

Очень жаль, что съемки И. К. Вылки, как и новоземельские съемки художника А. А. Борисова и Г. Я. Седова, не были в полной мере и своевременно использованы географами. «Во всех тех случаях, — утверждает Русанов, — когда оказывалось возможным проверить на месте разницу между существующими картами и черте-

* Владимир Александрович Русанов, с. 386—387.

** Там же, с. 155.

жами Вылки, результаты говорили не в пользу карт, а в пользу чертежей Вылки. Если соотношение частей и размеры площадей у Вылки требуют в некоторых случаях исправления, то общая конфигурация берегов и очертания отдельных участков суши по большей части схвачены им довольно точно»*. Один из ледников Русанов назвал *ледником Вылки*.

Летом 1911 года экспедиция В. А. Русанова обошла вокруг Южного острова Новой Земли на парусно-моторной лодке «Полярная», покрыв расстояние почти в 1500 верст. Отметив полное несоответствие карт действительности у острова Междушарский и в проливе Костин Шар, не имея времени заниматься съемками в этом районе, она направилась на юг. «Берега, мимо которых плыла «Полярная», весьма мало походили на то, что было нанесено на карту, — писал Русанов. — Все это вместе с туманами мешало установить точно местоположение судна. Встреча с английским пароходом «Нимврод» нисколько не помогла делу, так как капитан этого парохода г. Вебстер сам не знал точно, где он находится. И только встреча в Черной губе с И. П. Ануфриевым, капитаном «Николая», оказала экспедиции весьма существенную пользу, позволив ей точно установить свое положение»**.

Имя заслуженного капитана-помора И. П. *Ануфриева*, много сделавшего для исследования Новой Земли, уже в советское время было присвоено *бухте* в заливе Шуберта. На севере же полуострова Адмиралтейства сохранился названный им в 1910 году в честь принадлежавшего Д. Н. Масленникову парохода «Николай», которым долгое время командовал Ануфриев, *мыс Николая*.

Большую часть съемочных работ выполнил Эммануил Павлович Тизенгаузен, перед экспедицией, как в свое время Русанов, отбывавший трехлетнюю ссылку в Онеге. Две недели он с помощью И. К. Вылки снимал побережье губы Черной. На входе в эту губу появился *мыс Тизенгаузена*. В промысловой избе, построенной в 1910 году из привезенного леса мурманским промышленником В. В. Олонкиным, русановцы ночевали, готовили

* Владимир Александрович Русанов, с. 212.

** Там же, с. 164.

обед, даже устроили баню. Вскоре неподалеку лежащий мыс стал называться *мысом Олонкина*.

Значительные съемочные работы выполнила экспедиция в Пуховском Шаре и заливе Рейнеке. В дальнейшем при обходе Южного острова велась глазомерная съемка с «Полярной», нередко сопровождавшаяся промерами. Так, было отмечено, что со времен Пахтусова залив Каменка обмелел по крайней мере вдвое. Неоднократно производились высадки на берег и походы в глубь Новой Земли. Немного южнее дельты реки Шалоник впервые был сделан поперечный промер Маточкина Шара с целью выявления характера и конфигурации его ложа.

Вместе с русановской экспедицией на Новой Земле в тот год работал небольшой отряд горного инженера Александра Александровича *Свицына* (его имя носит остров в заливе Карпинского). Отряду удалось в губе Пропащей открыть месторождение медных руд, в память о чем на следующий год здесь был назван *полуостров Медный*.

В свою последнюю экспедицию 1912 года Русанову на Новой Земле поработать не удалось. Из ее участников уже в наши дни на Земле Франца-Иосифа был увековечен капитан «Геркулеса» Александр Степанович Кучин, уроженец Онеги, выпускник Архангельской мореходки, в 1910—1911 годах участвовавший в Антарктической экспедиции Р. Амундсена. Его именем в 1953 году назван *остров Кучина*, находящийся рядом с островом Солсбери.

Там же спутник Седова Визе назвал юго-восточную оконечность острова Гукера *мысом Брейтфуса*. Леонид Львович Брейтфус в это время заведовал гидрометеорологической частью Главного гидрографического управления и научно консультировал начатые по просьбе русской общественности поиски пропавших экспедиций. Он считался большим арктическим авторитетом. Еще в 1898 году Брейтфус поступил помощником к Николаю Михайловичу *Книповичу* (его именем назван залив на восточном побережье Южного острова Новой Земли), возглавлявшему тогда Мурманскую научно-промысловую экспедицию, сменил вскоре его на этом посту и шесть лет руководил экспедицией.

Дед Брейтфуса с двумя братьями перебрался в Россию в екатерининские времена, спасаясь от религиозных

преследований. Многочисленное их потомство до первой мировой войны сохраняло германское подданство, придерживалось лютеранского вероисповедания, родным языком считало немецкий. Сам Леонид Львович в 1890—1897 годах жил, учился и работал в Германии, считая ее своей родиной. Когда Советское правительство предоставило оказавшимся за рубежом право выбора, далекий от политики Брейтфус выбрал Германию.

И в это же время по поручению Советского правительства он организовал экспедицию ледокола «Святогор» (позже «Красин») для спасения затертого во льдах Карского моря ледокольного парохода «Соловей Будимирович». На пороге своего шестидесятилетия исследователь Арктики уже не мог работать в экспедициях. Он вынашивал замысел создать обобщающий труд по полярным исследованиям прошлого. Хорошо знакомый Брейтфусу по прежней работе зоологический музей Берлинского университета с его прекрасной библиотекой обещал ему дать возможность работать над этой темой. Активное участие в международной организации «Аэроарктика» давало надежду быть полезным и России, однако приход Гитлера к власти лишил его такой возможности.

Ему не мешали, но и не помогали. Леонид Львович подготовил свой обзорный труд о трех тысячах полярных экспедиций, где только библиография составила 15 тысяч наименований. К несчастью, эта огромная рукопись в 66 тысяч страниц сгорела. И Брейтфус взялся за ее восстановление по сохранившимся черновикам... Умер он 20 июля 1950 года в Пирмонте восьмидесяти шести лет.

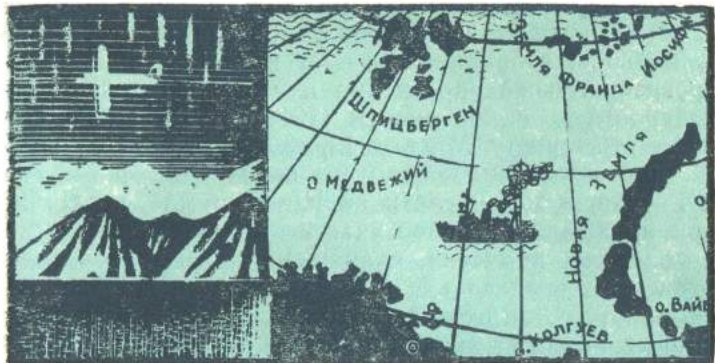
Но вернемся к поискам пропавших без вести экспедиций. Брейтфус считал, что если «Геркулес» не погиб во время штормов, разыгравшихся как раз в то время, когда он огибал Новую Землю, то его понесло на север. Брусиловская же «Св. Анна» в 1915 году, по его словам, «несется вдоль Гренландии к югу по следам обломков «Жаннетты» и к концу настоящей навигации окажется около мыса Фарвелл — южного мыса этого материка. Если остановиться на этом последнем предположении, то поисковым экспедициям в этом случае делать нечего, так как они, как мы уже сказали, не могут

рассчитывать идти навстречу ледяным полям, спускающимся из Полярного океана в Атлантический»*.

Теперь-то мы знаем, как был не прав Брейтфус. Даже в разгар зимы 1938 года, когда снимали папанинцев со льдины, в этом районе смело плавали не только ледокол «Ермак», ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман», но даже крохотный деревянный парусно-моторный бот «Мурманец», кстати, забравшийся дальше всех на север. Таким образом, пропавшие экспедиции в общем-то искали у берегов Земли Франца-Иосифа, Шпицбергена, Новой Земли — не там, где они могли находиться даже по мнению самих организаторов поисков.

Некоторые географические названия обязаны своим происхождением спасательным экспедициям. *Бухта Андромеда* вблизи мыса Желания получила название от паровой деревянной шхуны «Андромеда» грузоподъемностью 134 регистровых тонны, которая под командованием капитана Г. И. Поспелова заходила сюда летом 1915 года. Эта экспедиция на севере бухты Витней назвала *мыс Данилова* в честь судового фельдшера. А вот *мыс Кузнецова* на ЗФИ в заливе Де-Лонга назван в наши дни в честь плававшего на парусно-моторном судне «Герта» в 1914 году помощником капитана и в 1915-м капитаном И. А. Кузнецова. *Мыс Нагурского* на острове Земля Александры носит имя первого арктического летчика Яна Иосифовича Нагурского, совершившего в поисках экспедиций пять полетов из Крестовой губы на запад.

* Брейтфус Л. Л. Северные полярные экспедиции 1912 года и их поиски. — Записки по гидрографии, т. 39, вып. 2, 1915, с. 27.

ГИДРОГРАФЫ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Дореволюционная история исследования Арктики полна драматизма. Отчаявшись получить поддержку со стороны царского правительства, отдельные смельчаки вроде Седова, Русанова, Брусилова на частные средства, ценой собственной жизни пытались взломать льды официального безразличия к этому суровому, но сказочно богатому краю. Только после Великого Октября арктические исследования приобрели государственный масштаб.

Еще в 1918 году Советское правительство собиралось развернуть гидрографические исследования и транспортные операции на Севере. Их сорвала интервенция и гражданская война. Сразу после освобождения Архангельска эти попытки были возобновлены. Постановлением Совнаркома от 29 июля 1920 года, подписанным В. И. Лениным, были выделены большие средства для гидрографических работ.

Русской гидрографии в горниле революции удалось не только сохранить лучшие вековые традиции, но и провести ряд реорганизационных мер. Вместо разрозненных подразделений на морях были созданы местные управления по безопасности кораблевождения (Убеко). Это стало возможным потому, что основная масса русских гидрографов без колебаний приняла Великую Октябрьскую социалистическую революцию и осталась верной своему народу, своему воинскому долгу.

Например, генерал Е. Л. Бялокоз, именем которого еще в 1902 году назван *остров* у Вайгача, был рекомендован общим собранием на пост начальника Главного гидрографического управления и честно исполнял свои обязанности до самой смерти (1919). Его предшественник на этом посту Михаил Ефимович Жданко, успевший за свою жизнь поработать на всех морских театрах России, в том числе и на Новой Земле, после Октября принимал активное участие в деятельности многих полярных комиссий, снаряжении первых советских арктических экспедиций, вел большую преподавательскую работу. Он и скончался 16 ноября 1921 года, читая лекцию в Морской академии. Через три года на Новой Земле в заливе Шуберта его именем назвали *мыс Жданко*.

Усилия первой советской гидрографической экспедиции в 1920 году были направлены в первую очередь на приведение в порядок пострадавшего в годы гражданской войны гидрографического хозяйства и обеспечение плавания судов Сибирской хлебной экспедиции.

А вот на следующий год на Новой Земле появились первые советские названия. Ледокольный пароход «Таймыр» совершил выдающееся плавание с попутным гидрологическим разрезом от Вайгача к северо-восточным берегам Новой Земли и обратно. Впервые специалисты-гидрографы побывали в этом труднодоступном районе. 19 сентября 1921 года они открыли и назвали большой *залив Благополучия*. Именами участвовавших в экспедиции сотрудников Главной геофизической обсерватории были названы находящиеся здесь *бухта Визе* и *горы Кедроливанского* и *Якоби*. Если В. Ю. Визе несколько лет назад с экспедицией Седова работал на Новой Земле, то прорабы Виктор Николаевич Кедроливанский и Николай Оскарович Якоби были здесь впервые.

Четыре отдельных языка громадного ледника Норденшельда названы именами руководителей экспедиции СЛО *ледниками* (в последовательности с юга на север) *Вершинского*, *Рождественского*, *Новопашенного* (теперь *ледник Средний*) и *Розе*.

Александр Михайлович Вершинский и Алексей Николаевич Рождественский — гидрографы. Первый окончил Архангельское мореходное училище, второй — Петроградский университет. Рождественский в двадцатые годы возглавлял Военно-морское гидрографическое учи-

лице. Вершинский командовал гидрографическими судами: до революции — «Мурманом», в советское время — «Камчадалом», который в 1937 году вместе с «Океаном» и «Охотском» участвовал в первом сквозном переходе гидрографических судов по Северному морскому пути. Вышедший позже «Камчадал» зазимовал в море Лаптевых в караване ледокола «Ленин» и оказал большую помощь экипажу раздавленного льдом в январе 1938 года парохода «Рабочий». Сам Вершинский погиб в ленинградскую блокаду.

А вот название ледника Новопашенного исчезло с карт по недоразумению. Кто-то из картосоставителей спутал молодого гидрографа Убекосевера Бориса Владимировича Новопашенного с более опытным участником г/э СЛО, открывшей Северную Землю, белоэмигрантом П. А. Новопащенным.

Николай Владимирович Розе руководил всей экспедицией. После окончания Петербургского университета он несколько лет работал в Главной геофизической обсерватории, а потом занимался гидрографическими работами на Севере. Этим и объясняется, что он постарался придать геофизический уклон и большую комплексность первой советской арктической экспедиции. В дальнейшем доктор наук Н. В. Розе руководил генеральной магнитной съемкой страны, вел большую преподавательскую работу в университете и ВМУЗах Ленинграда.

Имя *Розе* явно выделено картографами: кроме ледника его носит *остров* у южной оконечности Новой Земли и *мыс* на острове Ли Смита на ЗФИ. Но только ли потому, что он достиг больших высот в науке? К сожалению, карта все-таки плохая табель о рангах. Замечено, что именователи с большим желанием используют для образования географических названий короткие, редко встречающиеся фамилии, такие как Литке, Бунге, Розе. Но здесь уже действуют законы филологии.

Флагманом экспедиции был прославленный сквозным переходом по Северному морскому пути в 1914—1915 годах «Таймыр». Его ледокольного брата «Вайгача» в 1918 году утопила в Енисейском заливе белогвардейская Карская экспедиция. «Таймыру» же судьба отпустила большой век. Он много поработал и в Карском, и в Баренцевом морях. Обнаруженное им в конце двадцатых годов западнее острова Митюшев поднятие дна носит название *банки Таймыр*. Помню флагмана в эк-

спедиции 1921 года участвовали пароход «Пахтусов», судно «Беднота» — так был переименован знакомый нам «Дмитрий Солунский», палубный бот «Арктур», погибший в тот год у острова Вайгач. До недавнего времени обнаруженный им риф носил название банки Арктур.

В 1922 году ввиду тяжелого экономического положения, вызванного гражданской войной и разрухой, гидрографические исследования на Севере были временно сокращены, Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана ликвидирована. Однако уже на следующий год для выполнения правительственного задания в Маточкином Шаре формируется Отдельный Северный гидрографический отряд.

В наше время весть о создании новой арктической или антарктической обсерватории в лучшем случае займет пару строк в центральной прессе. Тогда же это было событием мирового значения, тем более что создавалась самая северная полярная станция. В приказе по флоту № 468 от 19 ноября 1923 года говорилось: «После полутора месяцев упорной работы Отдельного Северного гидрографического отряда 6 октября была послана первая радиограмма... Пусть достигнутые результаты и заслуги Отдельного Северного гидрографического отряда... будут известны всему личному составу Красного флота и Морского ведомства. Пусть этот пример послужит одним из стимулов для усиления дальнейшей работы по строительству рабоче-крестьянского Красного флота»*.

Среди отличившихся в приказе назывались гидрографические суда «Мурман» и «Купава» (именем старпома этого судна Петра Николаевича *Яльцева*, долго работавшего в Арктике, гидрографы потом назовут *мыс* на острове Солсбери на Земле Франца-Иосифа). «Мурман» до революции был известен как «Андрей Первозванный», в 1932 году его переименовали в «Мглу». На подкрепление флота СГЭ гидрограф Н. И. Евгенов (бухта Евгенова на Северном острове теперь не показывается на картах без всяких на то оснований) привел из Кронштадта гидрографическое судно «Азимут». Вскоре в Маточкином Шаре появилась *река Азимут*, а у мыса

* ЦГАВМФ, ф. Р-180, оп. 1, д. 930, л. 22.

Митюшева — *банка Мурман. Залив Мурман* севернее Машигиной губы назван в 1958 году в честь уже нового «Мурмана».

В 1924 году полярная станция Маточкин Шар преобразуется в Полярную геофизическую обсерваторию. О первой жертве первой зимовки напоминает находящийся неподалеку *мыс Шорохова*, названный в память о докторе Михаиле Вениаминовиче Шорохове, умершем от цинги 5 апреля 1924 года.

В тот же год умер один из первых советских гидрографов Константин Константинович Неупокоев, создатель и первый начальник находившегося в Омске Управления по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях сибирских рек (сокращенно Убекосибири). Один из больших заливов Северного острова вскоре стал называться *заливом Неупокоева*. Константин Константинович — потомственный моряк. Сам он не работал на Новой Земле, но принимал участие во всех пяти арктических плаваниях «Таймыра» в 1910—1915 годах, командовал ледоколом «Святогор», выполнил большие гидрографические исследования в Обь-Енисейском районе. А вот его брат Владимир Константинович, первый начальник Владивостокского мореходного училища, производил морскую съемку новоземельских берегов еще с охранных крейсеров в конце прошлого века.

10 мая 1924 года создается Северная гидрографическая экспедиция (*гора СГЭ* находится неподалеку от вершины залива Норденшельда). Начальником ее назначается профессор Морской академии гидрограф-геодезист Николай Николаевич Матусевич (1879—1950). Старшим штурманом на крейсере «Терек» он сражался в Цусимском бою. После войны окончил Петербургский университет и в 1911 году возглавил Отдельную съемку Белого моря. Более двадцати лет он занимался гидрографическими исследованиями на Севере. Мы, послевоенные арктические новобранцы, помним его по учебе в Высшем арктическом морском училище имени адмирала Макарова. Ему к этому времени было под семьдесят. Сухощавый, подтянутый, с погонами инженер-вице-адмирала, он выглядел моложе своих лет. Эрудиция его в специальных предметах, которые он преподавал у нас, в Военно-морских училище и академии, была беспредельна. К *полуострову Матусевича* на восточ-

ном побережье Северного острова, названному еще в 1925 году, полярные гидрографы вскоре после его смерти добавили здесь же *бухту Матусевича* и на острове Грезм-Белл на Земле Франца-Иосифа *залив Матусевича*.

На помощь гидрографам в 1924 году пришел самолет, доставленный на Новую Землю пароходом «Юшар». Первый полет в Арктике в советское время на нем осуществил Борис Григорьевич Чухновский, позже прославившийся при спасении экипажа дирижабля У. Нобиле. Его имя носит *бухта Чухновского* в Русской Гавани. На следующий год из Ленинграда в Маточкин Шар отправилось уже два самолета. На этот раз Чухновского сопровождал его бывший подчиненный по разведотряду Балтийского моря О. А. Кальвиц. Их перелет стал событием для тех лет. Летчики не только занимались ледовой разведкой, но и выявляли неточности существующих карт, обнаруживали неизвестные навигационные опасности. Благодарные гидрографы вскоре в губе Саханиха назвали *залив Кальвица*.

Финский коммунист Отто Артурович Кальвиц прошел суровую школу революционной борьбы на родине. Шюцкоровский военный трибунал приговорил его к смертной казни, замененной позже длительной каторгой. После пятимесячного заточения ему с помощью товарищей удалось бежать в Советскую Россию, где он стал авиатором. Кальвиц — первый летчик, поднявший самолет в небо Чукотки, побывавший на острове Врангеля и пролетевший вдоль северо-восточных берегов нашей страны.

Опыт полетов Кальвица лег в основу спасения челяускинцев воздушным путем...

Мыс Баранова в заливе Пахтусова и *мыс Федорова* у Маточкина Шара носят имена топографов Северной гидрографической экспедиции Сергея Ивановича Баранова и Павла Ермолаевича Федорова. Теперь нелегко установить, кто и когда дал эти названия: официальные отчеты молчат.

Помощь в расшифровке нескольких топонимов в губе Саханиха оказал «владелец» *бухты Никитина* в этой же губе, бывший командир «Мурмана» Владимир Михайлович Никитин. Он вспоминал о съемках тридцатых годов:

— Многого тогда не хватало, и в первую очередь

опыта. Но зато энтузиазма от сознания, что нам доверили большое и ответственное дело, было много.

На Новой Земле оказались в это время однокашники Никитина, выпускники морского гидрографического училища 1924 года, Василий Васильевич Копосов и Сильверст Иванович Плеханов. Ныне о них напоминают *остров Копосова* и группа *островов Плеханова*. А вот в честь их старшего товарища (к этому времени он уже перешагнул пенсионный рубеж) капитана дальнего плавания Николая Георгиевича Цамутали, в двадцатые годы работавшего на Кольском полуострове и Новой Земле, назван *остров Цамутали*.

В. М. Никитин и Дмитрий Васильевич Шинков (его имя носит *бухта Шинкова* в губе Широчиха), долго служили в гидрографии, имели звание капитана I ранга, как и известный советский ученый астроном, гравиметрист и геодезист-гидрограф Иван Данилович Жонголо-вич. Ему не было и тридцати, когда он в 1921 году впервые попал на Новую Землю. *Остров Жонголовича* в губе Обсежья и *острова Жонголовича* в губе Саханиха остались памятью об этом большом ученом и труженике.

Позже Иван Данилович участвовал в высокоширотных экспедициях на ледокольном пароходе «Садко», в 1937—1938 годах даже зимовал во льдах Центрального Полярного бассейна, где преподавал в «дрейфующем вузе». Дело в том, что на трех ледокольных пароходах, которые ввиду тяжелой ледовой обстановки вынуждены были встать на зимовку в северо-восточной части моря Лаптевых, оказалось более двух десятков студентов-практикантов старших курсов Гидрографического института Главсевморпути. Для того чтобы они не отстали от товарищей, с разрешения Комитета по делам высшей школы на караване организовали для них занятия, благо на зимовке оказалась целая «ученая сборная» страны. Мне приходилось не раз писать об этом ледовом семестре и других экспедициях Жонголовича. Каждый раз набирал номер его телефона и начиналась длительная процедура представления. Профессор терпеливо допытывался, где, когда мы вместе служили, когда я у него учился. Я терпеливо объяснял ему, что тогда меня на свете не было, а тогда — еще под стол пешком ходил. Столько Поповых знал он за свою длинную жизнь, что всех упомянуть не было никакой возможности, тем более что я у него даже и не учился.

А потом начинался вечер воспоминаний. Здесь Иван Данилович был на высоте. Слушать его можно было без конца. Он помнил все до деталей, что происходило и пятьдесят, и шестьдесят лет назад. Мы уже готовились отметить девяностолетний юбилей ученого. 28 июля 1981 года газета «Вечерний Ленинград» напечатала статью о нем «Вечная молодость труда», где говорилось: «В Институт теоретической астрономии — он назывался тогда Вычислительным — в 1919 году пришел работать И. Д. Жонголович. И трудится по сей день». Это была последняя газета, которую Жонголович прочитал дома. Ее нашли в его постели... Стояли не по-ленинградски жаркие дни. Иван Данилович помимо своей должности временно исполнял хлопотные обязанности директора института. На следующий день после опубликования статьи он умер по дороге домой...

Особенно много для карты Новой Земли сделала Северная гидрографическая экспедиция под руководством А. К. Жилинского в пятидесятые годы. На новоземельскую карту пришли названия в честь кораблей, прославившихся в этих водах: *мыс Мигалка*, *бухты Нивелир*, *Сирена*. Из именных названий этого времени *мысы Ивана Малышева* и *Павла Зайцева* напоминают об офицерах СГЭ Иване Ивановиче Малышеве и Павле Ивановиче Зайцеве, трудившихся здесь совсем недавно, в послевоенные годы.

У северо-западного берега Вайгача находится небольшой *остров Колюбакина*. Официальный справочник утверждает, что «он назван именем гидрометеоролога Б. В. Колюбакина, участника многих экспедиций для исследования северных морей». Сотрудник Убекосибири Борис Викторович Колюбакин действительно много сделал на Севере. Но, увы, это название есть на карте А. И. Варнека 1903 года, когда Борису Викторовичу было всего семь лет. Остается предположить, что остров назван по имени старшего делопроизводителя ГГУ капитана Георгия Владимировича Колюбакина.

ЭКСПЕДИЦИЯ, СТАВШАЯ ИНСТИТУТОМ

Предложение о создании научного центра комплексных арктических исследований родилось на обычном армейском совещании 6-й армии Северного фронта, готовившейся к окончательному освобождению Архангельска от белогвардейцев и интервентов. Люди в армейских шинелях уже думали о штурме высоких широт во благо освобожденного народа.

4 марта 1920 года создается Северная научно-промысловая экспедиция (Севэкспедиция), во главе которой встал тридцатидевятилетний горный инженер Рудольф Лазаревич Самойлович. Много раз это учреждение меняло вывески — Институт по изучению Севера, Всесоюзный Арктический институт (ВАИ), ордена Ленина Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ), меняло хозяев в виде разного рода ведомств, но постоянно оставалось центром полярной науки. На протяжении восемнадцати лет научным руководителем его был профессор Самойлович.

В тяжелые двадцатые годы почти ежегодно его можно было встретить на Новой Земле — в тундре с геологическим молотком, в брезентовом дождевике на утлой шляпке или у гидрологической выюшки на качающейся палубе парусно-моторного бота. Копились на архангельских архипелагах объекты его имени: *бухта Самойловича* или *Открытая* южнее Маточкина Шара названа комиссией Северной гидрографической экспедиции под председательством Н. И. Евгенова в 1925 году, *пролив*

Самойловича на Земле Франца-Иосифа — начальником полярной станции Бухта Тихая И. М. Ивановым в 1930-м, *ледниковый купол Самойловича* — сотрудника ААНИИ в 1963 году.

В своей одержимой любви к геологии, к Новой Земле — прекрасному естественному геологическому полигону-лаборатории — Рудольф Лазаревич очень напоминает В. А. Русанова, с которым работал в его последней экспедиции на Шпицбергене. Пять сезонов, 1921, 1923, 1924, 1925 и 1927 годов, возглавлял Самойлович новоземельские экспедиции. Уходили люди, менялись плавсредства, он один неизменно оставался и начальником, и главным участником экспедиции.

Нам приходилось упоминать данные в это время Самойловичем новоземельские названия. Их невозможно собрать в одной посвященной ему главе. Широкий кругозор исследователя, бережное отношение к памяти предшественников, учителей делают «слой Самойловича» энциклопедичным, в нем нет случайных имен. Первым названием Самойловича на Новой Земле был *ледник Пенка* (1923) — в честь знакомого ему по учебе в Германии географа, геоморфолога и гляциолога Альбрехта Пенка.

В последующие годы почти весь ученый совет Севэкспедиции был помещен на новоземельскую карту. Самойлович, как и Пахтусов, не знал, что акваторию восточнее залива Рейнеке поморы издавна именовали губой Охальная, и дал ей название *залив Карпинского* в честь геолога, первого советского президента Академии наук. Еще 31 мая 1918 года Александр Петрович Карпинский говорил: «Мы должны обратить особое внимание на изучение Северного края с его неисчерпаемыми и все еще малоисследованными богатствами, и нам нужно возможно шире популяризировать знания о его жизненных и естественных ресурсах, дабы продуктивно их использовать, а следовательно, поднять культуру и благосостояние всего отечества»*.

В конце мая 1920 года Карпинский во главе специальной правительственной комиссии выезжал на Кольский полуостров, чтобы решить судьбу Мурманской железной дороги, которую некоторые экономисты недале-

* Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский. Л.: Наука, 1981, с. 405.

новидно предлагали закрыть. Он помог не только сохранить эту важную транспортную магистраль, но и начать в тот же год планомерное исследование недр Кольского полуострова. В 1933 году в возрасте восьмидесяти семи лет Александр Петрович снова возглавил группу ученых Академии наук, куда входил и Р. Л. Самойлович, побывавших на Севере — в Вологде, Архангельске, Котласе и Сыктывкаре. Спутником Карпинского в северных поездках и помощником во всех начинаниях неизменно был академик Александр Евгеньевич Ферсман, исследователь минеральных богатств Кольского полуострова. Теперь его имя носит *остров Ферсмана* на ЗФИ.

Членами ученого совета Севэксспедиции были также Н. М. Книпович, Ю. М. Шокальский (о них мы уже говорили), К. М. Дерюгин, С. В. Керцелли. Двое последних были активными исследователями Новой Земли, и их именами Самойлович назвал *озеро Дерюгина* и *мыс Керцелли*. Константин Михайлович Дерюгин в 1924 году руководил западной партией, которая в заливе Пуховый изучала гольцовый промысел, птичьи базары и пресноводные водоемы. Сергей Васильевич Керцелли, ветеринар по образованию, еще до революции получил известность как крупнейший специалист по оленеводству. Он был правой рукой Самойловича при организации Севэксспедиции в 1920 году. До самой смерти в марте 1935 года он отдавал все силы развитию оленеводства и борьбе с болезнями северных оленей.

Не был забыт и В. Ю. Визе, с 1928 года перешедший на работу в Институт по изучению Севера. Его имя получила *бухта Визе* в заливе Русанова. Соседнюю *бухту Глушкова* Самойлович назвал в честь директора Российского гидрологического института Виктора Григорьевича Глушкова. Соленое озеро Рылова и ледник Эдельштейна получили имена гидролога В. М. Рылова и геолога Я. С. Эдельштейна. Они на Новой Земле не бывали, и поэтому, наверное, их имена исчезли с некоторых карт.

Вообще-то Самойлович не любил помещать на карту имена своих сотрудников, справедливо считая, что это не совсем скромно. Исключение он сделал для своих капитанов, именами которых назвал *гору Вальнева* в губе Крестовой и *бухту Полисадова* в заливе Русанова. Архангельский капитан Федор Михайлович Вальнев ко-

мандовал шхуной «Шарлотта» в экспедиции 1921 года, П. А. Полисадов капитанил в 1925 и 1927 годах.

Вот как вспоминает океанограф В. А. Васнецов, плававший на «Персее», о встрече с капитаном судна экспедиции Самойловича в 1925 году на Новой Земле: «Тогда я познакомился с капитаном «Эльдинга» Петром Андреевичем Полисадовым, в далеком прошлом блестящим морским офицером, в советское время известным на Севере отличнейшим гидрографом, но любителем повеселиться, а порой и выкинуть какой-нибудь совершенно сногшибательный фортель»*.

Полисадов посетил «Персей», где провел приятный вечер. «Но настало время возвращаться на «Эльдинг», — продолжает Васнецов. — Не обнаружив у парадного трапа шлюпку, П. А. Полисадов просто шагнул в воду и в сапогах и английской шубе вплавь отправился на свой корабль, куда и прибыл совершенно благополучно. Он перепугал только вахтенного матроса, в полной темноте крикнув из-за борта: «Вахтенный, по свети мне, где штормтрап»**.

Несомненно, не «фортели», почему-то привлекавшие внимание почтенного океанографа, были главным в жизни капитана. Он командовал многими прославленными на Севере судами: «Арктуром», «Пахтусовым», «Купавой». Старпомом на «Мурманце» он ходил снимать со льдины папанинцев, за что был награжден орденом. П. А. Полисадову и полярному летчику Михаилу Сергеевичу Бабушкину (*остров Бабушкина* в Русской Гавани, *мыс Бабушкина* на востоке острова Земля Александры) приписывают первую посадку на плавучую льдину.

Имена еще многих участников новоземельских экспедиций Самойловича увековечены на архангельских архипелагах. Например, *мыс Виттенбурга* на ЗФИ назван полярными летчиками еще до войны. Доктор геолого-минералогических наук Павел Владимирович Виттенбург сопровождал Самойловича на Новую Землю в 1921 году. А вообще трудно назвать место в Советской Арктике, где бы он не побывал за свою долгую жизнь. Интересно, что его имя в шестидесятые годы привело на карту и имя французского географа Шарля Рабо.

* Васнецов Всеволод. Под звездным флагом «Персея». Л.: Гидрометеиздат, 1973, с. 173.

** Там же, с. 173—174.

Дело в том, что они совместно издали в 1924 году очень популярную в свое время книгу «Полярные страны. 1914—1924 гг.». Так как южная оконечность острова Ли Смита уже носила имя Виттенбурга, то картографы сочли за благо назвать северную оконечность этого острова *мысом Рабо*.

В пятидесятые годы на ЗФИ в честь биолога Григория Петровича Горбунова названы небольшие *острова Горбунова*. Не беремся утверждать, но нам кажется, что до войны у нас среди ученых не было ему равных по числу арктических походов и плаваний. После Самойловича он больше всех участвовал в новоземельских экспедициях Института по изучению Севера — четыре раза. Григорий Петрович сопровождал Самойловича и в его высокоширотных экспедициях. По совокупности ученых трудов ему в 1935 году присудили степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. Умер он 14 февраля 1942 года в Вологде при эвакуации из блокадного Ленинграда.

В 1934 году научно-промысловая экспедиция на небольшом боте «Арктик» (*бухта Арктик* находится в Медвежьем заливе) в честь пионера исследования новоземельских промыслов зоолога и ихтиолога Владимира Константиновича *Есипова* назвала *реку* на восточном побережье Южного острова. Он тоже стал жертвой ленинградской блокады. В 1955 году на острове Нансена на Земле Франца-Иосифа появилась и *бухта Есипова*.

Экспедиция Арктического института в 1934 году назвала *бухту Ильи Безбородова* в заливе Брандта. Моторист и боцман Ильи Николаевич Безбородов плавал с Самойловичем в 1924 и 1927 годах. Соседняя бухта в честь бессменного председателя островного Совета стала *бухтой Ильи Вылки*.

Учеником и верным спутником Самойловича был и Михаил Михайлович Ермолаев. Впрочем, когда он пришел в 1920 году в Севэкспедицию пятнадцатилетним пареньком, его называли просто Мишей. В Арктику его «выгнала» скоротечная чахотка. Выслушав приговор врачей, он решил оставшиеся год-два жизни провести с максимальной пользой. Похоже, сам начальник экспедиции, по-отцовски тепло относившийся к Ермолаеву, не очень то хорошо представлял, какие обязанности тот выполнял: в отчете за 1925 год Самойлович называет

его коллектором и топографом, а за 1927-й — геодезистом и ассистентом по геологин... Молодой человек брался за все, и все у него получалось. Себя он не щадил, от экспедиционных трудностей не прятался. Болезнь отступила, а Ермолаев вскоре стал авторитетным полярником.

Названные в разное время *бухта, гора, мыс Ермолаева* на Новой Земле — признание заслуг доктора геолого-минералогических наук М. М. Ермолаева. Во время зимовки в Русской Гавани в период Второго Международного полярного года он и сам стал именователем. К нему я обратился за помощью, когда у меня по Новой Земле наступил «кризис жанра»: библиотеки и архивы уже не могли помочь, а оставались еще десятки нерасшифрованных географических названий. Михаил Михайлович тогда основательно поколебал мое убеждение в том, что память — инструмент несовершенный. Разговаривали мы в университете, где он преподавал, используя «окно» между лекциями. Ермолаева то и дело отвлекали, и тем не менее на громадный заготовленный список вопросов я получил исчерпывающие ответы. Лишь иногда он медлил: «Надо подумать...» А через мгновение сыпал датами, именами-отчествами, фамилиями, поразительными подробностями — как будто не я, а он сутками готовился к этой встрече...

Ледник и мыс Велькена, ледник и бухта Карбасникова, ледник Петерсена названы именами товарищей Ермолаева по зимовке. Все они интереснейшие люди. События на зимовке и судьбы ее участников легли в той или иной степени в основу известного кинофильма С. А. Герасимова «Семеро смелых».

«Доктор Курт Велькен, — пишет З. М. Каневский, — двухметровый голубоглазый и рыжебородый гигант, был личностью разносторонней. Геофизик и гляциолог, он как бы по совместительству был еще и бессменным чемпионом германского герцогства Ганновер по... непрерывным танцам! По словам Михаила Михайловича Ермолаева, „экспедицию вполне устраивала кандидатура этого ученого танцора“»*.

Михаил Николаевич Карбасников, исполнявший обязанности метеоролога, гордился, что его дед был холмогорским мужиком. Впрочем, он и отцом — русским

* Каневский З. М. Лды и судьбы. М.: Знание, 1973, с. 16.

издателем и просветителем Н. Н. Карбасниковым тоже мог гордиться. Университет закончить Михаилу Николаевичу помешала первая мировая. Четыре года прапорщик-артиллерист Карбасников провел в окопах. Поступил в восемнадцатом в только что созданный Географический институт (в честь этого вуза Р. Л. Самойлович в 1925 г. назвал ледник Географического Института), а тут новая война, и еще три года прослужил он в Красной Армии. Диплом о высшем образовании Карбасников получил в тридцать семь и сразу с головой окунулся в экспедиционную деятельность. С гидрологическими, геоморфологическими, геодезическими работами Михаил Николаевич объехал всю страну, но больше всего его влекла Архангельская область. Впоследствии он стал доцентом ЛГУ, климатологом.

Владимир Эвальдович Петерсен — механик, водитель аэросаней и радист был технически одаренным человеком. В 1934 году он построил два лоцманских бота и на них вместе с Ермолаевым снова плавал к Новой Земле. В блокадном Ленинграде Петерсен потерял ногу, но до самой смерти (1949) не оставил любимую работу, оставаясь главным инженером яхтенной верфи.

Хребет ЦАГИ назван Ермолаевым в честь Центрального аэрогидродинамического института. На аэросанях его конструкции Ермолаев, Петерсен и Велькен пытались проехать на полярную станцию Мыс Желания, едва не погибнув при этом.

А вот *бухта Володькина*, по словам Михаила Михайловича, носит имя сына Р. Л. Самойловича, проводившего наблюдения за колебаниями уровня моря по футштоку, установленному летом в этой бухте.

В экспедиции 1930 года на ледокольном пароходе «Г. Седов» М. М. Ермолаев и Р. Л. Самойлович помогали геодезисту Г. А. Войцеховскому в съемках Русской Гавани. Схематичная и немая до тех пор карта этих мест заговорила и стала показывать действительные очертания берегов. О том, как рождалась эта карта, рассказывает случайно уцелевший дневник Георгия Анастасьевича Войцеховского, с которым нас познакомила его жена Нина Владимировна.

«Утром сегодня, — записал он 6 августа 1930 года, — я поехал на берег для мензульной съемки. Астрономический пункт наблюдать нельзя, так как пасмурно и моросит дождик. Помочь мне поехал Соколов-Микитов.

Промеряли мы с Иваном Сергеевичем базис рулеткой, и я начал засекать все, что возможно было. Ивана Сергеевича я отпустил, так как засекать можно и одному, а мензула у меня игрушечная, очень легкая».

О находке писателем древнего поморского креста мы рассказали в первой главе. Вторая находка Соколова-Микитова в тот день дала основание назвать в его честь *бухту Микитова*. «В плавнике, густо покрывавшем отлогий берег, — писал сам Иван Сергеевич, — я нашел хорошо сохранившийся переплетенный бронзовой проволокой пробковый буй. На крышке было написано по-английски, что буй принадлежит американской экспедиции Болдуина—Циглера. Мою находку я принес в охотничьей сумке на корабль»*.

Дальше свидетельствует начальник экспедиции О. Ю. Шмидт (его именем в Русской Гавани назван *полуостров Шмидта*): «Мы развинтили его (бук. — С. П.), и, как полагается по Жюль Верну, там оказалась бумажка. Читать было уже моей обязанностью, как редактора Большой советской энциклопедии, которому приходится разбирать самые разнообразные почерки»**.

В записке, датированной 23 июня 1902 года, Болдуин сообщал, что в его экспедиции на ЗФИ все здоровы, но срочно требуется доставка угля для яхты «Америка»...

На другой день с Войцеховским на берег отправился ботаник Савич, «специалист по мхам и лишайникам, одержимый своей наукой». С ним Георгий Анастасьевич жил в одной каюте и очень сдружился. На «Г. Седов» Всеволод Павлович Савич пришел уже опытным экспедиционником, объездив весь Советский Союз и многократно побывав за границей. Правда, все высокие научные посты и звания были еще впереди, но Войцеховский его именем, как бы авансом, назвал *полуостров Савича*.

Пять дней простоял «Г. Седов» в Русской Гавани, принимая с ледакольного парохода «А. Сибиряков» (в его честь названа *бухта Сибирякова*) уголь для дальнейшего плавания. Два года спустя пароход впервые за

* Соколов-Микитов. Пути кораблей, с. 214.

** Шмидт О. Ю. Избранные труды. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960, с. 76.

одну навигацию пройдет весь Северный морской путь, а среди его экипажа будет много участников плавания 1930 года на «Г. Седове», в том числе капитан В. И. Воронин и старпом Ю. К. Хлебников. Их именами Войцеховский в Русской Гавани назвал *бухту Воронина* и *мыс Хлебникова*. С последним мне довелось зимовать в Тикси в пятидесятые годы, когда его ледокол «Капитан Белоусов» остался там на вынужденную зимовку. Однажды Юрий Константинович рассказал, как он тогда, в далеком 1930-м, «попал в историю»:

— С Жоржем Войцеховским мы едва не погибли на ЗФИ, когда возвращались после съемки через забитый льдом залив Меллениуса на тузике. А вот уж чья инициатива была меня, молодого штурмана, поместить на карту Новой Земли, не знаю, хотя не скрою, приятно было видеть на карте мыс и остров Хлебникова. Я же тогда выступил с предложением назвать *мыс Черткова* в честь заслуженного полярного капитана Дмитрия Тимофеевича Черткова, долго командовавшего ледокольным пароходом «Малыгин»...

12 августа 1930 года «Г. Седов» был уже на пути в Карское море. В дневнике Войцеховского читаем: «Целый день сегодня был занят составлением карты по легендам. Я заснял только береговую часть Русской Гавани и ближайшего к ней побережья, а в глубь земли я уходить не мог из-за недостатка времени. Теперь я всех сотрудников экспедиции «исповедую». Каждый приходит ко мне и рассказывает, где он был, что видел и как шел». Вскоре на карте Русской Гавани появились названия в честь этих сотрудников: *мыс Исаченко*, *озера Есипова*, *Ретовского*, *Усачева*, *ледник Лактионова*.

«Сейчас в кают-компани была проба передачи концерта, — записал в тот же день Войцеховский. — В 10 часов будет петь Румянцев, аккомпанирует Визе, для «Сибирякова» и Земли Франца-Иосифа». И на карту нанесен *мыс Румянцева*. Интересно, что артист Московской оперной студии имени Станиславского Павел Иванович Румянцев, увлеченный рассказами своего друга И. С. Соколова-Микитова, пошел в экспедицию завхозом, лишь бы побывать в Арктике. В редкие минуты отдыха певец-баритон по просьбе полярников доставлял им удовольствие своим пением.

В начале тридцатых годов Новая Земля стала объектом самого пристального внимания геологов ВАИ. Осо-

бенно много новых названий они дали в 1933 году. О том, как это делалось, рассказывали начальник экспедиции И. Ф. Пустовалов и топограф А. А. Кураев. Иван Федорович Пустовалов, молодой аспирант Горного института, был направлен Ленинградским обкомом ВКП(б) на работу во Всесоюзный Арктический институт. Всего год он проработал там и еще меньше в возглавляемой им Западно-Новоземельской геологической экспедиции. Но это был звездный год геолога, отмеченный на карте залива Пуховый бухтой *Пустовалова*. Потом он защитил кандидатскую диссертацию, занимал высокие посты в геологических институтах, преподавал, хлебнул лиха в немецком плену, но даже на склоне жизни с особой теплотой вспоминал тот новоземельский год.

Пустовалов назвал в честь своего учителя профессора Дмитрия Васильевича *Наливкина мыс*. В основном же творчество на карте — дело рук топографа Алексея Александровича Кураева. Особенно он любил «крестить» горы. Детальная крупномасштабная съемка, необходимость называть многочисленные мелкие объекты, а главное, уверенность, что их названия дальше рабочих планшетов не пойдут, делали геологов, как именователей, часто слишком уж раскованными и даже «шаловливыми». А потом оказывалось, что съемки на этот район нет, и их топонимы шли на карты, в века...

Вот, например, история названия *гора Верти*, что недалеко от ледника Велькена. Имя ей дал не иностранный ученый муж, а дворняга, приставшая к экспедиции в Архангельске. За подвижность и вертлявость ее назвали Вертя.

— У подножья этой горы мы неожиданно встретили белого медведя, — вспоминал А. А. Кураев. — У меня не оказалось патронов и пришлось позорно удирать, унося на руках рвавшуюся в бой Вертю. Зато в следующий раз она мне спасла жизнь, учуяв на леднике под снегом глубокую трещину и остановив меня лаем.

На *горе Исканий* долго и безуспешно искали астропункт. По этой же причине ближайшую к ней возвышенность называли горой Разочарований. А на *горе Страха* наша группа попала на ползучий ледник. На глазах образовывались трещины, шум, грохот. Испугавшаяся коллектор А. А. Куштысева боялась даже идти, пришлось ее нести на веревках, перспрыгивая через трещины.

Соседнюю возвышенность хотели сначала назвать гора Подружка, а потом решили не мудрствовать — какая уж там «подружка», коль вымотала нас вконец, пока на нее забирались, — назвали гора Соседка. Так она теперь и показывается на картах.

Один из рабочих топографической группы Герман Белов, по словам Кураева, трудолюбивый исполнительный архангелогородец, поражавший всю экспедицию знанием английского языка, тоже «получил» гору. Теперь на юго-западной стороне ледника Иностранцева возвышается гора Германа.

А вот кто и когда именем рулевого экспедиции А. Н. Замятина назвал банку, ни Пустовалов, ни Кураев не смогли сказать. А может, и не ему вовсе обязано своим происхождением это название? Известно, например, что в 1921 году в губу Черную с судна «Беднота» вместе с И. Д. Жонголовичем высаживался старший прораб СГЭ И. Ф. Замятин. Смущает одно: в лоциях это название появилось полтора десятка лет спустя, да и у Северного острова, где находится банка, И. Ф. Замятин вроде бы не работал...

Экспедиция Пустовалова назвала также в честь начальника соседней с севера экспедиции ВАИ Г. В. Горбачьего плато. Сам Герасим Васильевич, по его словам, не любил заниматься не свойственным ему делом номинации, так как считал это государственным делом, но однажды не удержался.

— Я назвал именем Петровского юго-западный входной мыс залива Иванова, — рассказывал он. — Николай Федорович работал в моей экспедиции старшим рабочим и боцманом катера. Безотказный человек! Да вы сами можете с ним поговорить...

Мое письмо к Николаю Федоровичу Петровскому пришло на другой день после его смерти (4 февраля 1970 г.). Вдова, Ольга Владимировна, через пару недель собралась с силами и ответила мне. Обычно боюсь подобных ситуаций, когда своим назойливым любопытством невольно можешь причинить дополнительную боль людям. К сожалению, часто, особенно среди разного рода коллекционеров, встречаются, мягко говоря, нетерпеливые люди. Грош цена такому увлечению, даже если за ним стоит и полезное, общественно значимое дело...

О. В. Петровская познакомила меня со многими моряками и полярниками, хорошо знавшими ее мужа. Доб-

рую память о себе оставил этот человек. После Новой Земли он работал на Чукотке, Таймыре, плавал на патрульном судне ААНИИ «Смольный». С началом Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. Морской пехотинец Петровский отличился в боях под Невской Дубровкой. В сорок третьем его отозвали в Главсевморпути для приемки судов за границей. Семнадцать последних лет он плавал капитаном больших транспортных судов.

А вот из геологической экспедиции Арктического института Б. В. Милорадовича, работавшей юго-восточнее мыса Желания, никого найти не удалось. Из отчетов узнали мы, что *мыс Климова*, расположенный севернее мыса Бисмарка, назван по имени Василия Федоровича Климова, 1913 года рождения. Соседняя бухточка носит имя другого рабочего Михаила Пояркова. Не удалось пока установить, кем была Н. Б. Феофарова, в честь которой Милорадович назвал залив *Наталии* севернее мыса Флиссингского.

Из корреспонденции журналиста Бориса Рейна, напечатанной 23 ноября 1933 года в ленинградской газете «Смена», стало известно, что *река Гришина Шара* поименована «в честь охотника Гриши с мыса Желания, он раньше считал речку проливом вроде Маточкина Шара». Однако фамилию охотника Рейн не назвал.

А вот находящийся неподалеку *мыс Шевченко* вообще расшифровать не удалось — то ли великий Кобзарь имел через участников экспедиции к этому месту отношение, то ли кто-то из близких носил эту фамилию...

Не сразу поддался расшифровке и залив *Екс*, который геологи называли по первым буквам имени, отчества и фамилии коллектора экспедиции Милорадовича Елены Константиновны Сычуговой. Имя ее мужа кандидата геолого-минералогических наук Николая Николаевича Мутафи носят несколько новоземельских географических объектов: бухта, ледник, гора *Мутафи*. За свою короткую жизнь (Николай Николаевич погиб в 32 года в блокадном Ленинграде) он успел поработать на Пяси-не и Таймыре, но больше всего сделал на Новой Земле.

В губе Митюшиха есть *мыс Пранка*. Он назван по имени моториста экспедиций Милорадовича и Мутафи Людвиг Васильевича Пранка.

Геолог Арктического института Илья Давидович Га-

тив, чье имя носит мыс на севере Маточкина Шара, перед самой войной возглавил научно-исследовательский отдел Горно-геологического управления Главсевморпути. В первые же дни Великой Отечественной он вступил добровольцем в народное ополчение и, будучи командиром саперной роты, погиб осенью сорок первого под Новой Ладогой.

На стеле в память о погибших в минувшую войну, установленной в саду ордена Ленина Арктического и антарктического научно-исследовательского института на Фонтанке, золотом выбиты имена Николая Михайловича *Сторожева*, Юрия Константиновича *Чернявского*, воевавших в партизанских отрядах, и Ивана Гавриловича *Овчинникова*, пропавшего без вести на трассе СМП в августе 1942 года. Есть предположение, что самолет летчика Иосифа Денисовича *Черепкова* и штурмана Григория Васильевича *Абросимова*, на котором Овчинников производил ледовую разведку, был сбит зенитной артиллерией фашистского рейдера «Адмирал Шерер». Фамилии этих гидрологов и летчиков мы видим в названиях *мысов* на Земле Франца-Иосифа.

Мыс и *озеро Золотова* названы в честь гидролога Анатолия Николаевича Золотова. Он также погиб в ледовой разведке, но уже после войны — 18 сентября 1948 года. Ли-2 летчика Владимира Александровича *Адамова* (его имя носит *ледниковый купол* острова Гофмана) вследствие внезапно поднявшегося штормового встречного ветра не смог дотянуть до базы. Кончилось горючее, и самолет упал в море юго-западнее Вайгача.

Сын вологодского крестьянина А. Н. Золотов окончил в 1934 году курсы техников-гидрологов при ВАИ. В предвоенные годы он почти непрерывно зимовал на полярных станциях островов Уединения и Тыртова, мысов Челюскин, Шелагский, Оловянный. В сорок втором с группой моряков потопленного в Карском море ледокольного парохода «А. Сибиряков» попал в плен, откуда его освободила Советская Армия.

Сестра В. А. Адамова Ксения Александровна, проживающая в Ярославле, рассказывала, что ее брат тоже едва не попал в плен. В канун Нового 1943 года его тяжелый бомбардировщик 101-го полка авиации дальнего действия был сбит над оккупированной территорией. На двадцать вторые сутки до неузнаваемости исху-

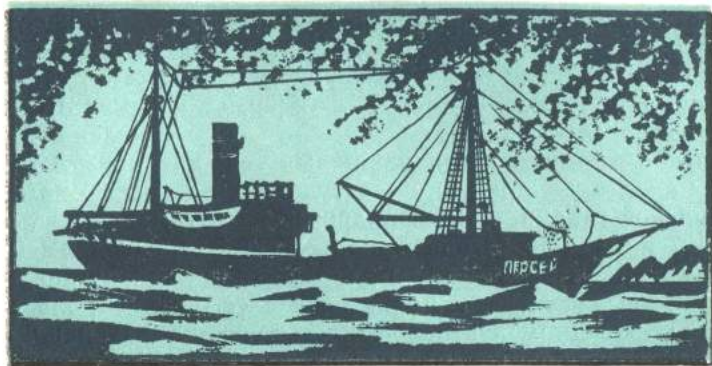
давший, в грязной, изорванной одежде Адамов вышел через линию фронта к своим. Всего за время войны он совершил 98 боевых вылетов с налетом 627 часов.

Есть на Земле Франца-Иосифа ледник *ГAUDИСА* и ледниковый купол *Суворова*, названные в память о сотрудниках ААНИИ, участниках Великой Отечественной войны Александре Ивановиче Гаудисе и Владимире Севастьяновиче Суворове.

В. С. Суворов — механик экспериментально-производственной мастерской, «золотые руки», как его называли в институте. А. И. Гаудис — инженер-гидрограф. Во время героической обороны Ленинграда он был в числе тех, кто изобрел и внедрил стереофотограмметрический метод засечек батарей противника по огневым вспышкам. Два года небольшая группа специалистов днем и особенно ночью, в жару и стужу, под огнем врага в непосредственной близости от передовой несла непрерывную вахту у своих сложных приборов. Гаудис руководил также созданием фотопанорамы левого берега Невы во время высадки десанта в Усть-Тосно. После ранения он некоторое время преподавал в высших морских училищах, а после демобилизации в звании инженер-полковника поступил младшим научным сотрудником в ААНИИ.

В 1964 году мыс Песчаный на острове Грэм-Белл переименован в мыс *Семерых* в память о членах экипажа самолета ледовой разведки во главе с командиром Н. В. МIRONENKO и гидрологов Арктического института Н. П. ИРЕЦКОГО и Д. Н. МУРАТОВА.

И еще одно название на Земле Франца-Иосифа — ледниковый купол *Фролова*, утвержденное решением № 651 Архангельского облисполкома от 26 августа 1963 года, посвящено сотруднику Арктического и антарктического научно-исследовательского института. Известный советский снотик Вячеслав Васильевич Фролов всю жизнь был связан с Арктикой, более десяти лет возглавлял институт, оставив о себе добрую память.

РАБОТЫ ХВАТАЛО ВСЕМ

Декрет Совнаркома от 10 марта 1921 года, подписанный В. И. Лениным, гласил: «В целях всестороннего и планомерного исследования Северных морей, их островов, побережий, имеющих в настоящее время государственное важное значение, учредить при Народном Комиссариате Просвещения Плавающий морской институт... Районом деятельности института определить Северный Ледовитый океан с его морями и устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями РСФСР Европы и Азии»*.

Плавморнин сразу же развернул экспедиционную деятельность на ледокольном пароходе «Малыгин». Ее возглавил коммунист Иван Илларионович Месяцев, чье имя теперь носит *мыс Месяцева*, северная оконечность острова Ева-Лив на Земле Франца-Иосифа.

Хорошо знавший Месяцева академик В. В. Шулейкин так писал о нем: «Чисто выбритый широкоплечий человек в меховой оленьей куртке. Лицо — характерное, будто высеченное из камня. Живые умные глаза. Сын кубанского казака, он попал на далекий Север впервые совсем не по своей воле: его, студента последнего курса Петербургского технологического института, царское правительство выслало на Мурманский берег за участие в революционном студенческом кружке. Там

* Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917—1932 гг. Л.: Морской транспорт, 1959, с. 139.

он познакомился с работой Мурманской биологической станции в Александровске... Прошел срок ссылки, а Месяцев так привязался к морской гидробиологии, так любил природу Заполярья, что решил переменить специальность. Он поступил на Естественное отделение Московского университета и каждый год, на каникулы, отправлялся на практику все туда же, на берег Екатерининской гавани, в Александровск на Мурмане» *.

7 ноября 1922 года Архангельский губисполком докладывал В. И. Ленину и М. И. Калинин: «Плавучий морской институт в Архангельске сегодня, в день Пятой годовщины Октябрьской революции, закончил постройку и оборудование научного судна «Персей» **.

До своей гибели в Мурманске в начале войны «Персей» совершил 84 плавания, пробыв в море две тысячи дней, то есть почти шесть лет, и пройдя свыше 200 тысяч километров. *Залив Персей* на юге острова Вильчека называли в 1955 году. Но еще раньше имя судна получили открытые им обширные *мелководье Персей* в северо-западной части Баренцева моря и *банка Персей* в Карских Воротах.

В отчете по 14-й экспедиции Плавморнина И. И. Месяцев писал, что «Персей» 6 сентября 1927 года из Петуховского Шара направился в губу Логинова, «по пути открыты три непомещенные на существующих картах банки, один большой остров, названный нами островом Самойлова, в память покойного действительного члена Института Я. В. Самойлова, и ряд других островов» ***. Теперь это *остров Пуховый или Самойлова*.

Полуостров Обручева в заливе Пахтусова и *мыс Обручева* в бухте Мака на Северном острове называли геологи в честь участвовавшего в 1925 и 1927 годах в плаваниях «Персея» Сергея Владимировича Обручева, будущего члена-корреспондента Академии наук СССР. В 1929 году вышла его замечательная книга «На „Персее“ по полярным морям». Кстати, на острове Гукера на ЗФИ есть и *ледник Обручева*. Но следует иметь в виду, что назван он в честь отца Сергея Владимировича — тоже геолога, академика Владимира Афанасьевича Об-

* Шулейкин В. В. Дни прожитые. М.: Наука, 1964, с. 114.

** Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917—1932 гг., с. 143.

*** Труды Морского научного института. Т. IV, вып. I, 1929, с. 43.

ручева, в послевоенные годы Героя Социалистического Труда, почетного президента Географического общества СССР.

А вот имя спутницы С. В. Обручева по экспедиции на «Персее» М. В. Кленовой увековечено в Русской Гавани в названии *горы Кленовой*. Однако на некоторых картах я с недоумением читал это название в форме гора Кленовая. У поместивших его даже сомнения не возникло, растут ли там теплолюбивые клены...

Одним из организаторов Плавморнина и участником первого плавания «Персея» был выдающийся советский океанолог Николай Николаевич Зубов. Его имя носит *мыс Зубова* на южном берегу губы Митюшиха. Здесь двадцатисемилетний ученый в 1912 году выполнял съемку на транспорте «Бакан». О Николае Николаевиче мне много рассказывал его младший брат гидрограф Сергей Николаевич Зубов, с которым мы зимовали в пятидесятые годы в Тикси.

— Честолюбив был братец! — не то с осуждением, не то с завистью говорил Зубов-младший. — В юности мечтал совершить подвиг, а потом всю жизнь — открыть новую землю. Это ему всегда помогало быть немного впереди других.

А недавно я прочитал приведенные академиком А. Ф. Трешниковым при описании плавания бота «Николай Книпович» в 1930 году слова старшего Зубова: «Я не верю людям, говорящим, что у них совершенно нет честолюбия. Имеется оно у всех, в том числе и у исследователей, — у последних больше, чем у кого-либо. Имеется честолюбие и у нас. И нам приятно, что мы дошли до 81°20'. Мы не побили рекордов широты. Мы ничего не открыли и не закрыли, но все же о нашем плавлении все будут знать по цепочке глубин, которую мы протянули сюда от самых берегов Норвегии. И все же грустно, что приходится идти на юг»*.

То, что не удалось в тридцатом, Н. Н. Зубов сделал в тридцать втором. Все на том же небольшом ботике он впервые в истории с севера обогнул Землю Франца-Иосифа.

Пришло время покаяться, что по нашей вине в справочниках по топонимике пошла гулять одна существен-

* Трешников А. Ф. Их именами названы корабли науки. Л.: Гидрометеопиздат, 1978, с. 88.

ная неточность. В нашей книге сказано: «*Безбородова* — *мыс* на севере о. Солсбери. Назван советскими картографами в 1955 г. в честь капитана судна «Книпович», впервые в 1932 г. совершившего плавание вокруг ЗФИ, Ильи Николаевича Безбородова (сообщил Б. В. Дубовской)»*.

Официальный справочник поправил меня, опустив слова об обходе Земли Франца-Иосифа, ибо в 1932 году капитаном «Николая Книповича» был Сергей Васильевич Попов, почти полный мой тезка. Но зато переписал нашу ошибку — «именем полярного капитана И. Н. Безбородова»**. Фактически мыс назван по имени капитана Василия Федоровича Безбородова, командовавшего «Николаем Книповичем» в рейсе Зубова в 1930 году. Это говорит о том, что все сведения при подготовке подобного рода литературы надо проверять и перепроверять....

Н. Н. Зубов прожил большую и счастливую жизнь. Руководил научной частью Первой высокоширотной экспедиции на «Садко», когда действительно была открыта земля — остров Ушакова в Карском море. Он возглавлял Государственный океанографический институт (ГОИН), воспитал целую армию учеников, носил высокое воинское звание инженер-контр-адмирала и почетное ученое — заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

Одновременно с Севэксспедицией и Плавморнином гидрологические работы на Новой Земле проводил и Российский гидрологический институт Академии наук, существовавший с 1919 года. О названиях в честь его сотрудников, данных Самойловичем, мы говорили в предыдущей главе. Добавим только, что именами ученых этого института на ЗФИ назван залив *Дерюгина* и *мыс Берга*.

В двадцатые годы значительный расцвет получили новоземельские промыслы. В апреле 1925 года комиссия по присвоению географических названий Главного гидрографического управления под председательством Н. И. Евгенова*** назвала *мыс Запасова*, как сказано в

* Попов С. В., Троицкий В. А. Топонимика морей Советской Арктики, с. 89.

** Справочник..., с. 29.

*** В ее состав входили В. С. Лукьянов, В. П. Александров, П. Е. Федоров, А. П. Архипов (ЦГАВМФ, ф. Р-739, оп. 1, д. 21, л. 46).

протоколе, «в честь старейшего промышленника Новой Земли». Яков Запасов проживал в Пуховой губе с восьмидесятих годов прошлого века, был выселен за «самовольство» и вновь вернулся сюда с Печоры, жил в Маточкином Шаре с женой, снохой и шестилетней внучкой. Потом перебрался в стан Ольгинский в Крестовую губу, а еще позже — в губу Мелкую, в избу Цивольки, поближе к промыслу.

В 1910 году с ним встречался Н. В. Пинегин. «Запасову шестой десяток, но седины почти не видно, — пишет он. — Взлохмаченная борода. Потрепанная одежонка. Я с уважением смотрел на этого невзрачного на вид человечка... Усов передавал нам, как бедствовал зимой Запасов на Карской стороне, когда медведь увел за собой на плавающий лед собак вместе с санями и провиантом и Яков остался без продовольствия, с одной винтовкой. Шел он полторы недели к своей избушке, спасаясь в сугробах во время свирепых новоземельских восток. Полуживого, с отмороженными ногами, подобрали его ненцы у Кармакульского становища» *.

7 сентября 1927 года экспедиция на «Персее» по указанию местных промышленников нашла на косе острова Средний в проливе Никольский Шар небольшой бот с останками промышленника из Териберки Афанасия Григорьевича Рослякова. Из обнаруженного дневника стало известно, что Росляков остался зимовать вдвоем с каким-то стариком, который вскоре умер. Последняя запись датирована 17 февраля 1925 года. С. В. Обручев потом расшифровал дневник и опубликовал выдержки из него. «Целый месяц Росляков лежал один, — описывает Обручев последние дни промышленника. — День ото дня слабея, не в силах выходить на палубу. Там, быть может, уже показалось солнце, а здесь — только коптящая лампа (пока хватало сил ее зажигать). Холодная палуба над головой обросла инеем, а за ней гудят в такелаже штормы. Мачта уныло скрипит, трещит лед...» **. Вскоре безымянная выемка в северо-восточном берегу губы Заблудящей получила название *губа Рослякова*.

Целая россыпь имен промышленников имеется в за-

* Пинегин Н. В. Записки полярника. М.: Географгиз, 1952, с. 67—68.

** Обручев С. В. Таинственные истории. М.: Мысль, 1973, с. 63.

ливе Синельникова, по свидетельству гидрографа В. М. Никитина, названного в честь уполномоченного Комитета содействия малым народностям Севера, отвечавшего за снабжение промысловых становищ. *Мыс Усова* носит имя упоминавшегося промышленника. Утверждение официального справочника о том, что он назван в честь штабс-капитана, активного участника новоземельских съемок в конце прошлого века, представляется нам неверным. Невероятно, чтобы в середине двадцатых годов кто-то вспомнил малонизвестного офицера. Да и большая кучность имен промышленников в этом месте кое о чем говорит. Правда, фамилии русские, распространенные, сведения о них в литературе и в архивах весьма скудные.

Известно, например, что в 1927 году в Малых Кармакулах промыслял М. Г. Кузнецов, а чуть позже руководил промысловой артелью «Глетчер» Ф. М. Кузнецов. Только письменное свидетельство промышленника И. С. Лодыгина позволило установить, что *мыс Кузнецова* назван по имени Василия Ефимовича Кузнецова (ум. около 1942 г.), в этом месте его оторвало с припасом, унесло в море, а затем прибило обратно. А вот *мыс Колосова* и *остров Журавлева* носят имена старых промышленников И. Г. Колосова и П. М. Журавлева. Утверждение, что Русанов в 1910 году сопровождал механик Сергей Александрович Журавлев, спутник Г. А. Ушакова по первой описи Северной Земли, и что его именем назван остров*, неверно. Во-первых, каюра Журавлева звали Сергеем Прокопьевичем и он не был механиком, а во-вторых, ему было в это время всего двадцать лет, вряд ли он мог получить большую известность в такие годы. Остров, несомненно, назван в честь его отца Прокопия Матвеевича (это подтверждает и промышленник И. С. Лодыгин), долгое время промышлявшего на Новой Земле. Он умер в 1942 году на озере за селом Уйма под Архангельском, где, несмотря на солидный возраст, заготавливал рыбу для Беломорской военной флотилии.

У северо-восточных берегов Новой Земли есть *скала Котлова*, названная по имени Ивана Андриановича Котлова, организовавшего в 1935 году промысловое становище на Оранских островах. И. А. Котлов несколько лет

* Владимир Александрович Русанов, с. 158.

возглавлял так называемую яичную экспедицию, потом работал в торговой конторе Диксона, помогал развешивать большую промысловую зимовку на Таймыре в бухте Марии Прончищевой.

После Октябрьской революции на Новой Земле возникло несколько промысловых станововищ. Одни получили имена исследователей: *Пахтусово*, *Русаново*, другие — государственных деятелей: *Красино* (в Черной губе), *Смидовича* (в губе Катерная). Л. Б. Красин имел непосредственное отношение к организации первых Карских транспортных экспедиций, П. Г. Смидович был председателем Комитета содействия малым народностям Севера. В начале тридцатых годов геологи назвали мысы *Куйбышева* и *Большевик* на западном побережье Новой Земли.

Особая роль в освоении новоземельских берегов принадлежит капитанам. *Губа* и *залив Воронина* на юго-западном побережье названы в честь Владимира Ивановича Воронина, *губа Ерохина* в проливе Костин Шар — в честь Бориса Ивановича Ерохина. Последний, окончив Архангельскую мореходку, до своей скоропостижной смерти на борту ледокольного парохода «В. Русанов» в 1933 году с Севером не расставался.

Выдающийся зимний рейс к берегам Новой Земли по оказанию помощи в снабжении промышленным зимовьям совершил в 1933 году ледокол «Красин». 18 февраля он вышел из Ленинграда, 17 марта был в Мурманске, а затем посетил Лагерное, Архангельскую губу, Русскую Гавань, мыс Желания, губу Крестовую. Ледоколом командовал Яков Петрович Легздин. Он и начальник экспедиции М. И. Шевелев за этот рейс одними из первых среди торговых моряков и полярников были награждены орденом Ленина. А на карте Северного острова появился *залив Легздина*.

В тот год на долю Я. П. Легздина выпало еще одно большое испытание. Он водил «Красин» на помощь ЭПРОНу, спасавшему у берегов Шпицбергена севший на прибрежные камни ледокольный пароход «Малыгин». После успешного завершения небывалой по сложности спасательной операции «Красин» должен был сопровождать на переходе в Мурманск небольшой спасательный пароход «Руслан». Последний не стал ожидать задержавшийся в Баренцбурге «Красин» и направился в море, решив подождать его у кромки льдов. Внезапно на-

чавшийся шторм, а затем оледенение привели к гибели «Руслана». В наступившей ночи и непогоде спасательные шлюпки в океане сразу обнаружить не удалось. Лишь на шестой день норвежская шхуна подобрала трех человек в крайне тяжелом состоянии. Уже в наши дни на ЗФИ появился *пролив Руслан* и *мыс Легздина*.

Сын латышского рыбака, участник Видлицкого десанта на Ладого, Легздин на Север попал случайно. После демобилизации он работал в Ленинградском порту старшим помощником капитана ледокола «Трувор». В 1928 году, когда спешно комплектовалась команда «Красина» для спасения экипажа дирижабля У. Нобиле, его зачислили четвертым помощником. Больше с Арктикой Легздин не расставался...

Помимо геологов ВАИ в тридцатые годы на Новой Земле работали также геологи Северо-Западного горно-разведочного управления. *Бухта Брача* в губе Митюшиха носит имя начальника отряда этого управления Петра Августовича Брача, а *бухта Шапошникова* в заливе Пахтусова — топографа этого управления М. С. Шапошникова, работавшего здесь в 1931 году.

Образованная в 1933 году Полярная гидрография, так мы будем впредь называть Гидрографическое управление Главсевморпути и его подразделения на трассе, получила от своих предшественников достаточно полные карты Новой Земли. Ее усилия здесь были сосредоточены в первую очередь на обследование новоземельских проливов. Одним из первых судов Полярной гидрографии был уже упоминавшийся нами «Эклипс», переименованный в «Ломоносов». Вскоре гидрографы на восточном побережье Северного острова назвали *мыс Шхуны «Ломоносов»*, а именем ее капитана Федора Михайловича Щепетова — *пролив*, который теперь известен как *Опытный*. Это судно, как и парусно-моторный бот «Мурманец», полярные гидрографы арендовали на период навигации.

«Мурманец» в Норвегии носил имя «Сторис» и предназначался для ловли селедки и добычи тюленя у берегов Гренландии. У нас в стране его ждала слава корабля науки — он по очереди работал и на гидрографов, и на ученых АНИИ. В 1935 году он собственным корпусом открыл *банку Мурманец* в Русской Гавани. В 1938 году судно было награждено орденом Трудового Красного Знамени за снятие папанинцев со льдины. Этот

небольшой бот стал прекрасной школой для многих прославленных моряков. Недаром говорят, на деревянных судах плавают железные люди. Несколько лет «Мурманцем» командовал замечательный моряк-помор Георгий Федорович Сулаков, геройски погибший в суровом сорок втором вместе с легендарным «А. Сибиряковым», на котором плавал старшим помощником командира. Его имя теперь носит *мыс Сулакова* на востоке острова Чамп на ЗФИ. В честь другого довоенного капитана «Мурманца» Мстислава Евгеньевича Шадрина назван *мыс Шадрина* западнее Амдермы.

В годы войны «Мурманец» неоднократно уходил из Архангельска не только на ледовую и гидрографическую разведку, но и на оперативную. В дневнике научного руководителя ледового патруля В. С. Назарова 7 июля 1942 года есть такая запись: «Накануне на боте «Мурманец» были закончены последние приготовления: большая блестящая модель ордена Трудового Красного Знамени, прикрепленная на мостике, закрашена серой краской». Все, как у солдат, уходивших в разведку и сдававших свои ордена помполиту...

Именно в эти дни переживал трагедию караван PQ-17, брошенный на произвол судьбы союзным флотом. Большая часть спасенных с потопленных фашистами судов каравана — более шестидесяти человек — была подобрана «Мурманцем», единственным судном, оказавшимся в это время у берегов Новой Земли. Им же первым был обнаружен в районе мыса Желания и фашистский подводный разведчик, торивший путь для рейдера «Адмирал Шеер», начинавшего операцию «Вундерланд». Вражеская субмарина вскоре обстреляла полярную станцию Мыс Желания. Бот в это время скрывался в «своей» бухте, как будто специально названной еще десять лет назад геологами *бухтой Мурманец*. Капитан П. И. Котцов, поднявшись в наблюдательную бочку на мачте, даже видел пожарище. Но что мог сделать небольшой бот, главным и единственным оружием которого была скрытность... В тот день даже срок радиосвязи пропустили, чтобы не выдать себя.

Неоценимыми были сведения о ледовой и оперативной обстановке, которые сообщал командованию экипаж «Мурманца». Но значительной была и его помощь по доставке грузов на зимовки, куда из-за нехватки кораблей охранения нельзя было послать большие суда. Имя

этого героического судна носят *пролив Мурманец* между островами Плоский и Цивольки, которым он первым прошел в 1936 году, и второй *пролив Мурманец* на Земле Франца-Иосифа.

В 1936 году на карте восточного берега Северного острова появилось название *бухта Политотделец*. Его дал гидрографический отряд С. Д. Лаппо в честь своего судна. Наконец-то у полярных гидрографов появились гидрографические суда. И хотя строились они по проекту деревянного парусно-моторного зверобойного судна «Смольный» водоизмещением 440 тонн, скорость имели всего 7 узлов, не все на них было продумано, а исполнено в спешке так просто плохо, с многочисленными дефектами и недоделками, но это были свои суда.

«Политотделец» прибыл в район работ у восточного побережья Новой Земли 13 сентября 1936 года и сразу же приступил к промеру. Единственному квалифицированному гидрографу, начальнику отряда Сергею Дмитриевичу Лаппо, помогали все. «Н. А. Солнцев — аспирант Московского государственного университета впервые участвовал в морской экспедиции, — писал Лаппо. — Благодаря старательности и вниманию к делу он быстро освоил приемы обращения с секстаном для измерения наземных углов, наблюдения течений вертушкой Экмана, взятия проб воды батометром, измерения глубин лотом». В промере участвовали капитан И. М. Хренов, механик А. Чумаков. Даже завхоз экспедиции бывший черноморский матрос Н. И. Бубнов занял место лотового. На берегу трудились топографы И. М. Калиткин, С. С. Мокин, Н. С. Юдов. Экспедиция впервые дала достоверные очертания труднодоступного участка побережья от мыса Пять Пальцев до мыса Крашенинникова и севернее. На карте появились *бухта Солнцева (Бурная)*, *мысы Хренова (Отвесный)*, *Чумакова (Правый)*, *острова Бубнова (Безводный)*, *Мокина (Горбатый)*, *Юдова (Плоский)*. Тогда же С. Д. Лаппо в честь заместителя начальника Гидрографического управления ГУСМП Иннокентия Михайловича Суслова назвал *мыс*, который теперь называется *Перевальный*. *Пролив Хохлина*, названный именем капитана шхуны «Нерпа» (ее имя носит на ЗФИ небольшой островок *Нерпа*), одной из первых прошедшей этим проливом, теперь называется *проливом Промысловым*.

К сожалению, на современных картах названия в

честь первопроходцев этих мест по чьей-то недоброй воле заменены совершенно безликими и невыразительными. Сохранился лишь *остров Калиткина*, названный по имени топографа экспедиции Ивана Михайловича Калиткина, который до семидесятых годов работал заместителем начальника Полярной гидрографии, а прежде начальником Архангельской гидробазы.

Имя еще одного полярного гидрографа удержалось на карте Новой Земли — это названный в 1936 году *мыс Киреева* в заливе Благополучия... Свою первую награду — серебряную итальянскую медаль Иван Алексеевич Киреев получил за участие в сражении, в котором не было грома орудий. В декабре 1908 года во время разрушительного землетрясения в Сицилии гардемарин Киреев вместе с моряками русской эскадры боролся со стихией за жизнь итальянских детей и женщин. Несколько дней кряду в огне пожаров, рискуя быть погребенным под обломками при продолжавшихся толчках, спасал он жителей Мессины. В годы первой мировой войны личный героизм лейтенанта Киреева был отмечен пятью боевыми наградами. В то время его специальностью была борьба с коварной и невидимой под водой минной опасностью, и тогда же он получил признание как крупнейший теоретик и практик боевого траления. После Великого Октября Киреев оставался на посту флагманского штурмана дивизии траления. Руководя отрядом по очистке от мин фарватера из Кронштадта в Лужскую губу, Иван Алексеевич вместе с подчиненными работал по пояс в ледяной воде, простудился и тяжело заболел. Вскоре по состоянию здоровья ему пришлось оставить военную службу.

Лишь в 1934 году И. А. Киреев попадает на Север, о котором мечтал давно. Гидрографический отряд, который он возглавлял на «Г. Седове», в тот год только попытался проникнуть в малоизученную северо-восточную часть Карского моря. На следующий год он пришел сюда на ледокольном пароходе «Малыгин» с большой комплексной экспедицией, которая разобралась наконец в многочисленных географических открытиях, сделанных здесь в начале тридцатых годов, уточнила местоположение многих островов и архипелагов, открыла четыре новых острова в архипелаге Сергея Кирова. В Русской Гавани работала подчиненная Кирееву отдельная гидрографическая партия Я. К. Смирницкого, назвавшая

здесь в честь своего топографа Мстислава Михайловича *Стрельчени озеро и полуостров*.

В 1937—1938 годах И. А. Киреев участвует в зимнем дрейфе ледокольных пароходов «Г. Седов», «Садко» и «Малыин» в северо-восточной части моря Лаптевых, во время которого был окончательно развеян миф о легендарной Земле Санникова. Великая Отечественная война застала Киреева в Ленинграде. К тому времени он снова служил в рядах ВМФ. В блокадном городе Иван Алексеевич выполнял ответственные поручения по противоминной обороне. Имя Киреева вспоминают многие авторы военных мемуаров, в частности адмирал Ю. А. Пантелеев...

На этом история номинации Новой Земли в основном закончилась. Конечно, уточняющие съемки производились и позже. И даже новые названия появлялись. Особенно много их по предложению Северной гидрографической экспедиции утвердил Архангельский облисполком 15 октября 1958 года. К сожалению, вряд ли стоит о них подробно рассказывать, ибо эти названия явно не украшают карту архипелага. Гидрографы, проделав большие съемочные работы, выявив много новых физико-географических объектов, отнеслись к процессу их названия формально, по-канцелярски, только бы назвать. При этом не учитывались ни традиции, ни сформулированные к этому времени законы топонимики, ни даже особенности называемых объектов. На карте западного побережья Новой Земли появились названия-уродцы: *мысы Бурун, Голова, Горб, Круча, Мизинец, Ориентир, Сопка, Рог, Терраса*.

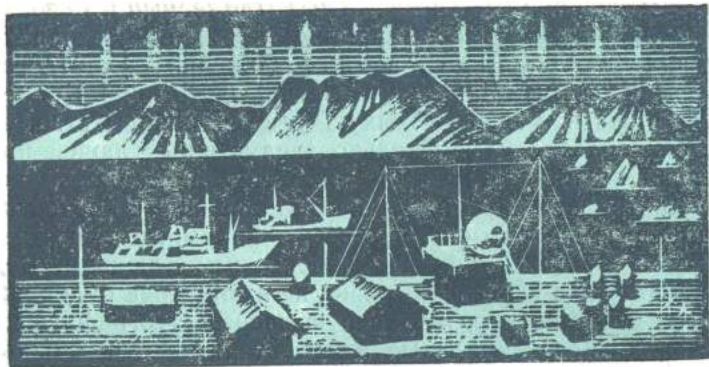
Авторов этих названий не смущало, что они не только нарушают нормы русского языка, но и помещают на карты «ребусы». Какой смысл может быть, например, в названии *мыс Бора*? То ли судно такое было, то ли в этом месте особенно часто свирепствует новоземельский сток, бора?..

Да и названия в традиционной форме прилагательных мало что говорят, например: *мысы Конечный, Кремнистый, Прибойный, Рыхлый, Темный, Якорный, остров Овражный, бухта Спокойная*. За последние годы подобного рода безликих названий в Арктике появилось много. Они делают карты и лоции скучными, трудноиспользуемыми. К таким названиям часто, чтобы не спутать их с одноименными, приходится добавлять уточняющие

данные, где они находятся. *Мысы Промерный* и *Раздельный*, например, есть в настоящее время во всех арктических морях и почти во всех больших архипелагах. Десятки, сотни Медвежьих, Песчаных, Длинных, Средних, Южных убивают всякую мысль, любопытство, зевотой сводят скулы. Сколько заслуженных людей признавались, что не было для них интереснее занятия, чем рассматривать карту! Юношеские общения с картой поманили их за горизонт, сделали моряками, путешественниками, равнодушными, любопытными людьми. Ведь не завитушки береговой линии, не извивы рек будоражили их воображение, а в первую очередь географические названия — оригинальные и неповторимые. За каждым из них — событие, люди, действие.

Арктика до сих пор пока в основном пустынна и однообразна. Именно поэтому там появилась традиция называть острова, мысы, проливы не только по природным признакам, но и по именам людей, которых так недостает в этих краях. Названия со смыслом в этом пустынном крае греют, напоминают о жизни. Что же будет с Арктикой, если мы населим ее еще и скучными, безликими наименованиями? На юге человек вкладывал в название какой-то изначальный смысл, оно проходило испытание временем, подвергалось влиянию разных языков. Названия многих рек Европейской России в переводе означают «вода». Но разве мы спутаем Волгу, Дон, Москву, Колву?

В Арктике пати́на времени не покрыла еще названия. Люди не успели поработать с ними, обкатать. Поэтому нельзя плодить их казенно и бездумно. Ведь можно было бы все новоземельские мысы, например, пронумеровать. Но тогда будет график, схема — все что угодно, только не карта. Физики с их математическим аппаратом оседлали карту, надо чтобы на ней осталось место и лирикам.

ПОСЛЕДНИЕ НАЗВАНИЯ ЗФИ

Земле Франца-Иосифа мы посвящаем еще одну главу, последнюю. Комплексное освоение архипелага стало возможным лишь после Великого Октября. Хотя все наиболее крупные объекты были названы еще до революции, формирование топонимии архипелага завершилось в основном в послевоенное время. Советские картографы не только сохранили традиционный принцип мемориальной номинации, но и проявили большую терпимость к именам, которые для них зачастую равным счетом ничего не значили.

В процессе именовании участвовали все создатели карты — и на месте в Арктике, и при обработке материала на Большой земле. Ввиду необходимости называть массу мелких объектов на карту были «призваны» новые имена многих людей. Это были люди разных специальностей, но обычно они имели непосредственное отношение к Северу, причем не только к архипелагу, а вообще к Западному сектору Арктики. Так возникла своего рода советская полярная летопись в географических названиях. Эта уникальная, на наш взгляд, топонимия достойна советского периода покорения высоких широт, который называют героическим.

О многих топонимах ЗФИ говорилось в предыдущих главах. Все оставшиеся мы объединили в четыре группы — названия в честь ученых, капитанов и судов, летчиков, полярных гидрографов. Так будет легче воспринимать эту своеобразную мемориальную доску.

Не знаю даже, в какую из этих групп отнести Николая Васильевича Пинегина. Он руководил научными экспедициями и полярными станциями, одним из первых поднимался в небо Новой Земли, плавал, занимался гидрографическими съемками. Мы говорили о нем как о друге и спутнике Г. Я. Седова, его биографе. Но о Пинегине можно было рассказать и в главе о художнике А. А. Борисове, ведь Николай Васильевич тоже окончил Академию художеств и мог считать себя куинджистом как дважды лауреат премии имени А. И. Куинджи. Можно было вести о нем речь и как о сотруднике Северной гидрографической экспедиции и Арктического института...

«А все-таки, что же доминировало в этом человеческом многообразии? Что правило поступками и устремлениями этой неукротимой натуры? — спрашивает друг Пинегина писатель Илья Бражнин и тут же отвечает себе: — Мне кажется, В. Каверин верно угадал Пинегина, сказав в упоминавшейся мною статье: «У него была душа путешественника». Это очень хорошо и очень точно объясняет генеральную линию жизни Пинегина. Он был вечно в пути. Он шагал, ехал, плыл, летел и снова мчал вперед и вперед, и так всю сознательную жизнь»*.

Имя *Пинегина* носит *мыс* и *озеро* на Земле Франца-Иосифа. А вот *ледник* и *бухту Юрия* Николай Васильевич называл еще во время седовской экспедиции в честь старшего сына Георгия Николаевича Пинегина (1908—1963), который позже тоже работал в Арктике, потом участвовал в Великой Отечественной войне, с которой вернулся инвалидом. Друг Н. В. Пинегина В. Ю. Визе, многократно бывавший на Земле Франца-Иосифа и написавший обстоятельную историю ее исследования, тоже «имеет» здесь *мыс* и *ледник*.

Названия 1955 года *мысы Анучина, Воейкова, Карпинского, острова Броунова* вряд ли требуют пояснения, тем более что об этих ученых мы уже рассказывали. А вот *риффы Лесгафта* носят имя профессора Эмилия Францевича Лесгафта (ум. в 1922 г.), привлечшего внимание именователей изданным в 1913 году трудом «Льды Северного Ледовитого океана», долго не терявшим своего научного значения. *Острова Борисяка* названы в честь советского геолога и палеонтолога Алексея Алек-

* Бражнин, Илья. Сумка волшебника. Лениздат, 1978, с. 312.

сеевича Борисьяка, полтора десятка лет возглавлявшего созданный им Палеонтологический институт Академии наук СССР.

Ученого-геодезиста Феодосия Николаевича *Красовского* (*мыс* на юге острова Брейди) знают все картографы, в том числе и полярные, хотя в Арктике он не работал. Этому препятствовало тяжелое заболевание сердца, которым он страдал с семнадцати лет.

Скалы Заварицкого носят имя геолога академика Александра Николаевича Заварицкого. Поводом для нанесения на карту *мысов Быстрова* и *Рухина* на острове Джексона послужила почти одновременная кончина ученых — палеонтолога Алексея Петровича Быстрова и геолога Льва Борисовича Рухина.

В названии *полуострова Сумгина* на юго-западе острова Земля Георга полярники увековечили имя мерзлотоведа Михаила Ивановича Сумгина. Он создал теорию происхождения «русского сфинкса» — так Сумгин называл вечную мерзлоту, охватившую почти половину России, наметил практические мероприятия по борьбе с ее вредным влиянием в народном хозяйстве.

Метеоролога Бориса Помпеевича *Мультановского*, чье имя носит *мыс* на Земле Георга, помнят как основоположника методов долгосрочных прогнозов в Арктике, а географа и геоботаника Бориса Николаевича *Городкова* (*мыс* на западе острова Грили) — как создателя курса тундроведения. За тридцать девять лет он участвовал в двадцати шести экспедициях и практически объехал все тундры страны. На Земле Франца-Иосифа Городков побывал в 1948 году на ледокольном пароходе «С. Дежнев» (*залив Дежнева* находится на востоке Земли Александры) в свою предпоследнюю экспедицию.

Мыс Красин назван в 1953 году в честь ледокола, спасавшего в 1928 году экспедицию Умберто Нобиле и неподалеку, на мысе Ниль, поднявшего советский флаг. Любопытно, что из всего экипажа дирижабля «Италия» на архипелаге увековечен лишь профессор Миланского университета физик Густав Понтремоли. После удара о лед облегченный дирижабль унес профессора и пятерых его товарищей в неизвестность. В 1931 году в память о нем В. Ю. Визе назвал небольшую группу *островов Понтремоли*.

А *проливы Лаврова* и *Березкина* — память о двух участниках поисков дирижабля Нобиле. Алексей Модес-

тович Лавров — член многих арктических экспедиций, ученый секретарь Полярной комиссии — ходил на ледокольном пароходе «Малыгин», океанолог Всеволод Александрович Березкин — на «Красине».

В 1923 году Березкин выполнил большие гидрологические наблюдения, результатом их стала опубликованная через два года работа «Приливы на Новой Земле». Его старший товарищ В. Ю. Визе вспоминал: «В то время он был еще начинающим гидрологом, но горячая любовь и преданность своему делу уже тогда выделяли его. Не имея на Новой Земле в своем распоряжении подходящих плавучих средств, В. А. Березкин нередко пускался в море на шлюпке, на которой работал один в течение целых суток, а иногда и дольше. Бывали случаи, что увлекшегося работой гидролога заставлял шторм и он едва-едва спасался»*.

А через пять лет Р. Л. Самойлович характеризовал его как опытного геофизика. «В. А. Березкин, — писал он, — принадлежал к числу тех людей, которые никогда не сидят без дела. Бодрый, энергичный, он всегда был чем-нибудь занят»**.

Березкин ходил во многие арктические экспедиции — по исследованию Северной Земли на «Таймыре», в сквозной поход по трассе Северного морского пути на ледорезе «Ф. Литке», в Первую высокоширотную на «Садко». Умер Всеволод Александрович рано, не дожив и до пятидесяти. «Несомненно, сделали свое дело бессонные ночи в облаках табачного дыма за письменным столом, где готовилось новое издание книги о приливах, волнах, течениях...» — писал друг инженер-контр-адмирала Березкина академик В. В. Шулейкин***.

Двадцатилетний Иван Маркелович Иванов (*остров Иванова* лежит около восточного берега острова Райнера) в экспедиции Самойловича на «Красине» стал незаменимым помощником и начальнику экспедиции, являясь его секретарем, и выполнявшему попутные гидрологические работы В. А. Березкину. «Иванов оказался человеком веселого нрава и в свободную минуту в кают-компании не прочь был поохотать, сплясать русского

* Визе В. Ю. Владивосток—Мурманск на «Литке». Л.: Главсевморпути, 1936, с. 5.

** Самойлович Р. Л. На спасение экспедиции Нобиле. Л.: Гидрометеиздат, 1967, с. 27.

*** Шулейкин В. В. Дни прожитые, с. 306.

и посмеяться с товарищами», — вспоминал Р. Л. Самойлович*. В 1930—1931 годах он был начальником полярной станции Бухта Тихая. Потом вел большую преподавательскую работу в университете, а после войны помогал немецким друзьям восстанавливать высшую школу в ГДР.

Экспедиция геолога Т. П. Спизарского в 1934 году назвала юго-западную оконечность острова Нансена *мысом Ушакова* в честь исследователя острова Врангеля и Северной Земли Георгия Алексеевича Ушакова. Тогда же геологи в память о советских государственных деятелях Анатолии Васильевиче Луначарском и Сергее Мироновиче Кирове назвали *утес Луначарского* и *ледник Кирова*.

Земля Франца-Иосифа была основной базой для советской воздушной экспедиции, высадившей в мае 1937 года на Северный полюс четверку папанинцев. Трое из них зимовали здесь, а Е. К. Федоров даже совершил в 1933 году съёмочный маршрут по архипелагу. Открытые им здесь *острова Октябрята* можно найти на современной карте. Полярная *обсерватория имени Э. Т. Кренкеля* на острове Хейса, *бухта* и *озеро Ширшова* — память о папанинцах.

О капитанских именах ЗФИ говорилось много. И снова мы начнем с Владимира Ивановича Воронина, уж очень велик его непосредственный вклад в изучение архангельских архипелагов. *Мыс* и *ледник Воронина* носят его имя. Он командовал ледокольным пароходом «Г. Седов», с которого в 1929 и 1930 годах организована первая полярная станция на архипелаге. Именно тогда родилось содружество В. И. Воронина и О. Ю. Шмидта, имевшее большие последствия для судеб Советской Арктики и Северного морского пути. Именно тогда арктический дебютант Отто Юльевич Шмидт записал: «В лице В. И. Воронина экспедиция имела исключительно талантливого и опытного судоводителя. Происходя из помор, Владимир Иванович с детства свыкся с северными морями и постепенно приобрел исключительное чутье и умение разбираться в сложной картине движущихся льдов. Очень важно для экспедиции было и то, что В. И. Воронин с горячим интересом и глубоким уважением относился к научной работе. Благодаря этому

* Самойлович Р. Л., с. 28.

сложная проблема сочетания интересов судоводительства и научной работы, стоявшая на пути многих экспедиций, у нас всегда разрешалась легко и просто»*.

Павел Георгиевич Миловзоров, чьим именем названы *риффы Миловзорова*, пожалуй, даже не бывал на ЗФИ. Во всяком случае мы с дочерью капитана Ириной Павловной тщательно перебрали его плавания и не нашли походов к самому северному советскому архипелагу. Но первопроходческая роль его в налаживании транспортных колымских рейсов, плаваний к острову Врангеля чрезвычайно велика.

Мысы Белоусова, Мелехова и Николаева носят имена прославленных ледовых капитанов, главной заслугой которых также было освоение Северного морского пути. Николай Михайлович Николаев, например, лишь однажды во время Первой высокоширотной экспедиции пытался с «Садко» высадить партию для постройки навигационного знака на острове Грэм-Белл, однако вынужден был отказаться от этого из-за внезапно ухудшившейся ледовой обстановки.

А вот Артур Карлович *Бурке* (бухта его имени вдается в северный берег острова Луиджи) и Николай Иванович *Хромцов* (мыс и ледниковый купол) ходили на ЗФИ, обеспечивая завоз грузов для местных полярных станций и экспедиций. В сентябре 1936 года «Садко» под командованием Хромцова специально пробивался к острову Рудольфа, чтобы выручить плененный льдами «В. Русанов», которым командовал Бурке. Последний сумел самостоятельно вырваться на чистую воду, и суда встретились у острова Джексона.

Пролив Садко носит имя ледокольного парохода, который семнадцать лет пролежал на дне Кандалакшского залива, прежде чем Краснознаменный ЭПРОН поднял его в 1933 году. Введенный в строй архангельскими кораблями, он стал лидером высокоширотных экспедиций. Погиб «Садко» осенью сорок первого, наскочив на необследованное мелководье в центральной части Карского моря.

Островок Аполлонова в проливе Американский назван по предложению редакции Бюллетеня Арктического института в честь капитана бота «Смольный» Д. М. Аполлонова, в 1933 году подтвердившего существование это-

* Шмидт О. Ю. Избранные труды, с. 32.

го острова. Дмитрий Михайлович с 1917 года выполнял гидрографические работы на Севере, участвовал в ледовых патрулях ААНИИ. Он погиб во время ленинградской блокады.

Именами капитанов судов Полярной гидрографии названы мысы *Бердникова* и *Радзеевского*, пролив *Стрельцова*. Капитан ледокольного парохода «Малыгин» Николай Васильевич Бердников погиб во время шторма в октябре 1940 года в Беринговом море. Капитан-лейтенант Радзеевский — во время боевого траления в сентябре сорок четвертого в Капорском заливе на Балтике. Перед войной Виктор Александрович Радзеевский командовал судном «Торос», осуществившим две первые автономные зимовки для гидрографического исследования архипелага Норденшельда.

Мыс Исследователя, проливы *Вихрь*, *Гидросевер*, *Яна* названы в честь гидрографических судов Полярной гидрографии. На последнем Семен Платонович Антонов, чье имя на Земле Александры носит бухта Капитана Антонова, работал после войны. К этому времени он имел громадный плавательский опыт во всех морях, а с 1939 года в Полярной гидрографии. «Яну», «Донец» и другие им подобные суда только называли гидрографическими. Фактически это были старые трофейные сухогрузы, наскоро приспособленные для исследовательских работ. Они пожирали массу угля, имели небольшую скорость и солидную осадку, что уж совсем плохо для гидрографических судов, и все же под командованием Антонова каждую навигацию проходили тысячи миль. На карты ложились новые и новые цепочки глубин. Северный морской путь становился безопаснее, доступнее...

Небольшие островки *Иеске* носят имя одного из первых русских летчиков Николая Мартыновича Иеске. В 1924—1926 годах он первым облетел почти всю Сибирь на единственном в то время в крае самолете «Сибревком». В истории авиации остались его первые полеты над Альпами, Карпатами, Гиндукушем. Умер Н. М. Иеске в январе 1937 года на острове Рудольфа.

Большую роль в изучении высоких широт сыграли перелеты советских авиаторов в тридцатые годы. Именем выдающегося летчика нашего времени Валерия Павловича Чкалова, совершившего в 1936 году перелет Москва—Петропавловск-Камчатский—остров Удд, а в

1937-м установившего мировой рекорд дальнего полета без посадки по маршруту Москва—Северный полюс—Ванкувер, назван *мыс* на острове Чамп.

Об известном полярном летчике Сигизмунде Александровиче Леваневском и членах его героического экипажа, без вести пропавших во время трансарктического перелета, напоминают *остров Леваневского, мысы Левченко, Галковского, Побежимова*.

На долю сына питерского дворника Сигизмунда Леваневского выпало много испытаний, прежде чем он стал летчиком. Голодное детство после смерти отца, ранняя самостоятельная трудовая жизнь, в пятнадцать лет добровольное вступление в Красную Армию, ранения, сыпняк, возвратный тиф и почти все фронты гражданской. Когда семья решила перебраться ради сытой жизни в Польшу к родственникам, совсем юный красноармеец предпочел Родину. А потом Севастопольская летная школа. Много позже Герой Советского Союза М. В. Водопьянов писал: «Леваневский был, как считали мы, его друзья-летчики, очень хорошим, но «небезучим» летчиком... Не везло Сигизмунду и в челюскинской эпопее»*.

Штурмана Виктора Ивановича Левченко с Леваневским связывала давняя дружба. Вместе они служили в Севастополе, перегоняли оттуда в Хабаровск гидросамолет, искали на Чукотке пропавшего без вести американского летчика Маттерна, летали на ледовую разведку на трассе Северного морского пути, вместе пытались в 1935 году совершить перелет через Северный полюс в Америку, когда их над Баренцевым морем подвел вышедший из строя маслопровод и пришлось возвращаться...

А вот бортрадист Николай Яковлевич Галковский в Арктике ранее не работал. Как рассказывали мне его брат Анатолий Яковлевич и жена Лидия Степановна, он в 1934 году участвовал в нашумевшем в то время перелете по маршруту Москва—Киев—Вена—Париж—Лион—Страсбург—Прага—Москва на новом четырехмоторном самолете ТБ-3. Военный инженер 3 ранга, орденоносец, слушатель Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского Н. Я. Галковский, несмотря на

* Водопьянов М. В. Повесть о первых героях. М.: ДОСААФ, 1968, с. 47.

молодость, считался одним из лучших радиоспециалистов ВВС.

Из участников воздушной экспедиции, доставившей с ЗФИ на Северный полюс папанинскую четверку, на карте архипелага увековечены в названиях *мысов* командир Павел Георгиевич Головин, штурман Алексей Александрович Ритсланд и бортмеханик Константин Николаевич Сугробов.

Трудно удержаться, чтобы не привести добрые слова одного из папанинцев Е. К. Федорова в адрес последнего:

«Старшие бортмеханики — старички, с осторожностью относящиеся к новшествам, необычайно работающие, дрожащие за каждый винтик. У нас Константин Николаевич Сугробов. Он постоянно ворчит, добродушно ругается с командиром и до последней возможности что-то подкручивает, проверяет, налаживает свое сложное хозяйство... Действительно, бортмеханики выполняют самую большую долю работы сравнительно с другими членами экипажа. Раньше всех они едут на аэродром и позже всех возвращаются. Трудно им возиться на морозе в запутанном металлическом хозяйстве. Они мало заметны, но сами себя считают той основой, которая все вывозит. Что пилот, штурман — пришли на готовое и лети, а вот подготовить материальную часть — это и есть самое тяжелое»*.

На Земле Георга находится *ледниковый купол Дзегудзе*, названный по несколько искаженной фамилии командира вертолета Ми-4 Освальда Яновича Дзегудзе. *Полуостров Полярных Летчиков* на востоке соседней Земли Александры посвящен памяти тех, кто, рискуя жизнью, осваивал суровую Арктику.

Постановлением правительства от 17 декабря 1932 года вновь созданному Главному управлению Северного морского пути было предписано «оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути»**. Задача во многом гидрографическая, и решать ее пришлось образованному в июне 1933 года Гидрографическому управлению Главсевморпути.

* Федоров Е. К. Полярные дневники. Л.: Гидрометеониздат, 1979, с. 192—193.

** Новиков В. Из истории освоения Советской Арктики. М.: Политиздат, 1956, с. 115.

Первым начальником Полярной гидрографии стал Петр Владимирович Орловский. Сын ковенского лекаря еще в юности прошел политические университеты у пролетариев сормовского завода. После гражданской войны по призыву В. И. Ленина он «учился торговать», был сотрудником советских торговых представительств за рубежом, готовил Карские товарообменные экспедиции. Гидрографией Петр Владимирович руководил не из уютного кабинета, а непосредственно в Арктике, в 1934 году одновременно возглавляя Карскую и Вторую Ленскую транспортные экспедиции, а в 1936—1938 годах — большие гидрографические экспедиции на «Г. Седове», на котором даже зимовал. Имя *Орловского* носит западный входной мыс бухты Пирри.

Григорий Никитич *Боровиков* и Константин Семенович *Галанин* — преемники Орловского на посту начальника Полярной гидрографии (их имена носят мысы на островах Кун и Южный Хохштеттера). Если Галанин по-настоящему и в должность вступить не успев, героически погиб на бурной Ладоге осенью сорок первого, то его предшественник Боровиков руководил ГУ ГУСМП почти три года. Революционный балтийский моряк, соратник Павла Дыбенко по первым боям только что созданной Красной Армии, он после гражданской войны руководил многими крупными военно-морскими организациями. Когда же начался штурм высоких широт, попросился в Арктику. После успешной зимовки начальником и комиссаром острова Диксон, за которую Г. Н. Боровиков получил орден Красной Звезды, он был назначен руководителем Полярной гидрографии...

Нельзя без особого уважения вспоминать о людях этого поколения, обожженного огнем революции. Не имея специальной подготовки, они взваливали на свои плечи непомерную долю ответственности за работу тонкого и сложного предприятия и справлялись без многочисленных замов и помов. Конечно, работали на износ — иначе они не умели. Преждевременно сгорел и Г. Н. Боровиков. Осенью 1940 года его нашли в рабочем кабинете без сознания, с глубоким инсультом. Он еще пережил ленинградскую блокаду и трудные послевоенные годы, но вернуться в строй уже не мог.

Со дня основания Полярной гидрографии работал в ней Иван Иванович *Корчажинский* (его имя носит мыс на острове Чамп). Выпускник Архангельского технику-

ма водных путей сообщения 1929 года, он зарекомендовал себя одним из лучших специалистов по средствам навигационного ограждения.

Бронислав Каэтонович *Карчевский*, чье имя дано *проливу* между островами Солсбери и Елизаветы, до прихода в гидрографию в 1936 году получил большую плавательскую практику судовым радистом и штурманом, был инспектором Регистра. Он на долгие годы связал свою судьбу с Архангельской гидрографической базой, где занимал самые разные должности.

Одним из организаторов этого заслуженного учреждения, в 1982 году награжденного орденом Трудового Красного Знамени, был Павел Иванович Башмаков. Сын смотрителя Жужмуйского маяка сам стал крупнейшим в свое время специалистом по маякам, автором многих печатных работ. Закончив Архангельскую мореходку в 1909 году, он остался верным на всю жизнь своему родному городу и гидрографии. Теперь *пролив Башмакова* между островами Гофмана и Беккера стал памятником ему.

В память о погибших в Арктике полярных гидрографов названы *мысы Карандашева* и *Добкина* и *бухта Курникова*. Серафим Григорьевич Карандашев специализировался в полевой астрономии, долгое время трудился на Чукотке. Иннокентий Яковлевич Добкин был геодезистом. Он умер 11 сентября 1954 года на Земле Франца-Иосифа, где исполнял обязанности главного инженера гидрографической экспедиции. Иван Дмитриевич Курников, девять лет проработавший в разных арктических морях, похоронен на мысе Каменистый в заливе Благополучия на Новой Земле.

Он в начале тридцатых годов учился в Ленинградском гидротехническом техникуме вместе с Владимиром Васильевичем Андроновым, чье имя носит *бухта Андропова* на Земле Александры. Если первые самостоятельные шаги в гидрографии И. Д. Курников делал в Северной гидрографической экспедиции, то Владимир Васильевич познакомился с Арктикой в Полярной гидрографии на парусно-моторной шхуне «Ломоносов», выполнявшей промеры у новоземельских берегов. Позже он занимался исследованиями в восточных морях. В начале Великой Отечественной войны В. В. Андронов одним из первых среди полярных гидрографов ушел защищать Родину. Невысоким, белокурым, с открытым

взглядом бездонно-голубых глаз и вечно молодым остался он в памяти знавших его гидрографов.

В вестибюле здания Полярной гидрографии на Московском проспекте в Ленинграде на мраморной доске выбито золотом: «Светлой памяти работников Гидрографического предприятия ММФ, отдавших жизнь за Родину на полях сражений в Великую Отечественную войну 1941—1945».

В 1935 году подготовку инженеров-гидрографов для Арктики начал вновь созданный Гидрографический институт Главсевморпути. Двадцать лет в нем заведовал кафедрой гидрограф-геодезист, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор Георгий Сергеевич Максимов. В его честь назван *мыс Георгия Максимова* на Земле Георга. Еще в конце прошлого века после окончания Морского корпуса под влиянием отца, известного русского писателя-путешественника С. В. Максимова, выбрал он тяжелую специальность гидрографа. У каждого поколения специалистов есть свой незыблемый авторитет. Для моего поколения полярных гидрографов таким авторитетом стал профессор Максимов, хотя мне и моим однокашникам довелось слушать лишь одну его лекцию — 1 сентября 1949 года, в день начала занятий в Высшем морском арктическом училище имени адмирала Макарова, в которое к этому времени был преобразован Гидрографический институт Главсевморпути.

Имена выпускников этого института, учеников Г. С. Максимова, носят *мысы Екатеринина, Калина, Ловцова, Маласай, бухты Илаева и Колодиева*. Многие из них отдали жизнь в борьбе с суровой Арктикой. Николай Яковлевич Колодиев погиб на ледокольном пароходе «Малыгин», а его однокашник Виталий Павлович Маласай замерз во время одного из санных маршрутов на Анабаре в 1942 году. В 1947 году погибли инженеры-гидрографы Хаджи Ахмедович Илаев, утонувший у мыса Воронина восточного побережья Северного острова Новой Земли, и Игорь Сергеевич Ловцов, пропавший без вести во время перехода на шлюпке с острова Сибирякова на Диксон.

На первый взгляд трудовые биографии полярных гидрографов похожи, так как делают они одно нужное и тяжелое, но незаметное дело. Выигрывают сражения и совершают впечатляющие перевозки на море дру-

гие — кто идет по обследованному ими пути. Но за каждой неброской биографией гидрографа — своя судьба.

Борис Михайлович Екатеринин упорно боролся не только с экспедиционными трудностями на Новой Земле, но и с глодавшим его туберкулезом. Владимир Яковлевич Калинин, напротив, отличался крепким здоровьем. Еще в студенческие годы он совершил стремительный марш-бросок по Беломорско-Балтийскому каналу из старинного поморского села Сороки в Ленинград. На Новой Земле он начинал свою самостоятельную весьма обширную арктическую деятельность. Экспедиционные лишения Калинин переносил легко, а из жизни ушел от внезапного сердечного приступа в Ленинграде в тридцать восемь...

Короткой была жизнь и заместителя начальника Гидрографического управления ГУСМП Александра Павловича Бердовского. С девятнадцати лет он на комсомольской, а потом партийной работе. С 1936 года в Полярной гидрографии. На четвертый день Великой Отечественной войны Бердовский ушел на фронт. В феврале сорок третьего при прорыве блокады Ленинграда он был тяжело ранен и после демобилизации вернулся в ГУ ГУСМП.

Как и для многих молодых специалистов послевоенных лет, Александр Павлович был для меня крестным отцом в Полярной гидрографии. Он мало говорил, но помню его искреннюю заинтересованность при защите мною дипломного проекта, его советы на распределении в Тикси (позже узнал, что Бердовский был назначен первым начальником Тиксинской гидробазы и лишь война помешала ему занять этот пост), его помощь при перелете к месту работы с женой и двухлетним сыном. Когда вижу на карте ЗФИ *мыс Бердовского*, испытываю чувство удовлетворения и сыновней благодарности к суровому внешне и душевно чуткому человеку.

С геодезистом Степаном Алексеевичем Янченко мы лично знакомы не были. Но я узнал о нем еще во время геодезической практики, когда пришлось бывать в окрестностях горы Янченко на Северном Урале, где он работал в двадцатых годах. Позже познакомился и с *мысом Янченко* на юге Земли Георга, названным его признательными учениками-гидрографами. Одно время он руководил учебно-производственной экспедицией на Но-

вой Земле. С. А. Янченко последним из полярных гидрографов уезжал в сорок втором в эвакуацию из Ленинграда в Красноярск. С большим трудом ему удалось вернуться в строй, но до самой своей смерти в 1952 году так и не удалось окончательно поправиться.

Сергею Ивановичу Скворцову Гидрографический институт закончить не пришлось. Но работавшие с ним в гидрографических экспедициях часто даже не подозревали об этом, так профессионально были выполнены им промеры и геодезические наблюдения. На фронт Скворцова не пустили, определив передним краем для него Северный морской путь. Во время рейса гидрографического судна «Профессор Визе» в 1941 году из Тикси на Анабар гидрографам С. И. Скворцову (его имя носит бухта Скворцова, вдающаяся в южный берег Земли Александры) и Б. И. Лейкину посчастливилось открыть довольно большой, длиной более двух километров, остров, позже получивший название Песчаный. Это было одно из последних значительных открытий в Северной Арктике.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Заканчивая обзор географических названий архангельских арктических архипелагов, несколько итоговых слов о топонимии этого района. Новоземельские названия — в основном русские, они наиболее старые, здесь встречаются поморские слова и понятия, ныне ушедшие из употребления. Топонимия Вайгача — большей частью ненецкая, простая по этимологии, ее мы не касались. Названия Земли Франца-Иосифа — почти сплошь мемориальны, многоязычны, с довольно запутанной транскрипцией.

Значительна на архангельских полярных островах группа названий, связанных с фауной Заполярья. Особенно на Новой Земле: на Северном острове — 49, на Южном — 33 названия. На Южном острове преобладают птицы — Утиные, Гусиные, Гагарьи — 18, затем ластоногие — 9, рыбы — 9. А на Северном острове пальму первенства держит белый медведь — 11 названий, причем только мысов Медвежьих 4.

Одноименность географических названий неудобна, она доставляет массу хлопот. Почти полтора века мучаются исследователи Новой Земли с одноименными названиями двух заливов. О губе Белушьей в Маточкином Шаре мы говорили. Но в Костином Шаре со времен Литке на картах показывается еще одна *губа Белушья*, где, кстати, находится административный центр Новой Земли. Русанов справедливо предлагал, чтобы избежать нежелательного смешения топонимов, назвать Белушью губу Северного острова Чиракиной губой, в память Чиракина. Но именем Чиракина наз-

вали полуостров, где он похоронен. А губу в Маточкин-
ном Шаре одно время называли Белужьей. Однако зо-
ологи пришли к выводу, что и губу в Костином Шаре
правильнее так называть. Тогда картографы вернулись
к старому названию, так и не ликвидировав одноимен-
ности.

Мыс Кит и *пролив Китовый* на Южном острове вос-
принимаются теперь как своего рода памятник выби-
тым здесь китам. Древние названия *полуостров Каба-
ний Нос* и *губа Кабанья*, а также возникшие в наши
дни *полуостров Крокодил* и *гора Верблюд* на Северном
острове (на Южном тоже есть *гора Верблюжья*) даны
не потому, что здесь водились кабаны и верблюды.
Просто эти объекты своей формой напоминали этих
животных. Так же возникло древнейшее новоземель-
ское название *острова Петухи* и от них *архипелаг Пе-
туховский*, *пролив Петуховский Шар*.

Архангельский полярный топонимический мемориал
не закончен. Крупномасштабные съемки будут вестись
и впредь, значит, будут и новые географические назва-
ния, конечно, в меньшем количестве, но будут. И хочет-
ся надеяться, что это будут осмысленные названия.
Ведь когда знаешь, откуда произошло географическое
название, какие события за ним стоят, оно лучше запо-
минается.

Топонимия архангельских островов может стать хо-
рошим помощником в краеведческой работе и патрио-
тическом воспитании молодежи. Кроме того, она сама
представляет собой широкое поле для исследований
любопытным и пытливым, всем, кто хочет лучше уз-
нать свой край, суровую Арктику. Если книга поможет
вам в этом, автор будет глубоко удовлетворен и задачу
свою посчитает выполненной.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Условные обозначения: арх. — архипелаг, б. — бухта, г. — гора, гб. — губа, з. — залив, лед. — ледник, л. к. — ледниковый купол, м. — мыс, о. — остров, о-ва — острова, оз. — озеро, п-в — полуостров, пр. — пролив, р. — река, руч. — ручей, ск. — скала, ст. — становище. Цифрой показаны страницы, со знаком + — названия Земли Франца-Иосифа, в скобках — названия других мест, не относящиеся к Земле Франца-Иосифа и Новой Земле.

+ Абердер, пр.	101	Бабушкина, о.	158
Абросимова, з., р., м.	61	+ Бака, пр.	96
+ Абросимова, м.	167	Бакан, б.	86
+ Австрийский, пр.	95	Бакан, рейд	126
+ Адамова, л. к.	167	Баклунда, г.	111
+ Аделанды, о.	104	+ Бакстера, б.	101
Адмиралтейства, п-в	22	Балашова, м.	130
Азимут, р.	150	Баранова, м.	152
+ Алджер, о.	98	+ Баренца, м.	99
Алебастровые, о-ва	84	(Баренца, о.)	29
Александра, о.	39	Баренца, о-ва	29
+ Александра, о.	105	Баренцево море	29
+ Аллен-Юнг, пр.	100	(Баренцбург, порт, поселок)	29
+ Альбанова, м.	135	Басова, з.	65
+ Альберта Маркема, м.	97	+ Баттенберг, м.	101
+ Американский, пр.	109	+ Бауэрмана, м.	95
Андреева, м.	88	Башмакова, з.	63
(Андреева), м.	88	Башмакова, пр.	192
Андромеда, б.	146	+ Безбородова, м.	172
+ Андропова, б.	192	Безводный, о.	178
+ Андрэ, м.	108	Безымянная, гб.	82
Анна, м., з.	133	+ Бейтса, пр.	101
Ануфриева, б.	143	+ Беккера, о.	94
Анучина, лед.	129	+ Белая Земля, о-ва	104
+ Анучина, м.	183	+ Белл, о.	99
+ Аполлонова, о.	187	+ Белоусова, м.	187
Арктик, б.	159	Белужий (Лемякова), о.	86
+ Армитедж, м., п-в	101	Белушья, гб.	91
+ Артур, о.	104	Белушья, гб.	196
Артюкова, м.	53	+ Бентсена, б.	103
Архангельская, гб.	22	+ Берга, м.	172
Астафьева, м.	88	+ Берген, м.	96
+ Аук, м.	109	+ Бергхауз, о.	95
Афанасьева (Быкова), о.	139	+ Бердникова, м.	188
Ахматова (Юшкова), м.	30	+ Бердовского, м.	194
+ Бабушкина, м.	158	+ Березкина, пр.	184

Берха, м., о.	40	+Бэра, м.	98
Бисмарка, м.	78	Бялокоза, о.	148
Благополучия, з.	148	Вайгач, о.	10
Блафель, б.	83	Вальков, о.	15
Ближний или Тягина, о.	85	Валькова, гб., м.	15
+Блисса, о.	98	Вальнева, г.	157
Богатый, о.	19	Варнека, б.	123
Богдановы, о-ва	76	Варнека, м.	116
Боголюбова, м.	113	+Васильева, м.	107
Богословского, о.	54	Васнецова, лед.	120
Богусевича, м.	66	Васнецова, м.	118
Бодиско, луда	65	+Вашингтона, м.	98
+Болдуина, м.	108	+Вейпрехта, з.	92
Большевик, м.	175	Велькена, лед., м.	160
Большая Кармакульская, гб.	17	Вепрева, о.	56
Большая Кротова, р.	55	Верблюд, г.	197
Большой Бритвин, о.	13	Верблюжья, г.	197
Большой Ледяной, м.	24	Верещагина, м.	120
Большой Саханин, о.	25	Верти, г.	164
Бора, м.	180	Верхняя Бутакова, р.	47
Борзова, з.	129	Вершинского, лед.	148
Борисова, м., о.	73	Веры, б., лед.	129
Борисова, п-в	110	Веселаго, о.	87
+Борисяка, о-ва	189	Визе, б.	148
+Боровикова, м.	191	Визе, б.	157
+Брайса, о.	105	Визе, лед., м.	128
Брандта, з., м.	49	+Визе, лед., м.	183
Братья Зандер, камни	132	Викулова, м.	66
+Брауна, пр.	101	Вилламова, м.	49
Брача, б.	176	+Вилласа, м.	105
Бредихина, г.	111	Вилькицкого, м.	116
+Брёггера, м.	104	Вилькицкого, з., лед., м.	122
+Брейди, о.	101	Вильчека, г.	82
+Брейтфуса, м.	144	Вильяма, о.	22
+Британский Канал, пр.	109	+Винер-Нейштадт, о.	95
Бровцына, о.	124	Витте, лед.	114
+Бророк, м.	94	+Виттенбург, м.	158
Броуна, о-ва	58	+Вихрь, пр.	188
Броунова, лед.	129	Вишневского, м.	50
+Броунова, о-ва	183	Власьева, з.	127
+Брош, о.	96	Воейкова, лед.	129
+Брусилова, л. к.	136	+Воейкова, м.	183
+Брюнн, м.	95	Волкова, м.	51
+Брюса, б., м., о.	101	Володькина, б.	161
Бубнова, пр.	54	Воронина, б.	163
Буля, лед.	139	Воронина, гб., з.	175
Бунге, лед.	128	Воронина, м.	99
+Бурке, б.	187	+Воронина, лед., м.	186
Бурная, б.	178	Врангеля, о.	40
Бурун, м.	180	Вылки, лед.	143
+Бута, пр.	100	Вюллерсторфа, горы	94
Бык, м.	15	+Габермана, м.	95
+Быстрова, м.	184	Гаврилова, з.	90
+Бэма, м.	95	+Галаннина, м.	191
		Галахова, о-ва	139

+ Галковского, м.	189	Данилова, м.	146
Галла, м.	51	+ Дауэса, м.	108
+ Галлера, м.	95	Девер, м.	27
+ Галля, о.	97	+ Де-Брюйн, пр.	99
+ Гамильтона, пр.	108	+ Дежнева, з.	184
+ Ганза, м.	96	+ Де-Лонга, з.	108
Гатиева, м.	148	Демидова, о-ва.	53
+ Гаудиса, лед.	168	Денисевича, м.	51
+ Гейдж, о.	105	Деплоранского, м.	91
+ Гельваальда, м.	95	Дерма, г.	80
Гельмерсена, о.	48	+ Дерюгина, з.	172
Гемскерк, о.	27	Дерюгина, оз.	157
+ Георгия Максимова, м.	193	Джексона, о.	100
Герасимова, з.	43	+ Джексона, о.	103
Германа, г.	165	+ Джефферсона, о.	101
+ Германия, м.	96	+ Дзегудзе, л. к.	190
Гидрографов, з.	121	+ Диллона, м.	108
+ Гидрографов, з.	121	Дитрихсона, г.	83
+ Гидросевер, пр.	188	Дмитринева, м.	65
Глотова, о.	75	+ Добкина, м.	192
Глушкова, б.	157	Дюброва, о.	76
+ Гогенлоэ, о.	94	Дриженко, м.	126
Голицына, б., о.	87	Дровяной, м.	31
Голова, м.	180	Дружинина, м.	49
+ Головина, м.	190	Дыроватая, гб.	15
Головина, пр.	64	Дыроватый, п-в	15
Головнина, г.	36	Дьяконова, м.	124
Гольцовая, б.	114	+ Ева-Лив, о.	104
Горб, м.	180	Егорова, м.	89
Горбатый, о.	178	Ежова, о.	51
Горбацкого, плато	165	+ Екатерининна, м.	193
Горбовы, о-ва	22	Екс, з.	166
+ Горбунова, о-ва	159	Елены, м.	6
+ Горюкова, м.	184	+ Елены Гульд, з.	105
Горякова, п-в	19	Елизаветы, м.	129
+ Гофмана, о.	94	+ Елизаветы, о.	104
+ Гранта, м.	99	Енисей, з.	61
Гранта, пр.	114	Ермак, б., банка	107
+ Грей, з.	100	+ Ермак, лед., пр.	107
+ Греэм-Белл, о.	105	+ Ерминии Жданко, м.	136
Грибовая, гб.	13	Ермолаева, б., г., м.	160
+ Грили, о.	108	Ермолова, з.	115
Гришина Шара, р.	166	Ерохина, гб.	175
+ Гросвенор, м.	109	Ершова, м.	50
+ Губанова, м.	134	+ Есипова, б.	159
Губина, з.	31	Есипова, оз.	163
+ Гукера, о.	99	Есипова, р.	160
+ Гунтера, з.	101	Ефима Хатанзея, п-в	138
Гусиная, гб.	68	Жан, б., лед.	141
Гусиная Земля, п-в	12	Жандра, м.	48
Гюбенет, м.	130	Жданко, м.	148
+ Гюйса, м.	109	Желания, м.	27
+ Давида, о.	100	Железные Ворота, пр.	12
Дальний, м.	63	Железный, пр.	12
+ Данди, м.	108	Жемчуг, о.	84

Жонголовича, о., о-ва	153	Каменка, гб.	57
Журавлева, м.	27	Канкрин, з.	60
Журавлева, о.	174	+ Кань, б.	106
+ Заварицкого, скалы	184	+ Капитана Антонова, б.	188
Заворотный, м.	30	(Кара), р.	11
Замятин, банка	165	Камараша, м.	58
+ Зандера, л. к.	132	+ Карандашева, м.	192
Запасова, м.	172	Карбасникова, б., лед.	160
Захарова, м.	127	+ Карла-Александра, о.	94
+ Земля Александры, о.	101	Карлсена, м.	79
+ Земля Вильчека, о.	82	Кармакульский, о.	17
+ Земля Георга, о.	101	Карпинского, з.	156
Земля Панькова, о.	15	+ Карпинского, м.	183
+ Земля Франца-Иосифа,		Карповы, о-ва	15
арх.	92	Карские Ворота, пр.	11
+ Золотова, м., оз.	167	Карское море	11
Зубова, м.	171	+ Карчевского, пр.	192
Зюсса, оз.	82	+ Кверини, о.	106
Ивана Малышева, м.	154	Кедроливанского, г.	148
Иванова, з., камни	89	+ Кейна, о.	97
Иванова, м.	89	+ Кембридж, пр.	108
Иванова, з.	130	Керцелли, м.	157
+ Иванова, о.	185	+ Кетлица, о.	101
Иглина, р.	111	Киреева, м.	179
Игнатьева, банка	91	+ Кирова, лед.	186
+ Иеске, о.	188	Кит, м.	197
+ Илаева, б.	193	Китовый, пр.	197
Ильи Безбородова, б.	159	Клавдия, б., м.	129
Ильи Вилки, б.	159	+ Клагенфурт, о.	95
Иностранцева, лед.	129	+ Клементса Маркема, з.	97
Инькова, гб.	17	Кленовой, г.	171
Иньков Нос, м.	17	Климова, м.	166
Иоганнесена, м.	80	Клокачева, м.	47
+ Иогансена, м.	103	Клокова, з., м.	49
Исакова или Гольфст-		Клочковский, м., п-в	126
рим, о-ва	63	Книповича, з.	144
Исаченко, м.	163	+ Ковальи, м.	106
Исканий, г.	164	Козлянинова, о.	124
+ Исследователя, м.	188	Кокина, о-ва	51
+ Итальянский, пр.	109	Колзакова, м.	47
+ Итон, о.	108	+ Коллинсона, пр.	96
Кабаний Нос, п-в	197	+ Колодиева, б.	193
Кабанья, гб.	197	Колодкина, р.	49
+ Кавальи, м.	106	Колосова, м.	174
Казакова, пр.	62	+ Кольдевея, о.	96
Казакова, р.	55	Колубакина, о.	154
Казаринова, о.	84	+ Комсомольские, о-ва	97
Казы, г., м.	114	Кондратьева, р.	111
Казобина, о.	56	Конечный, м.	180
+ Калина, м.	193	+ Конрада, м.	135
Калиткина, о.	179	Константин, м.	44
Калтак, о.	15	Конюшников, о.	76
Кальвица, з.	152	+ Копленда, м.	96
Камараша, м.	58	Копосова, о.	153

+ Королевского Общества, о.	109	Лахта Мирона, б.	6
Корсакова, м.	54	+ Леваневского, о.	189
+ Корчажинского, м.	192	+ Левченко, м.	189
Костин Шар, пр.	12	Легдина, з.	175
Котельникова, о.	54	+ Легдина, м.	176
Котлова, ск.	174	Ледкова, р.	111
Крамского, м.	118	Ледяная Гавань, б.	28
Крапивина, о.	56	Ледяной Гавани, м.	28
+ Красин, м.	184	+ Лесгафта, рифы	183
Красино, ст.	175	Лиле, м.	90
Краснова, лед.	117	+ Ли Смита, о., пр.	99
+ Красовского, м.	190	Литке, гб., горы, з.,	
+ Краутера, м.	99	м., п-в	44
Крашенинникова, м.,		Литке, м.	38
п-в	64	+ Литке, о.	98
Кремера, о.	87	Личутина, о.	62
Кремнистый, м.	180	+ Ловцова, м.	193
+ Кренкеля имени, обсерватория	186	Логинова, гб.	57
Крестовая, г., гб.	14	Ломоносова, горы	129
Кривошенна, з.	138	Лоушкина, м.	127
Крокодил, п-в	197	+ Лофли, м.	99
Кропоткина, лед.	127	Лошкина, горы, м., о.	18
+ Кропоткина, л. к.	92	+ Лудлова, м.	32
Кротова, б.	55	+ Луиджи, о.	105
Кротова, пр.	62	+ Луначарского, утес	186
Крузенштерна, г.	40	Лутковского, м.	66
Круча, м.	180	Лямчина, б.	15
Крушения, м.	62	Маврикия, м.	23
Ксенин, б.	129	Мака, г.	80
+ Кузнецова, м.	146	+ Макарова, з.	107
Кузнецова, м.	174	Макарова, м.	107
Куинджи, м.	118	Макарова, гб., п-в	84
Куйбышева, м.	175	+ Мак-Ги, о-ва	105
+ Кука, пр.	108	+ Мак-Клинтока, м., о.	96
+ Кука, скалы	111	+ Мак-Нульта, о.	105
Кумжа, р.	15	+ Маласай, м.	193
+ Кун, о.	94	Малая Кротова, р.	55
+ Курникова, б.	192	Малый Бритвин, о.	13
Курочкина, м.	50	Малый Ледяной, м.	27
Кусова Земля, о.	16	Марни, м.	137
Кутузова, м.	47	+ Маркема, пр.	97
+ Кучина, о.	144	Маркса, р.	115
Кушакова, м.	130	Масленникова, м.	139
Кушный, м., п-в	15	Маточка, р.	40
Лаврова, м.	34	Маточкин Шар, пр.	10
+ Лаврова, пр.	184	Матусевича, б., п-в	151
Лазарева, горы, м.	33	+ Матусевича, з.	152
Лакруа, лед.	139	Машигина, гб.	72
Лактионова, лед.	163	Машигина Ледянка, гб.	72
+ Ламон, м., о.	97	Медвежий, з.	60
Ланга, о.	55	(Медвежий, о.)	26
+ Ла-Ронсьер, о.	96	Медный, п-в	144
		+ Мей, о.	108
		+ Мейбел, о.	99

Меккера, п-в	49	Нехватова, г., гб., оз., р.	59
+ Мелехова, м.	187	Нивелир, б.	154
+ Меллениуса, пр.	102	Нижняя Бутакова, р.	47
Менделеева, горы	129	Никитина, б.	152
Меншикова, м.	48	+ Николаева, м.	187
+ Мертвого Тюленя, о.	132	Николая, м.	143
(Местный, о.)	25	Никольского, о.	74
+ Месяцева, м.	169	+ Ниль, м.	99
Метца, м.	115	+ Нильсена, б.	134
Мехренгина, о.	51	+ Нимрод, м.	109
Мечты, м.	114	Новая Земля, арх.	8
Мигалка, м.	154	Новосильцева, о.	124
Миддендорфа, м.	84	+ Норвегия, м.	109
+ Миддендорфа, лед.	84	Норвежская, б.	83
Мизинец, м.	180	Норденшельда, лед.,	
Микитова, б.	162	з., м.	82
+ Милла, м.	91	Норске, о.	83
+ Миловзорова, рифы	187	+ Нортбрук, о.	103
Михайлова, о-ва	123	Носилова, руч.	116
Можайского, м.	51	+ Ньюкомба, о., пр.	105
Моисеева, горы, два		Обманный Шар, лагуна	13
мыса	74	Обручева, м., п-в	170
Моисеева, м.	72	+ Обручева, лед.	170
Моллера, з.	41	Обседея, гб.	13
Мона, м.	81	Обсерватория, м.	126
+ Монтефьоре, м.	101	Овражный, о.	180
Мордовина, о.	120	+ Овчинникова, м.	167
Морозова, м.	90	Ога, з.	139
Морозова, о.	125	+ Оггд, о.	105
+ Мультиановского, м.	184	+ Октябрюта, о-ва	186
Мурман, банка, з.	151	Олафа, о.	83
Мурманец, б., пр.	177	+ Олни, м.	98
Мурманец, банка	176	Олонкина, м.	144
+ Мурманец, пр.	178	+ Олье, м.	106
+ Муррей, м.	101	+ Оммани, о.	108
Мутафи, б., г., лед.	166	+ Оппольцера, м.	95
Мучные, о-ва	14	Опытный, пр.	176
Мучный, п-в	14	Оранские, о-ва	23
+ Мэри Хармсуорт, м.	104	+ Орел, о.	96
+ Нагурского, м.	146	Орентир, м.	180
Наездник, рейд	89	+ Орловского, м.	191
Назимова, б.	90	Осминина, гб.	15
+ Найтингейл, пр.	102	Отвесный, м.	178
Наливкина, м.	164	Откупщикова, б.	43
Нансена, г.	83	Павла Зайцева, м.	154
+ Нансена, м., о.	103	Павлова, г., лед., м.	127
Нассау, м.	23	+ Павлова, оз.	127
Наталин, з.	166	+ Пайера, лед., о.	92
Нахимова, о-ва	52	+ Палибина, м.	107
+ Негри, пр.	95	Панкратьева, о., п-в	39
Незнаемый, з.	31	Парохода «Пахтусов»,	
Нелидова, о.	54	б.	124
+ Нерпа, о.	178	Пахтусова, з., о., оз.,	
Нестора Смирнова, м.	127	о-ва, пр.	45
Неупокоева, з.	151	Пахтусово, ст.	175

Пенка, лед.	156	Раздельный, м.	181
Первоусмотренная, г.	34	+ Райнера, о.	93
Перевальный, м.	178	+ Рата, м.	95
Перевесинский, м.	13	Ратманова, м.	47
Перовского, м.	48	Рахманина, м.	20
+ Персей, з.	170	Рахова, г., п-в	16
Персей, мелководье,		Резникова, м.	73
банка	170	Рейнгарда, лед.	116
Петерсена, лед.	160	Рейнеке, з.	53
+ Петигакс, м.	106	Репина, м.	118
Петровского, м.	165	Ретовского, оз.	163
Петухи, о-ва	197	+ Ритсланда, м.	190
Петуховский, арх.	197	+ Рихтгофена, г., м.	95
Петуховский Шар, пр.	197	Рог, м.	180
+ Пила, пр.	108	Рогачева, з., п-в, р.	75
Пинегина, м., лед.	128	Родионова, м.	58
+ Пинегина, м., оз.	183	+ Родса, пр.	108
+ Пири, б., лед.	109	Рождественского, лед.	148
Писарева, м.	52	Рожнова, м.	47
+ Питерхед, м.	100	+ Розе, м.	149
Плеханова, о-ва	153	Розе, лед.	148
Плоский, о.	178	Розе, о.	149
+ Побежимова, м.	189	Розенталя, г.	78
Подгорного, п-в	58	Розмыслова, долина	32
Подрезов, о.	25	Романова, б.	114
Полилова, о.	124	Рослякова, гб.	173
Полисадова, б.	157	+ Рубини, ск.	120
Политотделец, б.	178	Рудакова, о.	58
Полуэктова, о., п-в	74	+ Рудольфа, о.	94
Полярных Летчиков,		+ Рузвельта, м.	98
п-в	190	Румянцева, м.	163
Поморская, гб.	20	Русанова, пр.	55
+ Понтремоли, о-ва	184	+ Русанова, м.	137
Попова, лед.	133	Русанова, долина, з.,	
Поспелова, б., м.	139	б., п-в	137
Потоцкого, г.	130	Русаново, ст.	175
Потыч, м., о.	15	+ Руслан, пр.	176
Пояркова, б.	166	Русская Гавань, з.	83
Правый, м.	178	+ Рухина, м.	184
Пранка, м.	166	Рыкачева, лед.	129
Прибойный, м.	180	Рыхлый, м.	180
+ Притчетта, о.	105	Саввина, р.	19
Прокофьева, банка	37	Савича, п-в	162
Прокофьева, м.	37	+ Савойя, м.	106
Промерный, м.	181	+ Садко, пр.	187
Промысловый, пр.	178	Садовского, з.	139
Пустовалова, б.	164	+ Сальм, о.	94
Пуховый, з.	98	+ Самойловича, л. к., пр.	156
Пуховый или Самойло-		Самойловича или От-	
ва, о.	170	крытая, б.	155
Пушина, о.	87	Самоед, б.	89
Пяти Пальцев, м.	60	Сарса, пр.	105
+ Рабо, м.	159	Сарычева, г.	36
Рагозина, о.	56	Саханиха, гб.	19
+ Радзеевского, м.	188	Сахарова, м.	131

Свицкая, о.	144	Строганова, гб.	13
Святая Анна, желоб	133	Студницкого, м.	89
СГЭ, г.	151	+Суворова, л. к.	168
Северная Сульменова, гб.	39	+Сугрובה, м.	190
Северный Крестовый, о.	14	+Сулакова, м.	177
Седова, б., о.	125	+Сумгина, п-в	184
Седова, два залива, пик	132	Сухой Нос, м.	19
+Седова, м., лед.	132	Сытина, о.	76
Селезнева, о.	15	Таксия, лед.	129
Селиверстова, м.	54	Таймыр, банка	149
Семенова, б.	115	Таранцева, з.	73
+Семерых, м.	168	Тарасова, р.	31
Сергеева, п-в	123	Тархова, гб.	16
Серебрянникова, м.	130	+Тегеттоф, м.	94
Серебрянка, гб.	30	+Тейлора, м.	98
+Сесил Хармсуорт, м.	104	Темный, м.	180
Сибирякова, б.	162	+Теплиц, б.	95
Сивучиха, р.	13	+Терра-Нова, м.	108
Сиденсера, м.	71	Терраса, м.	180
(Сидорова, м.)	78	Течений, з.	28
Сидорова, о-ва	78	Тизенгаузена, м.	143
+Сидорова, пр.	78	Тимирева, г.	58
+Симони, лед.	95	Тимофеева, г.	118
Синельникова, з.	174	Тимофеева или Долгий, о.	75
Сирена, б.	154	+Тироль, м.	95
+Скворцова, б.	195	+Тихая, б.	132
+Скотт-Келти, о.	101	Тихомирова, п-в	38
Смидовича, ст.	175	Тобисена, г.	80
Смирнова, м.	37	Толкунцы, о-ва	15
+Солсбери, о.	108	Толля, г.	128
Солунского, м.	139	Толстого, м., р.	120
+Сонклара, лед.	95	+Торупа, о.	104
Сопка, м.	180	Трескина, о.	76
Соседка, г.	165	Третена, г.	83
Сосновского, б., гб., горы	138	Третьякова, лед.	120
Софронова, з.	36	+Триест, м.	95
Спидилл, м.	30	Тудера, м.	94
Спирифер, м.	83	Тыртова, б.	115
Спокойная, б.	180	Тюлений, з.	31
Спорый Наволок, м.	28	+Унггинса, м.	97
Средний, лед.	148	+Уилтона, о.	102
Средняя Луда или Лоренца, о.	139	+Уиндуорд, о.	101
+Стеккена, м.	106	+Уолша, м.	109
Стодольского, о-ва	58	+Уорда, б.	101
+Столбовой, м.	93	Усачева, оз.	163
+Столб Шамардина, м.	66	Усова, м.	174
+Столичка, о.	95	Утешения, м.	24
+Сторожева, м.	167	+Ушакова, м.	186
Страха, г.	164	+Уэлмана, м.	105
+Стрельцова, пр.	188	Федорова, м.	152
Стрельчени, п-в, оз.	180	Федотова, м.	17
		+Фельдера, м.	95
		+Фенуайе, м.	106
		+Фербанкс, ск.	98

+ Ферсмана, о.	157	+ Чкалова, м.	188
Фефелова, м., о.	90	+ Чурляниса, г.	120
Филиппова, р.	118	Чухновского, б.	152
+ Фиуме, м.	95	(Шадрина, м.)	177
+ Фишера, м.	101	Шадровский, м.	25
+ Флигели, м.	95	Шамардина, б., з.	66
Флиссингский, м.	28	Шанца, м.	71
+ Флора, м.	100	Шалошников, б.	176
Флотова, м.	61	Шатилова, о.	54
Фока, б.	126	Шевченко, м.	166
+ Форакен, м.	98	Шельбаха, о.	72
+ Фрам, пр.	103	+ Шенау, о.	95
+ Франкфурт, м.	95	Шестакова, о.	87
+ Фреден, о.	95	+ Шиллинга, м.	92
Фрейберга, г.	135	Шинкова, б.	153
Фролова, л. к.	168	Шипунова, о.	76
Хабарова, о.	50	Широчиха, гб.	13
+ Харкнеса, м.	101	+ Ширшова, б., оз.	186
+ Харли, о.	101	Шитца, м.	51
Харлова, м.	37	Шишкина, м.	118
Хейглина, о-ва	79	Шиншмарева, о-ва	65
+ Хейса, о.	97	+ Шмарда, м.	95
+ Хелланда, м.	104	Шмидта, п-в	162
Хёфера, г.	82	Шокальского, лед.	123
+ Хёфера, м.	82	Шокальского, о.	123
+ Хилл, м.	98	Шорохова, м.	151
Хитрова, з.	64	(Шпицберген, арх.)	26
Хлебникова, м.	163	+ Шреттера, м.	95
+ Хоуэна, о.	104	+ Штернека, пр.	94
+ Хохштеттера, о.	101	+ Штормовая, б.	93
Храмцова, гб., о., п-в	73	Штраумсена, б.	83
+ Хромцова, л. к., м.	187	Шуберта, з., м.	50
Хромченко, з.	65	Шуерекский, м.	19
ЦАГИ, хребет	161	Шульгина, г.	130
Цамутали, о.	153	Шхуны «Ломоносов»,	
Цебрикова, м.	65	м.	176
Цивольки, з., м., о.	70	Эдвард, м.	80
Цивольки, з. м.	70	+ Эйра, пр.	99
+ Циглера, о.	108	+ Эссен, з.	109
+ Чадс-Хед, м.	109	+ Этеридж, о-ва	101
Чаева, з., лед.	130	Югорский, п-в	11
+ Чамп, о.	108	Югорский Шар, пр.	11
Чевкунова, о.	172	Южная Сульменева, гб.	39
Чекина, з., м.	64	Южный Крестовый, о.	14
+ Чельдсена, м.	108	Юнкера, пр.	54
Черепкова, м.	167	+ Юрия, б., лед.	183
Черная, гб.	14	Якоби, г.	148
Черницкого, м.	70	Якорный, м.	180
Черный, м.	22	Яловецкого, м.	114
Чернышева, лед.	129	Яльцева, м.	150
Чернявского, м.	167	+ Яна, пр.	188
Черткова, м.	163	Янова, о-ва	123
(Чижова, м.)	39	+ Янченко, м.	195
Чиракина, п-в, р.	31	Ярошевского, лед.	117
+ Чичагова, о-ва	108	Ярцева, о.	15

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Поморская старина Новой Земли	8
Баренц открывает «свое» море	21
Литке и искатели серебра .	30
Первый пахтусовский пласт	45
Подвижники корпуса флотских штурманов	59
Студена земля, но родная, русская	77
Грифельная доска, а не архипелаг .	92
Земля мечтаний художника Борисова	110
Учителя и соратники Седова .	121
Пропавшие без вести	133
Гидрографы на Новой Земле .	147
Экспедиция, ставшая институтом	155
Работы хватало всем .	169
Последние названия ЗФИ	182
Вместо заключения .	196
Алфавитный указатель .	198

Сергей Владимирович Попов

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПОЛЯРНЫЙ МЕМОРИАЛ

Рецензенты: доктор исторических наук, кандидат географических наук *А. И. Алексеев*, научный сотрудник музея Северного морского пароходства *В. В. Брызгалов*.

Редактор *Н. С. Дурасова*
Младший редактор *В. И. Пригодина*
Художественный редактор *А. С. Мазурин*
Технический редактор *Н. Б. Буйновская*
Корректор *А. А. Фонтейнес*

ИБ № 546

Сдано в набор 11.09.1984 года. Подписано в печать 11.04.1985 года.
Сл. 00037. Форм. бум. 84×108 (бум. тип. № 1). Гарнитура литерат.
Высокая печать. Усл. п. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 21,735. Уч.-изд. л.
12,469. Тираж 10 000. Заказ 8602. Цена 80 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, 160000, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

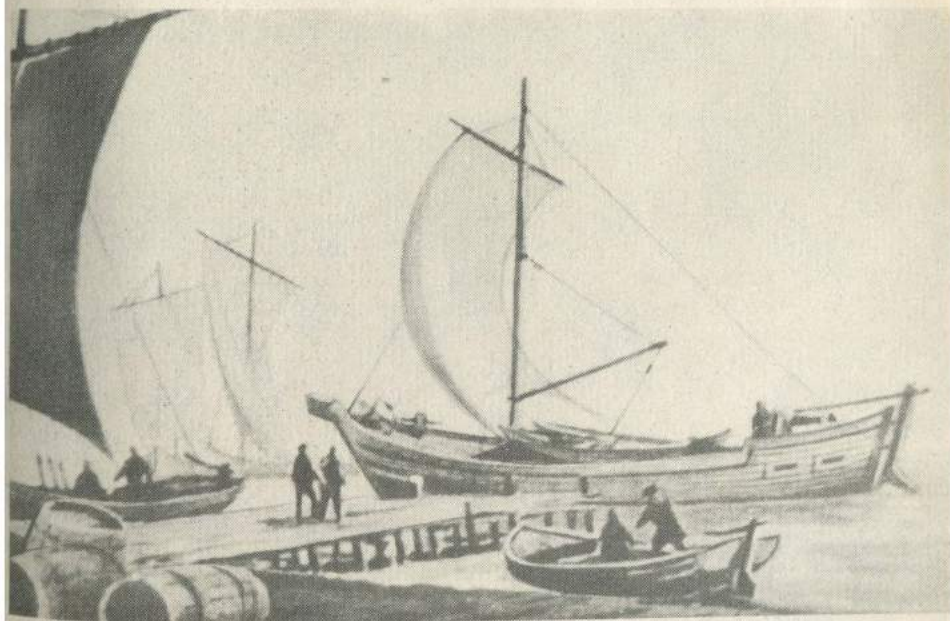

Виллем Баренц. 1550—1597

В. Я. Чичагов. 1726—1809

Поморские кочи

А. И. Тягина

Е. И. Тягин, 1844—1898

Новая Земля. С гравюры XIX в.

С. А. Моисеев. 1812—1890

А. А. Иностранцев. 1843—1919

Вид о. Колгуев. С гравюры XIX в.

В. А. Русанов. 1875—1913

И. В. Палибин. 1872—1949

Архангельский порт. XIX в.

А. С. Кучин. 1888—1913

Джозефина Пири. 1863—1955

Экспедиция Ю. Пайера и К. Вейпрехта. «Отрезанные от мира».
С картины Ю. Пайера. Художественный музей в Вене

А. А. Борисов. 1866—1934

И. К. Вылка. 1884—1960

Северная Двина в районе Соломбалы. Отсюда начинались многие полярные экспедиции

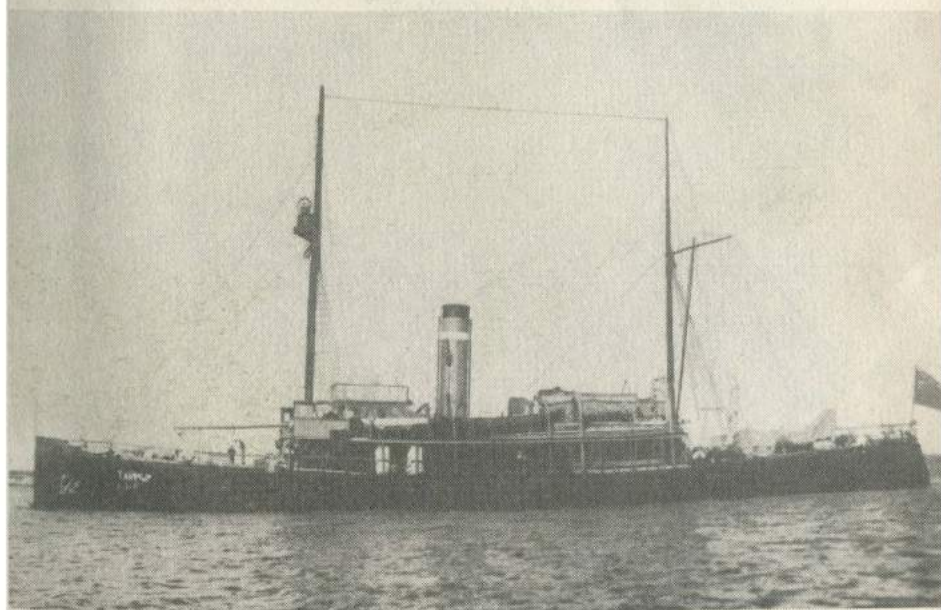

Г. Л. Брусилов. 1884—1914

Г. Я. Седов. 1877—1914

Первенец русского ледокольного научно-исследовательского флота —
пароход «Таймыр»

В. И. Воронин. 1890—1952

Р. Л. Самойлович. 1881—1940

Ледокольный пароход «А. Сибиряков»

С. Г. Карандашев. 1906—1949

Б. К. Карчевский. 1899—1958

Топографическая съемка в бухте Воронина на Новой Земле

Н. В. Пинегин. 1883—1940

Б. Г. Чухновский. 1898—1975

Участники новоземельских геологических экспедиций.
Стоят: четвертый слева М. М. Ермолаев, шестой — Е. Н. Фрейберг

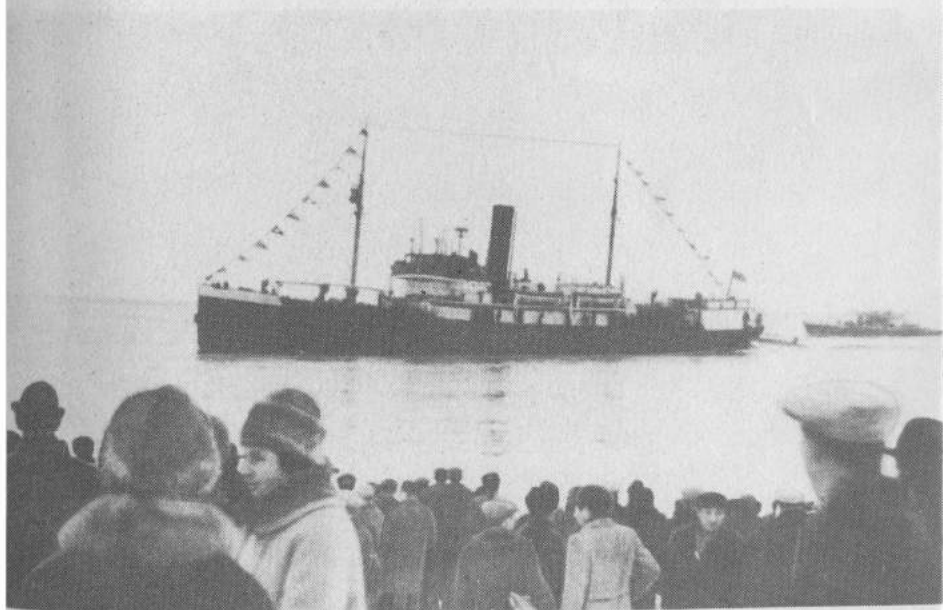

Б. М. Екатеринбург. 1912—1954

Г. Н. Боровиков. 1890—1951

Ордена Ленина гидрографический пароход «Георгий Седов»
возвращается в Архангельск из последнего рейса. 1966

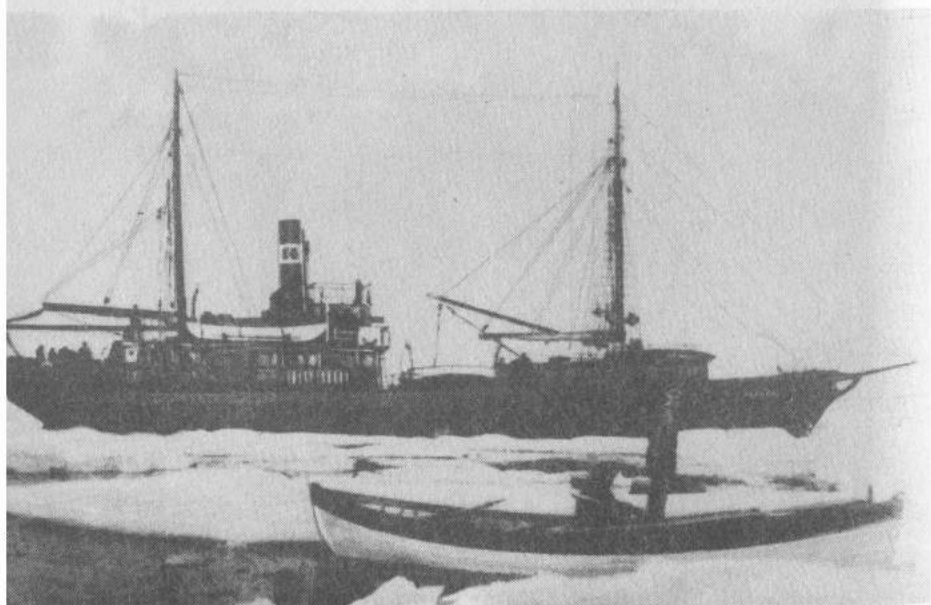

И. А. Киреев. 1888—1958

Н. М. Николаев. 1897—1958

Первое советское экспедиционное судно «Персей»

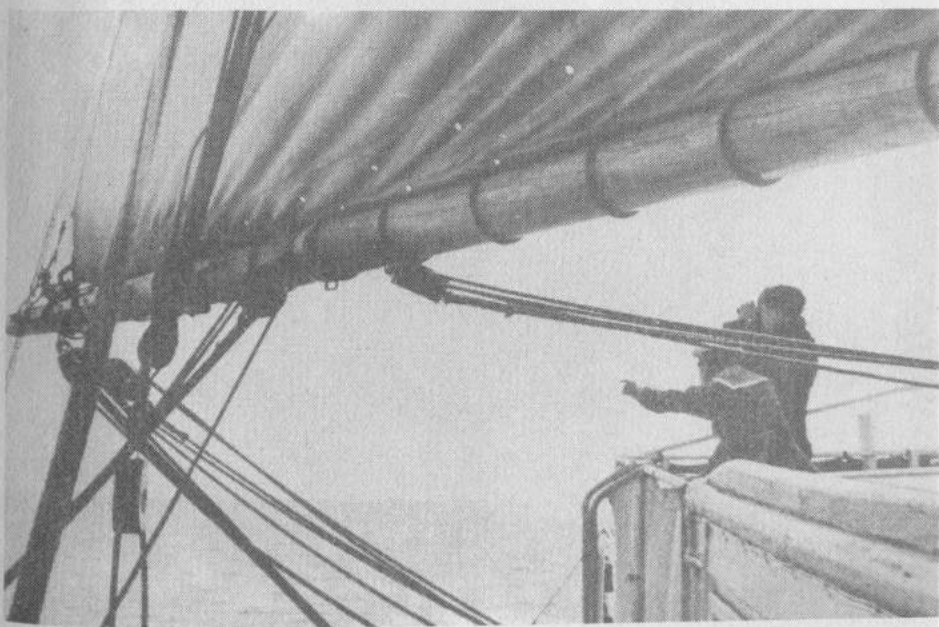

Э. Т. Кренкель. 1904—1971

В. А. Адамов. 1913—1948

В Белом море

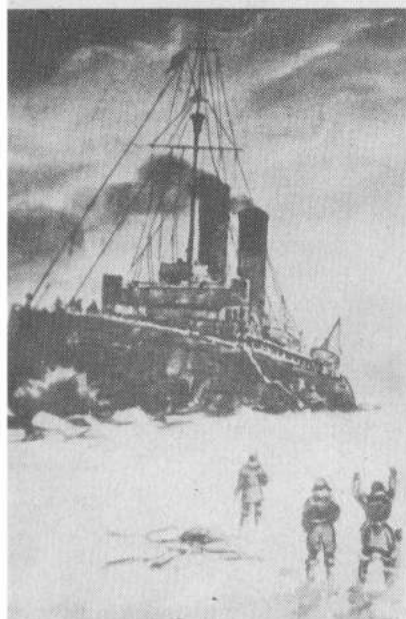

Н. Н. Зубов. 1885—1960

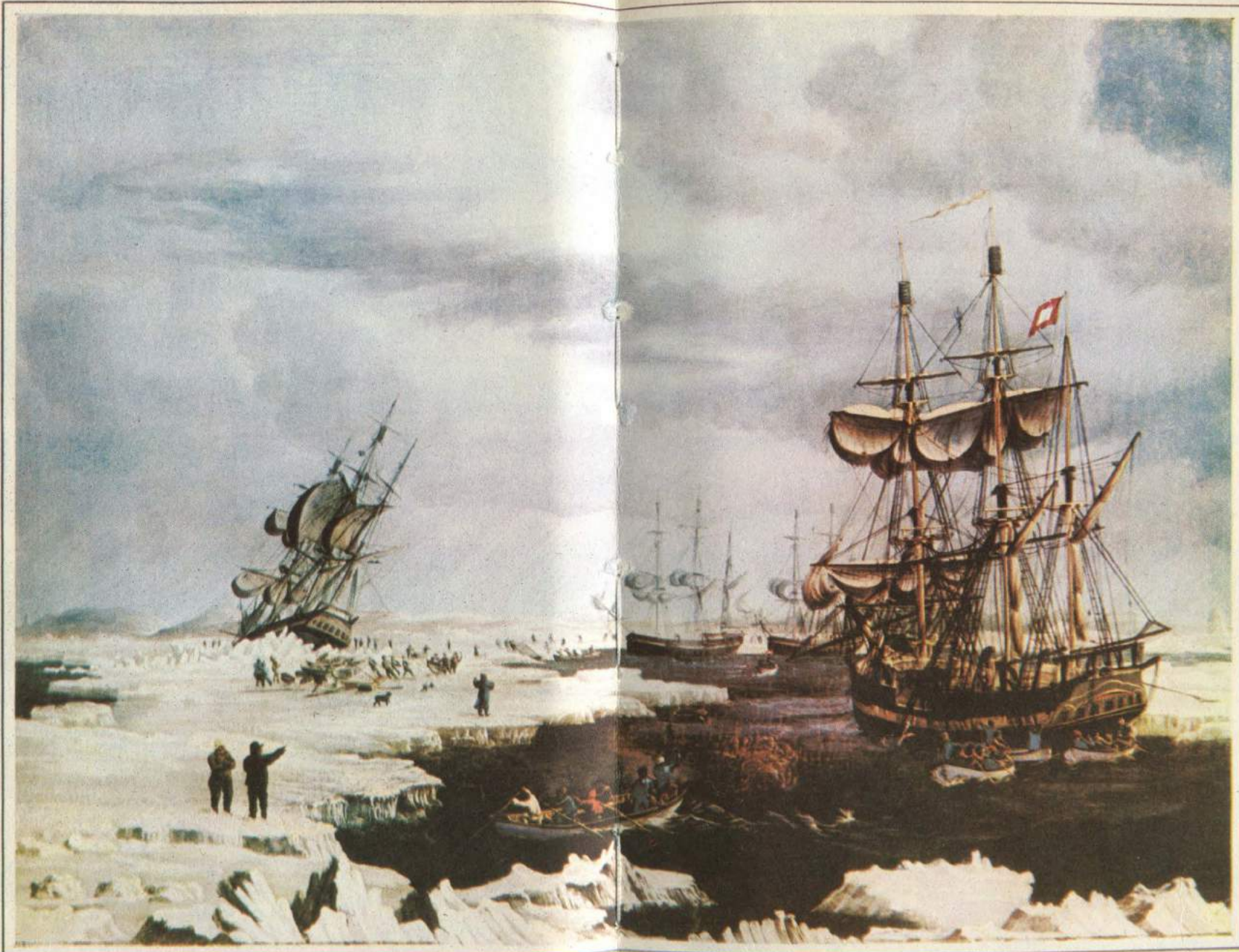
А. Е. Ферсман. 1883—1945

Арктика вчера и сегодня: дедушка русского ледокольного флота «Ермак»; атомный ледокол «Леонид Брежнев» на трассе Севморпути

Корабли в Арктике. С картины Т. Бинка. Музей в Гулле